

Колосёр

2

ФЕВРАЛЬ

1972

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Как солдат слово
сдержал

9

Рассказывают
победители

10

Снова в цирке

36

Что такое сель?

44

В редакции появился
телевизор

50

Рисунок на обложке
Т. Оболенской

Рисунок
на второй странице
обложки
С. Острова

На делегатских собраниях
Ленинградского театра юных
зрителей поют много песен.
Мы печатаем отрывок из са-
мой любимой:

Какими снегами запорошено детство!
Вот осень как осень, вот дождь
словно дождь,
Очаг папы Карло со старенькой дверцей,
Но кончилось детство и в нее
не войдешь.

НАШ ТЮЗ

„На верхнем ярусе сцены — два актера. Тихо, почти таинственно они заговорили: „Начинает сказка скрываться... За горами, за долами, за широкими морями, не на небе, на земле жил старик в одном селе...“

— Вот этого старика вы нам и сыграете, — сказал Александр Александрович. При этом он как-то особо значительно вручил мне листок бумаги, на котором каллиграфически четко было написано: „Роль Петра-отца“. И дальше текст: „Ты поди в дозор, Ванюша. Я куплю тебе обнов, дам гороху, дам бобов“. И это — все!

Я поблагодарил за доверие и принял первую в моей жизни профессиональную роль“.

Этот листок народный артист РСФСР, режиссер, драматург, театральный педагог Л. Ф. Макарьев бережет до сих пор. Многие-много писатели, композиторы, художники и люди других не театральных профессий говорят: „Мы из ТЮЗа!“, „Мы писали для него!“, „Мы играли в нем!“ — и, наконец, — „Мы росли на его спектаклях!“

— Пионеры и работники уголовного розыска решили найти пропавшую пишущую машинку... Это было в спектакле „Ундервуд“, в двадцать девятом году, — сказала нам одна бабушка.

— ТЮЗ — это „Детство маршала“, — сказал один журналист. — Там прекрасные песни, а петь их учил актеров сам Семен Михайлович Буденный.

— ТЮЗ — это Мамаева в роли Джульетты и Сошальский в роли Ромео. Все мы, девчонки, были в него безумно влюблены! — сказала одна учительница.

Молоденький врач сказал коротко:

— ТЮЗ — это „Коллеги“!

— Нет, — возразила ему одна пионерка, — это „Сказки Пушкина“. И еще „Наш цирк“. И еще „Глоток свободы“.

И, представьте себе, каждый из них прав! Театр каждому запомнился по-своему.

Полвека назад в Петрограде открылся Театр детей и подростков. Это теперь он огромный, стеклянный, посреди зеленой площади, светлый, теплый, праздничный. А тогда — зрители сидели в валенках и рукавицах. Спектакли начинались в три часа дня — не было электричества. Критик А. Пиотровский писал, что открытие театра „удивит каждого, кто знает, каких усилий стоит сейчас каждый гвоздь, вколачиваемый в сцену“.

Сорок лет из пятидесяти, что прожил театр, его душой был Александр Александрович Брянцев, главный режиссер. „Он все мог, — пишет о нем Л. Ф. Макарьев, — и сказку рассказать, и показать фокус с веревочками, вязать морские узлы, играть на лобках и свистеть на жалейке“. Он смог создать и небывалый театр.

Нынешний месяц для театра юбилейный.

ЗДРАВСТВУЙ, ТЮЗ! МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ ТЕБЯ!

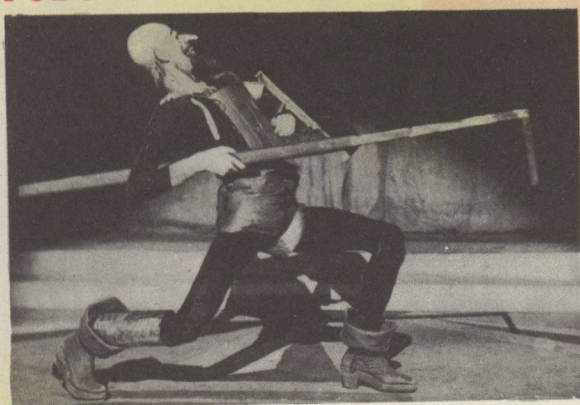
Но ты, мой ключик золотой,
Ты, волшебник с бородой,
Видишь, в марте оживает вода.
Дверь тихонько отвори,
Мы твои, мы твои,
От тебя нам никуда, никуда.

Очаг это просто кусочек картона,
А небо — не небо, а так, полотно.
Но нам и не нужно брэнчанья
и звона.
Для нас ты один, как и детство
одно.

Ведь ты — наш ключик золотой,
Ты — волшебник с бородой.
Видишь, в марте оживает вода.
Дверь тихонько отвори,
Мы твои, мы твои,
От тебя нам никуда, никуда.

ГОВОРЯТ АКТЕРЫ

Народный артист СССР Н. К. Черкасов, игравший Дон-Кихота в 1926—1929 годах: «В этом театре я прожил четыре года, прожил в буквальном смысле так, что даже немногие свои свободные часы отдавал чудесной жизни этого театра».

Говорит Зиновий Яковлевич Корогодский, главный режиссер Театра юных зрителей, заслуженный деятель искусств:

Что делает главный режиссер? Ставит спектакль: репетирует с актерами, обсуждает эскизы декораций с художниками, прослушивает музыку с композиторами и так далее.

А когда спектакль уже поставлен и идет на сцене, что тогда делает главный режиссер? А вот тогда для него начинаются самые волнения.

Он сидит в темном углу зрительного зала, и смотрит, и слушает.

Как ребята понимают пьесу?

Одни смеются, другие плачут, третьи помогают герою советами. И по этим слезам, смеху, выкрикам видно, что в спектакле получилось, а что еще требует переделок.

В каждой афише мы пишем: представление для детей такого-то возраста. Но если мы написали, например, что «Волшебное стеклышко» по пьесе К. Чапека — для ребят с третьего класса, то это не значит, что семикласснику на этом спектакле делать нечего. С десяти и до ста лет можно смотреть «Волшебное стеклышко», если, конечно, человек интересуется искусством! Но вот второкласснику еще трудно будет понять это представление, и он станет отвлекаться. Поэтому режиссер обязательно заметит, какого возраста ребята собрались в зале, не мешают ли они друг другу.

Я люблю смотреть спектакли и просто как зритель. Тогда со мной рядом обязательно сидит мой сын. Иногда меня спрашивают: «А для кого те спектакли, на которые вы ходите вместе с сыном?» А я тогда отве-

**„...ЯВЛЯЕТСЯ ТЕАТРОМ
ОСОБОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВАЖНОСТИ“**

„Положение о Театре юных зрителей (Театре детей и подростков в Петрограде“.

3 ноября 1921 года.

ГОВОРЯТ АКТЕРЫ

Народная артистка СССР Н. В. Мамаева, исполнительница роли Джульетты в 1948 году: «Я счастлива, что путь в большое искусство мне выпало начинать в Ленинградском театре юных зрителей».

чаю: «А для кого книга «Том Сойер»? Для больших или для маленьких? Я, например, с удовольствием ее перечитываю».

Многие ребята после спектаклей берут в руки краски, и тогда получается вот что:

«Трень-брень»

«Сказки Пушкина»

«А зори здесь тихие...»

За час до начала представления в театр приходят дежурные делегаты. Один из делегатов становится на этот день дежурным командиром. Он выдает повязки и разводит по постам.

Сегодня дежурный командир — Лена. На посты № 1 и № 2 она назначает Олю и Женю. Оля и Женя идут к входной двери. Здесь им стоять до начала спектакля и встречать входящих зрителей. Во время антракта они будут следить за порядком в зрительном зале.

У входа в зал в нижнем фойе — посты третий и четвертый. Здесь стоят Катя и Саша. С первым звонком они встанут у сцены, чтобы некоторые любопытные ребята не ходили на сцену и за кулисы. А после последнего звонка будут охранять актерский поклон.

Витя на пятом посту до начала спектакля дежурит в вестибюле. Во время антракта он будет стоять у барьера оркестра.

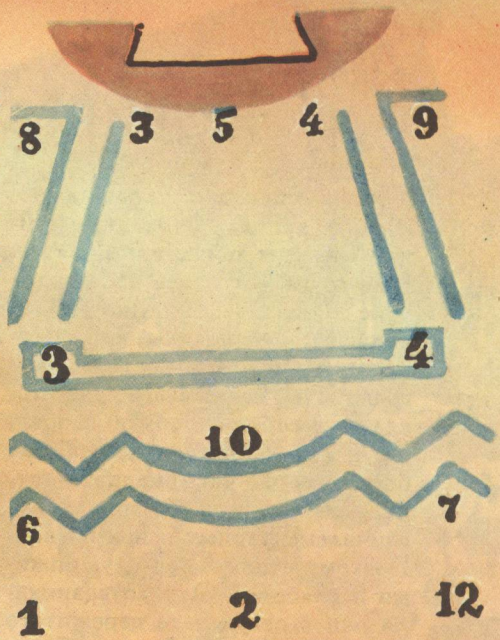
Шестой пост — правая площадка. В обязанности дежурного входит следить за порядком. После второго звонка приглашать зрителей в зал. Дежурный должен быть вежливым и внимательным. На этом посту — Миша.

В зимних садах (посты 7, 8, 9) Аркаша, Даша и Маша смотрят, чтобы ребята не трогали руками растения.

Отвечает за порядок возле выставок в верхнем фойе Нина. Ее пост № 10.

В радиоложе на одиннадцатом посту охраняет аппаратуру Валя.

Пост № 12 занимает Федя. До начала спектакля его место у контроля. Он регистрирует школы.

ГОВОРЯТ АКТЕРЫ

Народный артист СССР Б. П. Чирков: «В кино и в театре я сыграл уже много ролей, но роль Тиля Уленшпигеля, сыгранная в 1926 году, — одна из самых любимых».

«Олеко Дундич»

ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ

Ира Беляева: Каждая школа посылает в театр своих представителей. Все делегаты вместе — делегатское собрание.

Толя Машков: Вообще-то я хочу стать артистом, занимаюсь в драматической студии при Дворце культуры, но когда мы пришли в театр впервые, нам сказали: «Учите, вы здесь играть не будете, вы нам нужны как помощники».

Сейчас мы только что закончили дежурство — все делегаты по очереди дежурят. Но основную работу делегат ведет в своей школе. У нас в двести семьдесят девятой каждый понедельник в восемь двадцать бывает радиопередача о ТЮЗе.

Ира: А мы посещаем спектакли, а потом в школе обсуждаем их. Иногда приглашаем на наши споры кого-нибудь из актеров или режиссера — они никогда не отказываются.

Тамара Денисенко: Многие делегаты оформляют в школах стенды. Называются «Внимание, ТЮЗ!» или как-нибудь еще. Устраивают День ТЮЗа.

Толя: А для малышей — праздник первого спектакля.

Ира: А еще можно выпустить газету.

ИЗ «ОБЯЗАННОСТЕЙ ДЕЛЕГАТОВ».

Делегаты подчиняются ответственному дежурному или педагогу.

Без разрешения ответственного дежурного делегат не может покинуть свой пост.

ГОВОРЯТ АКТЕРЫ

Народный артист РСФСР Р. Ф. Лебедев, артисты Н. Н. Иванов, Г. Г. Тараторкин, А. Н. Шуранова, И. Л. Соколова — исполнители главных ролей в спектакле «Гамлет», который сейчас идет в ТЮЗе: «Что такое для нас ТЮЗ? — Всё!»

Меня иногда спрашивают: когда я написал блокадные стихи — в годы войны или позднее. Мне трудно ответить на этот вопрос однозначно. Многие закончены, переписаны или даже вновь написаны в послевоенные годы. Но начинались они тогда — в сорок втором и, особенно, в сорок третьем, когда мне было всего четырнадцать-пятнадцать лет и я не знал тогда еще элементарных основ поэзии. Поэтому стихи были неуклюжими и слабыми. Однако возникли они в результате пережитого и увиденного. Позднее они могли стать и стали отправным пунктом для других стихов, а отдельные строки вошли в заново написанные стихотворения. Например, стихотворение «Обстрел», законченное в 1965 году:

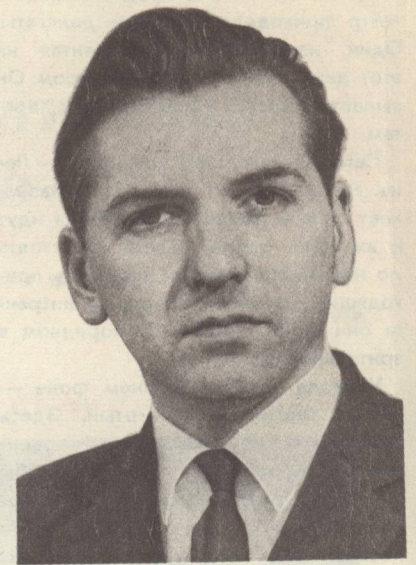
Фанера надрывается в окне,
От взрыва дом привычно
закачался.
Ребенок улыбается во сне.
А мать ему поет
О тишине,
Чтоб он ее
Потом не испугался.

Но последние четыре строчки — самые главные — взяты из стихотворения 1944 года.

Окончив университет, я получил профессию журналиста.

Чем дальше отделило меня время от блокады, тем решительнее возникала во мне мучительная потребность вернуться к годам войны и попробовать рассказать в стихах про то, что не давало мне покоя.

Чудо поэзии я открыл для себя через блокадные стихи ленинградских поэтов, прежде всего Ольги Федоровны Берггольц и Николая Семеновича Тихонова. В «Ленинградской правде» и «Смене», которые выходили тогда на двух страничках, да и то не каждый день, почти всегда были стихи. И после войны я уже никогда не видел, чтобы стихи читали так, как тогда. В стихах черпали мужество и надежду, находили слова утешения и веры, заряжались силой жизни. Когда ленинградцам надо было рассказать о блокаде своим близким на Большой земле, они вкладывали в письма вырезанные из газет или пере-

писанные от руки главы из ленинградских поэм Берггольц. Каждый, кто пережил блокаду, хорошо понимает одну из сложнейших тайн жизни — зачем нужна поэзия.

Из своих блокадных стихов я выбрал для читателей «Костра» три: они о разном и в то же время о том общем, что объединяло в те годы чувства и переживания ленинградских мальчишек, к которым принадлежал и автор этих строк.

Воронов

ТРОЕ

Я к ним подойду. Одеялом укурю,
О чем-то скажу, но они не услышат.
Спрошу — не ответят...
А в комнате трое.
Нас в комнате трое, но двое не дышат.
Я знаю: не встанут.
Я все понимаю...
Зачем же я хлеб на три части ломаю?

Рисунки Н. Кустова

ИЗ ПИСЕМ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Наш город в снег
До пояса закопан.
И если с крыш
На город посмотреть,
То улицы
Похожи на окопы,
В которых побывать успела
Смерть.

Вагоны
У пустых вокзалов стынут,
И паровозы мертвые молчат, —
Ведь семафоры
Рук своих не вскинут
На всех путях,
Ведущих в Ленинград.

Луна скользит по небу одиноко,
Как по щеке холодная слеза.
И темные дома стоят без стекол,
Как люди,
Потерявшие глаза.

Но в то, что умер город наш, —
Не верьте!
Нас не согнут
Отчаянье и страх.
Мы знаем
От людей, сраженных смертью,
Что означает:

«Смертью
смерть поправ».

Мы знаем:
Клятвы говорить не просто.
И если в Ленинград ворвется враг,
Мы разорвем
последнюю из простынь
Лишь на бинты,
Но не на белый флаг!

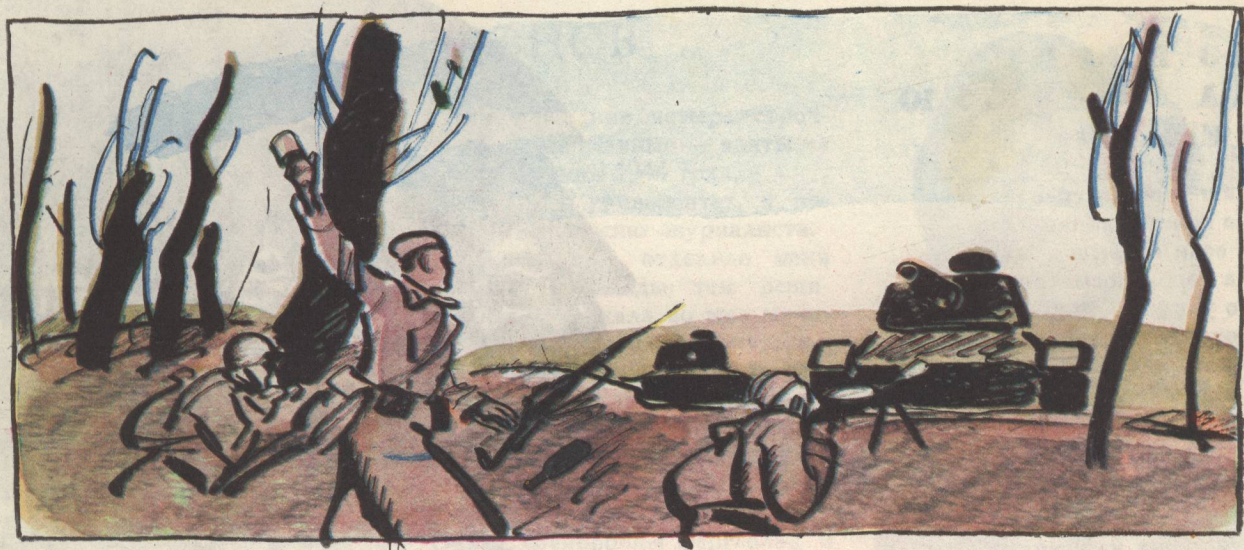
* * *

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом —
Паспорта.

И в этом нет беды.
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда.

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ МОСКОВСКОЙ БИТВЕ

Сергей Алексеев

Рисунки Н. Лямина

Холм-Жирковский

Осень коснулась полей Подмосквья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

Точно по плану идет наступление. На одном из главных участков фронта фашистские танки двигались на населенный пункт Холм-Жирковский.

Приблизились к поселку фашистские танки. Глянули на часы офицеры. Все точно — минута в минуту. В указанный час подошли к Жирковскому.

Смотрят танкисты на Холм-Жирковский. Что им какой-то Жирковский, что льву на зубок горошина.

— Форвертс! — прокричал командир. — Десять минут на штурм. — Достал часы, посмотрел на время.

Пошли на Жирковский танки.

Защищали Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада. Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Ползут на окопы танки. Один прямо идет на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк.

— Бросай, бросай, — шепчет сосед по окопу. Выжидает Унечин.

— Бросай же, леший тебя возьми! — уже не шепчет, кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал еще минуту. Вот уже рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин, швырнул гранату. Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер. Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси.

Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

— Вот это да, браток! Выходит, дал и прикурить, и выпить.

Слева и справа грохочет бой. Не пропускают герои танки.

Новую вынул солдат гранату. Бутылку достал со смесью. Рядом поставил гранату. Ждет.

Новый танк гроыхнул металлом. И этот идет на Унечина. Кто-то опять сказал:

— Зверь на ловца бежит.

Выждал Унечин минуту, вторую, третью.

— Бросай же, бросай, — снова крикнуть хотел сосед. Однако губы зажал, сдержался.

Еще минута — и вновь граната кошкой под танк метнулась. А следом бутылка с горючей смесью. Вспыхнул и этот танк.

Улыбнулся Унечин. Пилотку на лбу поправил. Третью достал гранату. Вынул бутылку с горючей смесью. Рядом ее поставил.

Слева и справа грохочет бой. Не пропускают солдаты танки.

Десять минут прошло, тридцать минут прошло. Час продолжается бой, два не стихает сражение. Смотрят с тревогой на часы фашистские офицеры. Давно уже нужно пройти Жирковский. Застраляли они тут.

Более суток держались бойцы под Жирковским. Подбили и подожгли пятьдесят девять фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин. К исходу суток пришел приказ на новый рубеж отойти солдатам. Отходят солдаты. Вместе со всеми идет Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилот-

ка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Отходят солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Жирковский. Смотрят солдаты — батюшки свет! Все поле в подбитых танках. Не поле — сплошное месиво.

Кто-то промолвил:

— Жарко досталось фашистам, жарко. Помнят злодеи наш Холм-Жирковский.

— Не Жирковский, считай ЖАРковский, — кто-то другой поправил.

Экзамен

Не повезло лейтенанту Жулину. Все друзья в боевых полках. Жулин служит в учебной роте.

Обучает лейтенант ополченцев. На защиту Москвы поднялись тысячи добровольцев.

Ополченцы! Энергии много, знаний военных мало. Где у винтовки курок, где боек, зачастую путают.

Обучает Жулин ополченцев стрельбе по мишеням. Учат штыком по мешкам колоть.

Тяготится молодой офицер своим положением. Бои идут у самой Москвы. Охватывает враг советскую столицу огромным полукольцом. Рвется с севера, рвется с юга. Атакуют в лоб. Дмитров, Клин, Истра в руках у фашистов. Бои идут всего в сорока километрах от Москвы у поселка Крюково.

Рвется Жулин к друзьям на фронт. Подает рапорта начальству.

— Подготовка солдат к боям — тот же фронт, — отвечает начальство.

— Ну и фронт! — огрызнулся Жулин.

— Разговорчики!

— Стрельба по мишеням... Штыком по мешкам...

— Разговорчики!!!

Пригрозило начальство Жулину, что приедет к нему с проверкой. Устроит и ему и бойцам экзамен.

Вернулся Жулин к своим ополченцам. Со злости по-пластунски заставил ползать. До седьмого пота штыком по мешкам колоть.

Прошел день или два. Глянул Жулин — катит начальство. К тому же начальство высшее — сам генерал в машине.

В этот день проводил лейтенант с бойцами занятия в лесу, на лесной поляне, недалеко от поселка Нахабино. Опять по-пластунски сол-

даты ползали. Рыли окопы. По мишеням вели стрельбу.

Тишь, благодать кругом. Сосны стоят и ели.

Бросился Жулин генералу навстречу, руку поднес к пилотке.

— Товарищ генерал, рота лейтенанта Жулина... — стал докладывать Жулин. Вдруг слышит самолетный гул прямо над головой. Поднял Жулин глаза — самолет. Видит: не наш — фашистский.

Прекратил лейтенант доклад, повернулся к бойцам:

— К бою! — подал команду.

Между тем фашистский самолет развернулся и открыл пулеметный огонь по поляне. Хорошо, что бойцы отрыли окопы, укрылись они от пуль.

— Огонь по фашисту! — командует Жулин.

Открыли огонь ополченцы.

— Не торопись, целься, бери упреждение, — командует Жулин. Сам подбежал к пулемету, на мушку схватил фашиста.

Секунда, вторая, и вдруг вспыхнул вражеский самолет. Еще секунда — выпрыгнул летчик. Раскрыл парашют, приземлился у самого края поляны.

Подбежали солдаты, взяли фашиста в плен. Доволен Жулин. Поправил пилотку, гимна-

стерку одернул. К генералу опять шагнул. Козырнул. Замер по стойке «смирно».

— Товарищ генерал, рота лейтенанта Жулина проводит учебные занятия.

Улыбнулся генерал, повернулся к ополченцам:

— Благодарю за службу, товарищи.

— Служим Советскому Союзу, — точно по уставу гаркнули ополченцы.

— Вольно, — сказал генерал. На Жулина одобряюще глянул.

Вместе с генералом приехал и подполковник. И как раз именно тот из жулинского начальства, который грозил лейтенанту проверкой.

— Товарищ генерал, — шепчет подполковник. — Разрешите начать экзамен.

— Зачем же, — сказал генерал. — Считаю — экзамен принят.

Подошел и крепко руку пожал лейтенанту Жулину. А потом и орден прислали Жулину. Жулину — орден. Солдатам — медали.

Важное дело готовить войска к боям. Во многих местах: под Москвой, на Урале, в далекой Сибири завершают войска обучение. Шагает, шагает время. Не в пользу фашистов часы считают.

Пушка

Был один из самых тяжелых моментов Московской битвы.

Бои шли севернее Москвы на Рогачевском шоссе.

Ударил фашистские танки на стык между двумя соседними армиями, устремились в прорыв, понеслись к Москве. Пали селения Белый Раст, Озерцеков, Мышецкое, рабочий поселок Красная Поляна. Враги вышли к станции Лобня и Савеловской железной дороге.

До Москвы оставалось всего 25 километров.

Двадцать пять километров — это расстояние, на которое могла стрелять фашистская дальнобойная артиллерия.

Привезли фашисты в Красную Поляну дальнобойную пушку. Стали ее устанавливать. Дали приказ подвозить снаряды.

Возятся солдаты у пушки. Площадку ровняют. Лафет укрепляют. В прицел, как в бинокль, заглядывают.

Ликуют фашисты:

— Мы первыми из всех по Москве ударим.

— Награда от фюрера будет.

Суетится артиллерийский офицер. И этот о том же думает: будет ему награда — рыцарский крест на шею.

Торжествуют фашисты удачу. А в это время навстречу врагу срочно двигались наши части. Подходили полки и роты, с марша вступали в бой.

Возьются фашистские солдаты у пушки. Привезли им как раз снаряды.

— Шнель, шнель, — покрикивает офицер.

Предвкушает фашист успех. Вот заложат солдаты в пушку сейчас снаряд. Вот вскинет он руку. В три горла рванет команду. Вот она радость боя!

— Шнель, шнель, — покрикивает офицер.

Возьются солдаты у пушки, слышат шум боя. Только не дальше, не к Москве почему-то отхо-

дит бой, а сдается солдатам, что сюда, к Красной Поляне ближе.

Переглянулись солдаты:

— Ближе!

Переглянулись:

— Ближе! !

Вот и несется уже «ура!». Вот и ушанки с красной звездой мелькнули.

Выбили советские войска фашистов из Красной Поляны. Досталась пушка советским бойцам. Обступили ее солдаты. Любопытно на пушку глянуть.

— Вот бы сейчас — по Гитлеру!

— Прихватим с собой к Берлину!

Однако пришел приказ пушку отправить в тыл. И все же задержались чуть-чуть солдаты.

— Подождет пять минут приказ.

Развернули солдаты пушку. Вложили снаряд. Прицелились. Ударила пушка басом. Понесся снаряд на запад, весть о нашей победе врагам понес.

Прибыл

Началась эта история перед самой войной. Павел Коркин, житель подмосковного села Бабкино, отбывал солдатскую службу на Дальнем Востоке в стрелковой дивизии полковника Белобородова.

Жили солдаты рядом с рекой Уссури. Широка, полноводна, быстра Уссури. . .

Отличился солдат в учениях, дали ему краткосрочный отпуск домой в награду.

Пишет Коркин родным письмо: «Ждите, еду. Ваш Павел Коркин».

Не уехал тогда солдат. Задержала война. Лишь напрасно письмо отправил.

Осенью 1941 года дальневосточная дивизия полковника Белобородова была перебросена под Москву, на помощь защитникам советской столицы. Отличились в сражениях дальневосточники. Заслужили гвардейское звание.

И вот теперь вместе со всеми гвардейцы Белобородова громили фашистов, гнали врага на запад. Через несколько дней наступления солдаты вышли к берегу Истры, к Истринскому водохранилищу.

Истра, Истра. За Истрой — Бабкино. Смотрит Коркин — родимый край. Справа плотина Истринского водохранилища. Впереди возвышенный берег Истры. Берег лесистый, с крутыми склонами. Хорошо держать оборону. Засели на нем фашисты. Открыли огонь по нашим.

— Ура! — кричит Коркин.

Бросились наши войска в атаку. Не страшны им огонь и взрывы. Вот-вот и ворвутся на правый берег. И вдруг. . .

Водяной вал высотой в четыре метра обру-

шился на советские части. Отпрянули наши солдаты. Это фашисты взорвали плотину Истринского водохранилища. Забурлила, устремилась вода вперед. Разлилась, раздвинулась Истра. Смотрит Коркин: не Истра — река Уссури. Да где Уссури — вместе Амур и Волга.

Остановилось успешное продвижение.

— Рус, цурюк! Рус, цурюк! — голоса фашисты.

Охватила Коркина злость. Глянул солдат налево, направо. На тот берег крутой, вдаль:

— Братцы, вперед! Братцы, не трус! Братцы, вплавь на подручных средствах!

Ожили солдаты. Бросились к недалеким избам. Разобрали заборы. Кто на бревнах, кто на воротах, кто просто так устремились гвардейцы в воду.

Смотрят фашисты во все глаза. В реальность всего не верят. Вот на воде колыхнулись уже плоты, вот надувные лодки. Ударил дружно советская артиллерия. В небе появились советские штурмовики.

Дружно идет атака.

— Вперед! Ура! Вперед! — кричит Коркин. Первым догреб до берега. Первым рванул вперед на фашистов.

Ворвались гвардейцы на прибрежные кручи. Бежали фашисты.

Как снег на голову явился Коркин в родное Бабкино.

— Павлуша! — всплеснула руками мать и тут же навзрыд заплакала.

Улыбается ей солдат:

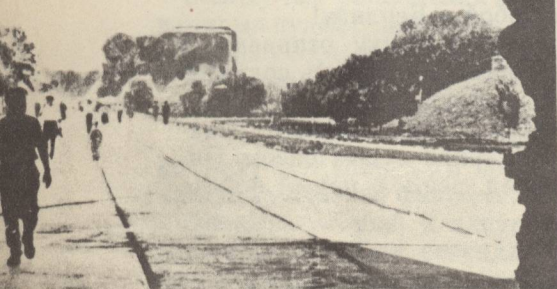
— Слово сдержал. Прибыл. Встречайте! Прибыл!

пионеры

УСПЕХ
ОПЕРАЦИИ
„ЗУБР“

Легендарная крепость-герой Брест. В конце прошлого лета, неподалеку от ее стен, овеянных славой, выстроились отряды юнармейцев — финалисты Всесоюзной военно-спортивной игры «Зарница». Почти две тысячи ее участников, приехавших со всех концов страны, видели, как маршал Советского Союза И. Х. Баграмян вручал отряду школы № 8 города Шуя Ивановской области — победителю «Зарницы» — макет танка — главный приз министра обороны.

Замолкли торжественные горы. Отрели бараны. Печата шаг, прошли шеренги юнармейцев...

Итоги финала долго еще будут об-

Киевские юные следопыты в гостях у Семена Михайловича Буденного.

Фото А. Чалого

ТОВАРИЩИ

суждать в школах Сибири, Украины, Москвы и Белоруссии. Ведь впереди — новые старты «Зарницы», новые задачи и, конечно, новые победители.

Главный консультант «Зарницы» генерал-майор артиллерии запаса Глеб Сергеевич Десницкий рассказал корреспонденту «Костра» Борису Грищенко, чем, по его мнению, примечателен брестский финал.

Представители пятнадцати миллионов ребят участвовали в «Зарнице». Получился самый внушительный сбор юнармейцев из всех областей, краев и республик нашей страны. Можно сказать, что у стен крепости, хранящих память о беспримерном подвиге советских

бойцов, собралась минувшим летом гвардия «Зарницы».

Я участвовал в финалах игры, которые проходили в 1967 году в городе-герое Севастополе, в 1968 году — в Нарве, в 1969 — в Пскове. И вот, наконец, Брест. Август 1971 года.

Я видел, как тщательно готовятся отряды к решающей атаке. Умело действовали разведчики и стрелки, связисты и санитары.

В Бресте, где во второй раз проводились соревнования по этим специальностям, я убедился, что мастерство, выучка

Воля, смекалка, тренировка, большая юнармейская дружба привели следопытов и юнармейцев I школы города Бокситогорска Ленинградской области к победе в «Зарнице». Ребята не только вышли в финал, но заняли одно из двадцати лучших мест. Вот как сами победители рассказывают о своем отряде:

Сергея Похвалитов:

— Я люблю игру «Зарница». Мы по-настоящему учимся стрелять по мишеням, изучаем автомат, пулемет. Жаль, что нельзя овладеть всеми военными специальностями сразу.

Вот в прошлом году вызывают меня в штаб батальона, дают назначение в подразделение гранатометчиков.

Как только взвилась в небо красная ракета и раздалась команда, я надел противогаз и с гранатой начал подбираться к окопам.

Я представил, что в окопах этих сидят фашисты, посягнувшие на нашу Родину. Сразу и силы взялись, и злость, и меткость! Мои гранаты попали в цель. Обидно было, что так быстро «отвоевался», хотелось не только бросать гранаты, но и разыскивать саперским щупом в снегу мины, стрелять по мишеням, бежать на лыжах вперед.

ПО „ЗАРНИЦЕ“

юнармейцев намного улучшились.

Если во Пскове всего 20 ребят удостоились звания «меткий стрелок», то в Бресте — уже 80 юных снайперов. Ребята стали собраннее, дисциплинированнее, показали лучшую строевую подготовку. Все это, конечно, результат упорной работы. Совсем по-суворовски: «Тяжело в ученье — легко в бою»...

И вот он — бой. Завершающая часть брестского финала «Зарницы», операция под кодовым названием «Зубр».

Мне со своего наблюдатель-

ного пункта хорошо было видно, как «северные» и «южные» выходили на заданные рубежи, как настойчиво и умело атаковали огневые точки. (По условиям операции каждому отряду полагалось захватить пулемет (мишень). Побеждал тот, кто справлялся с этой задачей в кратчайший срок). За спиной отрядов — лесные заросли, водные рубежи. Трудный путь, но юнармейцы с честью выдержали испытания.

«Зарница» как бы повзрослела. Например, система оценок стала более объективной. Посредник теперь лишь отме-

чает, сколько стрелков попало в цель, сколько ребят в каждом отряде сняло на марше противогазы и так далее.

А окончательная оценка ставится по специальной шкале (из пятерки вычитают штрафные очки).

И те двадцать юнармейцев из Шуи, что стали победителями брестского финала, завоевали это почетное право в трудной борьбе за каждую сотую

Ленинградские и новгородские ребята встретились с защитниками Брестской крепости П. М. Гавриловым и С. М. Матевосяном.

Валерий Облаков:

— Стрелять я научился еще в первом классе, уже тогда меня папа брал с собой на охоту. Однажды во дворе я увидел, как ястреб готовится напасть на мирно шедших с курицей цыплят, побежал за отцовской двустволкой, прицелился и выстрелил в коварную птицу. Ястреб упал замертво. Но вот в 6-м классе зимой на военно-спортивных соревнованиях, когда стреляли по надутым воздушным шарам из мелкокалиберной винтовки, был сильный ветер, шары здорово раскачивало, и мне не удалось выбить ни одного очка.

«А еще охотник», — смеялись надо мной ребята.

Разозлился на себя крепко. Начал тренироваться в тире, на стрельбище, где только можно. И вот в Бресте из 50 выбил 49 очков.

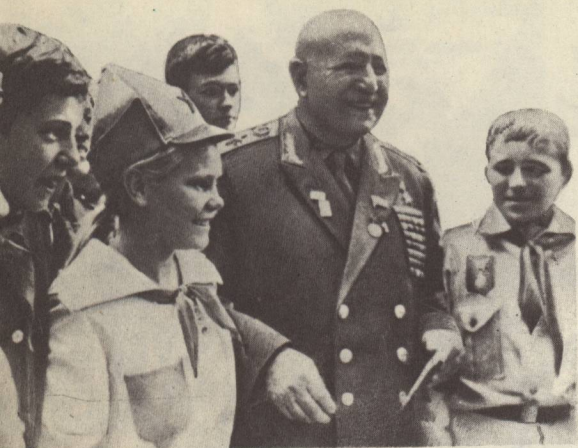
Считаю, что «Зарница» не просто развлекательная игра. Она вырабатывает сильный характер, волю к победе, выносливость, мужество. А все это пригодится нам в жизни.

Гая Каретникова:

— Меня выбрали командиром отряда совсем недавно. Первое время я очень волновалась — думала — вдруг мальчишки слушаться не будут. Но напрасно. Дисциплина у них воинская, так что нам, девочкам, можно у них даже поучиться.

Интересен рассказ Героя Советского Союза маршала И. Х. Баграмяна!

долю очка, за каждую секунду, каждый метр, каждый рубеж.

Вот где сказались взаимовыручка, дисциплина, дружба. Ведь к цели приходят только дружные!

Мне хочется со страниц «Костра» от всей души поздравить участников финала «Зарницы» и всех юнармейцев.

Где будет следующий финал «Зарницы»? Это пока военная тайна. Ясно главное: к новому финалу юнармейцы должны прийти еще более подготовленными, умелыми, дисциплинированными и сильными. А ведь в этом и заключается главная задача «Зарницы» — воспитать у ребят любовь к Родине, любовь к славной советской армии, зорко охраняющей мир на Земле.

ТРУБА ЗОВЕТ...

В 1929 году газета юных пионеров совсем была не похожа на красочную, многоцветную «Пионерскую правду» наших дней. Серая, рыхлая бумага, блеклые фотографии и необычные, как бы мы теперь сказали, взрословатые, заголовки: «Дадим отпор белогвардейским бандам на Дальнем Востоке!», «Втянем ребят-батрачков в трудовую вечернюю школу!», «Даешь наш пионерский самолет!»...

Такой самолет был построен. Ребята по всей стране собирали деньги, отдавали свои трудовые пятаки и гривенники.

Впервые самолет поднялся в воздух в дни Первого Всесоюзного пионерского слета.

Маленькая и еще очень слабая краснокрылая двухместная машина проплыла в голубом небе, стрекоча мотором как кузнечик.

На борту самолета красовалось его название «Пионерская правда».

Пионеры ликовали. Кричали «ура». Подкидывали в воздух свои картузы и тюбетейки. Самолет был торжественно передан Воздушному Флоту Красной Армии 24 августа 1929 года, в день смычки пионерии с Красной Армией. Делегаты пионерского слета вместе с красноармейцами участвовали в этот день в маневрах.

Газета пестрела заголовками: «Учись у Красной Армии защите СССР!», «Труба зовет в бой!».

...Труба сыграла подъем в семь утра.

Началась подготовка к показательному двухстороннему бою.

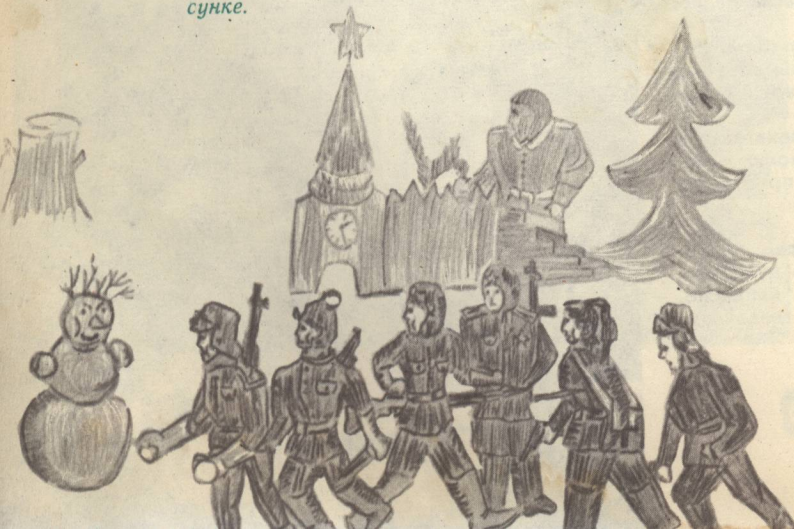
Приводили в боевую готовность свое хозяйство пулеметчики и артиллеристы. Стрелки старательно чистили винтовки.

Лагерь разделился на «красных» и «синих». У «синих» вся надежда была на артиллерийский дивизион. У «красных» — на броневики и кавалерию.

Все готово, и лагерь снимается с места. Начинается марш-бросок. Грозно выглядят роты: оцетинились винтовками, пулеметами. По-

ТОВАРИЩИ

Ваня Покровский в Бресте не был, потому что учился только во втором классе, но уже считает себя военным художником, так как принимал участие в октябратской «Зарничке» и все, что там было, изобразил на своем рисунке.

Комиссар отряда Таня Карасева:

— Нас подружила «Зарница».

Может быть, у нас никогда не было бы так много друзей из Казахстана, Грузии, Камчатки, Северной Осетии, города Иванова, если бы не «Зарница». Мы познакомились в Бресте, и сейчас к нам в школу приходят письма из разных городов нашей страны. Пишут нам о своих делах юнармейцы Риги, Москвы, Бреста.

Особенно много писем получаем мы от украинских ребят, из города Череповца... Ведь мы ехали в Брест в одном вагоне, вместе пели песни, играли в настольные игры, разучивали сигнализацию. И мы хотим через журнал «Костер» передать наш огневой юнармейский привет Свете Городецкой и Свете Карбукаевой из Бреста, Мише Полуш, Сереже Белозерову и Сереже Лопатину из Череповца и всем-всем нашим друзьям, с которыми породнила нас замечательная юнармейская игра «Зарница». Думаем, что на весенних каникулах мы вновь все встретимся в городе на Неве.

пробуй — подступись! Сзади снарядных тачанок идут пионеры. Часть из них села на коней...

И грянул бой... Винтовочные залпы разорвали напряженную тишину. Затрещали пулеметы. Над полем боя поднялось облако сизого дыма, запахло порохом и гарью.

Пионеры-связисты поддерживали надежную связь с ротами. Пионеры вели винтовочный огонь и стреляли из пулеметов, перевязывали «раненых».

Исход жаркого боя решила кавалерия «красных»: прорвала фронт, смяла ряды «синих».

На параде после боя перед застывшими рядами красноармейских и пионерских рот выступал член Реввоенсовета Республики...

С того далекого августовского дня прошло много лет. На долю пионеров, которые были тогда на параде, выпало немало трудных испытаний.

«...Вы, товарищи, — говорил тогда член Реввоенсовета, — должны иметь в виду, что вам придется переживать серьезные события. Пусть эти дни станут залогом той великой боевой подготовки, которую вы будете проводить в ваших славных рядах пионерской организации...»

Сохранились газетные отчеты тех лет. Мы невольно улыбаемся, читая о том «бое»: кавалерия, тачанки, винтовки, слабенький двухместный самолет...

По тем временам все это было грозным оружием.

Но самым большим оружием была тогда и остается теперь наша великая любовь к Родине, наша преданность делу Ленинской партии.

В августе 1929 года Центральный Комитет комсомола принял обращение к пионерам страны:

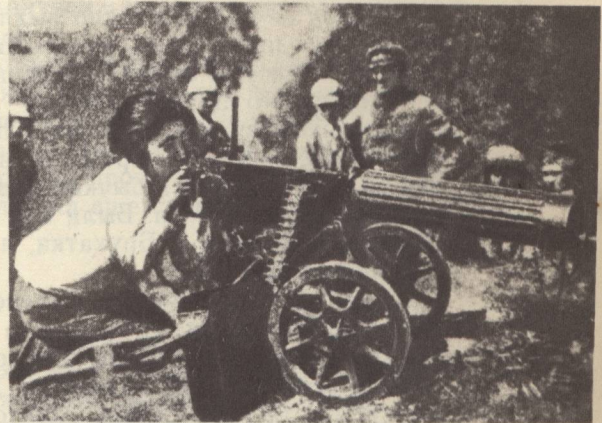
«...В дни слета вы должны дать клятву: крепить оборону страны, вовлечь миллионы детей в строительство социализма, в выполнение плана пятилетних работ...»

Эти призывы живут и сегодня.

А памятью о тех забываемых днях стали старые фотографии — первый пионерский «бой», далекий исток нашей сегодняшней «Зарницы».

М. Мамедов,

открытки из собрания Н. Тагрина

ПО „ЗАРНИЦЕ“

Андрей Сучков:

— А я расскажу грустную историю. Случилось это в пятом классе... Был я тогда в своем подразделении главным. Выбрали меня на должность командира (как я потом узнал) за громкий голос. Однажды зимой решили мы провести игру на местности. Собрал я подразделения, отдал приказ — явиться назавтра всем с лыжами.

По тайным лесным тропам должен был я повести отряд на штурм высоты Нойдем. Сбор назначили ровно в 7.00 у школы.

Воевать так воевать.

Но до сих пор так и не знаю, все тогда собралось по тревоге или нет, потому что сам я проспал до восьми.

Прибежал на место — никого, хотел было до высоты в одиночку добираться, да вспомнил, что лыжи дома забыл. Так и вернулся домой, даже не повстречавшись со своими. Высоту, конечно, без меня брали. И знамя на вершине тоже без моего участия водрузили. Обидно было! На следующий день перевели меня в рядовые. С тех пор всегда прихожу вовремя.

Наташа Мотакова:

— Никогда не забуду дня, когда я первый раз в стрелковом кружке взяла в руки автомат. Мальчишки разбирали и собирали его за несколько десятков секунд. Мне не хотелось от них отставать, и я тоже начала торопиться со сборкой, но вдруг палец застрял между прикладом и крышкой и ни туда ни сюда.

Так, может быть, и ходила с полуразобранном оружием в руках, если бы не мальчишки. Выручили!

Вот в Бресте, помню, на туристской полосе мы совсем выбились из сил. Маршрут был очень трудный, пролегал через горы, реку, перевалы. Мальчишки как настоящие рыцари взяли у нас рюкзаки, помогли нам переходить вброд речку: только бы мы не отставали! Только бы не подводили отряд!..

Автомат я собирать все-таки научилась и стрелять из винтовки тоже, и в Бресте получила значок «Меткий стрелок», такой же, как у Валерки Облакова.

Записала Л. Крелевецкая
Фото М. Холмова

ЖАРКОЕ ЛЕТО

ПОВЕСТЬ

Николай Печерский

Рисунки Т. Капустиной

Мать выключила свет, и комната спряталась в темноту. Прошло немного времени, и Ваня заметил в черной пустоте крохотную золотую искринку. Она бегала взад-вперед над материнской кроватью, тихо и вкрадчиво тикала. Это раскачивалась на маятнике заглянувшая в окно вечерняя звезда.

— Как там на ферме? — не вытерпел наконец Ваня.

Мать вздохнула.

— Запустил все Трунов этот. Телята худые, грязные... Мне самую плохую группу дали. Прямо страх!

— Зачем же взяла?

— Кому ж их? Все одно выхаживать. Телочка там одна в дождь простыла. Кашляет и кашляет. Так уже ее жаль! Бусинкой зовут....

— Ты ее, что ли, так назвала?

Мать промолчала. Но Ваня догадался — кличку дала мать. В прежнем их селе тоже так было — коровам и бычкам давали вначале скучные, серые клички. Были там и Лысухи, и Маньки, и Рябухи, и Брухатки, и даже одноглазый бык Прогресс.

Потом все переменялось. Вечером по улице, как пятнисто-белая туча, важно шло стадо, Колхоз, где мать работала дояркой, продавал больше всех теплого, пахнущего лугом молока, густых тягучих сливок, желтого вкусного масла. И все это давали материны Бусинки, Зореньки, Касатки...

Мать долго не могла уснуть, тихо, так, чтобы не услышал Ваня, вздыхала. А сон между тем знал свое дело. Походил вокруг Ванятиной кровати, взобрался без спросу на подушку и прильнул к Ванятиной щеке.

— Разбуди завтра пораньше, — уже сквозь сон сказал Ваня. — Парторг велел. Ладно, мам?

И, не дождавшись ответа, тотчас уснул.

Ночи бывают короткие и длинные. Этой не было ни конца, ни края. За окном лил дождь, гулко, будто кто-то ссыпал в кучу сухие поленья, гремел над самой крышей гром. Ваня проснулся в третий или четвертый раз и увидел в блеске молний мать. Она сидела на кровати и надевала чулки.

— Чего ты, мам?

— Спи давай! — донеслось из темноты.

— Ты куда?

— На Бусинку погляжу. Как бы в окно дождь не полил. Стекло там побитое.

— Не пуцу я тебя, — твердо сказал Ваня. — Спи и все. Слышишь?

Мать продолжала одеваться. Тогда Ваня поднялся и еще решительней сказал:

— Я тоже пойду.

Он быстро натянул штаны, рубашку, стал искать под кроватью носки.

— В сенцах тетки Василисы плащ висит, — сказала мать. — Надень.

Кроме плаща, Ваня нашел в сенцах фонарь «летучую мышь», осветил матери, пока она запирает дверь, и вместе с ней шагнул в черный мокрый двор. Фонарь тускло освещал

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1972 г.

вязкую, уплывающую под ногой дорогу. Мать послушно шла за Ванятой, ступая в его след.

— Правее держи! — оборачиваясь, кричал Ванята. — Правее!

Скоро в блеске молнии возник на холме длинный приземистый сарай. Вокруг, тычась мордами в изгородь, бродили коровы. Ветер распахнул одну створку ворот сарая, и коровы разбрелись по двору.

Мать и Ванята с трудом загнали коров на место и побежали к телятникам — узеньким, как пеналы, решетчатым загородкам в конце сарая.

Ванята сразу же увидел Бусинку. Рыжая телочка лежала на голом полу. В окно наискось били холодные и дымные, как туман, струи дождя. Бусинка жалобно смотрела на Ваняту. Маленькое острое ухо ее с белыми волосками внутри тихо и нервно вздрагивало.

— Неси солому! — закричала мать. — Солому носи!

Ванята нагреб в углу сарая охапку соломы, спотыкаясь на выщербленном полу, побежал к матери. Она склонилась над Бусинкой, крепко и торопливо растирала ее платком, как растирают в холодной избу детей после купанья.

— Сюда, Ванята! Сюда носи!

Мать накрыла телочку соломой, села на корточках перед ней, приговаривала:

— Не дрожи, Бусинка. Ну не надо, ну спи, хорошая!

С улицы затекал через порог темный ручей, подкрадывался к стойлам. Ванята разыскал в углу лопату, пошел к двери.

— Погоди, я сейчас! — обернулась мать.

— Я сам! Чего ты!..

Он прикрыл дверь, огляделся в темноте. Вода разлилась озером возле коровника, выплеснулась через край, бежала быстрым сердитым ручьем.

Ванята начал копать для него новое русло. Земля раскисла только сверху. Лопата выворачивала щебень и мелкие булыжники. Дождь наотмашь хлестал в лицо, стучал по брезентовому капюшону плаща.

Ручей не хотел менять русло, злился, клокотал возле Ванятиных сапог.

— Вот я тебя сейчас! — цедил сквозь зубы Ванята. — Я тебя!

Новое русло становилось глубже и шире. Ручей поклокотал еще немного, подумал и плеснул в канаву первую пригоршню воды.

— Я тебя! — крикнул Ванята. Взмахнул лопатой, поскользнулся и плашмя упал в грязь. — Ты, значит, так!

Ванята яростно ковырял землю, разговаривал с ручьем, как с хитрым злым противником.

— Так ты вот как! Дудки! Не выйдет!

И ручей сдался. Повернул в свое новое русло, быстро побежал прочь от коровника.

Дождь припустил еще сильнее.

Марфенька

Ванята простился с матерью на взгорке. Она повернула направо, к ферме, а Ванята — налево, туда, где стоял на пустыре новый кирпичный дом и толпились какие-то мальчишки и девчонки. Ванята пригляделся и вскоре узнал в толпе своего тезку Ваню Сотника и Сашку с завязанной щекой.

Он подошел к конторе, тихо и смущенно поздоровался. Ребята ответили вразнобой, как солдаты-новобранцы. А правнук деда Егора Сашка Трунов вообще отвернулся и стал что-то шептать двум рыжим, удивительно похожим друг на друга мальчишкам. Те посмотрели на Ваняту и прыснули в ладони.

Ванята начал знакомиться с козюркинскими. Среди них оказалась и девочка с простым, редким именем — Марфенька. Девочка была в сером платье и коричневом берете, — ну прямо гриб подберезовик. На щеку Марфеньки упал тонкий светлый косячок волос. Она сдунула волосы со щеки, подала руку Ваняте и сказала:

— Теперь у нас два Ивана. Один Ваня, а другой — Ванята. Тебя так всегда звали?

— С самого начала...

Марфенька улыбнулась.

— Меня тоже — с начала. Теперь в одном классе учиться будем, правда?

— Ну да... то есть, откуда ты знаешь?

Марфенька повела глазом в сторону Вани Сотника.

— Понял?

— Понял. Он со станции нас привез... А этот, который с бинтами, он тоже про меня рассказывал?

Марфенька улыбнулась еще шире.

— Ага. Это ты ему зуб выбил?

Голос Марфеньки был вкрадчив и тих. Похоже, ей очень хотелось, чтобы зуб Сашке выбил именно он.

— Врет, — неохотно ответил Ванята. — Я только поговорил с ним по-свойски...

Марфенька разочарованно поджала губы. Но потом снова улыбнулась, дунула опять на волоски, упавшие на щеку, и сказала:

— Это ничего! Еще успеешь. У нас его все бьют...

— Рыжие тоже бьют? — спросил Ванята, указывая на мальчишек, которые стояли возле Сашки.

— Эти нет... это братья Пыховы. Их Сашка с толку сбивает. У них отец тракторист...

Многое еще узнал бы Ваня о братьях Пыховых, но тут на пороге появился Платон Сергеевич.

— Ну, что? — сказал он. — На свеклу пойдём?

— Пойдем!

Ваня кричал вместе со всеми. Даже громче других.

— Пойдём-ом!!!

Ваня немного жалел, что надел белую рубашку. У козюркинских ребят был какой-то особый взгляд на амуницию. У одних были перешитые солдатские гимнастерки, у других — футболки с наляпанными от руки цифрами, а Ваня Сотник нацепил комбинезон.

Ваня Сотник отступил несколько шагов в сторону, поправил двумя руками ремень на комбинезоне и крикнул:

— По двое разбери-и-сь!

Марфенька толкнула локтем Ваняту.

— Видишь он какой?

— Какой? — не понял Ваня.

Вокруг поднялись шум и суета. Каждый норовил пролезть вперед, в голову колонны. Но Сотник быстро наводил порядок, строил колонну строго по росту. Он выдергивал за руку низеньких и гнал их на левый фланг. Подошел он и к Ваняте.

— Иди туда! — сказал он.

Ваняте не пошевелился. Пусть только попробует взять за руку! Пусть тронет!

Страшную драку, которой, возможно, не видывало еще Козюркино, отвела Марфенька.

— Не трогай Ваняту, — сказала она. — Пускай стоит здесь.

Брови Вани сошлись на переносице, по лицу пробежала быстрая тень. Но он отошел.

Ваняте стало обидно. Марфенька могла подумать, будто он в самом деле испугался.

А дело шло своим чередом. Парторг рассказал, что они будут делать в поле и кто назначен бригадиром. Но этого он мог и не говорить. Важная персона стояла на виду у всех в синем комбинезоне и матросской тельняшке.

Парторг пошел вдоль строя, остановился возле Сашки Трунова.

— Болит? — спросил он, указывая глазами на пухлый и уже замусоленный бинт.

— Боли-ит! — простонал Сашка.

Платон Сергеевич поморщился. Потом веско, как врач на приеме, сказал:

— Разрешаю работать без повязки. Если есть время — сними...

И больше ни звука. Приложил руку к старенькой потертой кепке и кивнул бригадиру. «Трогайте, мол. Жмите на все педали».

Ваняте он улыбнулся издали, как будто извиняясь, что не представил его обществу. Но

Ваняте и не обижался. Может быть, так даже лучше...

Они шли по тихой, бегущей в поля дороге. Утро подымалось яркое и чистое, как бывает всегда после грозы. Казалось, всего было сверх меры, сверх того, что может принять земля — и золотого, льющегося, будто липовый мед, света, и пронзительной небесной синевы, и густой свежей зелени, и брошенных горстями сверкающих капель дождя.

За лесной полоской показалось свекольное поле. Справа и слева белели кофты пропольщиц, сверкали на солнце тяпки. На самой обочине поля, будто распустившийся в одночасье мак, стояла девушка в красной косынке.

— Это наша Нюська, — сказала Марфенька и улыбнулась широко и радостно.

— Какая Нюська? — спросил Ваняте.

— Агроном. В этом году институт окончила. Теперь она Анна Николаевна. Такая стала, даже трактористы боятся!

Марфенька вскинула свои голубые глаза на Ваняту и вдруг вздохнула.

— Я ей вот как завидую, Нюське...

— Почему?

— Знает она все. И вообще красавица... Ты кому-нибудь завидуешь?

— Я никому не завидую, — сказал Ваняте.

Марфенька рассмеялась.

— Врё-ошь!

— Вот еще...

Марфенька удивленно посмотрела на человека, которому чужды людские слабости.

— Тебе хорошо! А я всем завидую! Чем лучше человек, тем больше завидую. Даже Ване Сотнику...

— Ха! — выдохнул Ваняте. — Чему завидовать?

— Не знаю. Я не умею объяснять.

Марфенька наморщила лоб.

— Ты «Чапаева» видел?

— Ну да, — сказал Ваняте.

— Я тоже видела. Несколько раз. На коне. А бурка, как туча...

Ваняте пожал плечами.

— Что ж, по-твоему, Сотник — Чапаев, да?

— Не, он не Чапаев. Сотник — он другой.

Он...

Марфенька запнулась, не умея объяснить Ваняте, кто же такой Сотник и что он из себя представляет.

— Ты чего нахмурился? — спросила она Ваняту. — Обиделся, что я про Сотника так говорю?

Молча шел Ваняте рядом с Марфенькой. Конечно, Марфенька загнула со своим сравнением. Но все равно ему было завидно, что есть на свете люди, о которых так тепло и преданно думают девчонки, похожие на лесной гриб подберезовик.

Оргвопрос

Ничего выдающегося в Ньюске, то есть Анне Николаевне, Ваня не заметил.

Была она в синих матерчатых брюках с белыми заклепками на карманах. В руках коротенький хлыст. Возле дерева, ревниво поглядывая на хозяйку, стоял рослый гнедой конь.

Сначала Нюся рассказала про свеклу и живущую в ней сладкую медовую сахарозу, потом склонилась над пышным, зеленовато-бурым кустом, показала, сколько надо выдергивать из него ростков, а сколько оставлять, чтобы корни были тяжелыми, как слитки.

— Понятно? — спросила она. — Ну, тогда приступайте. Только смотрите... без брака!

Минута — и уже пляшет под Нюсей резвый шальной конь, просит большой быстрой дороги. Только тут Ваня понял, что сам залюбовался Нюсей, а может, и позавидовал ей.

Ребята подвертывали рукава, становились возле своих рядков. Ваня не приходилось раньше полоть свеклу. Один раз он вместе с классом обрывал в колхозном саду яблоки, в другой — сажал вдоль большака тополя и гибкие упрямые липы. Вот, пожалуй, и все... Но там совсем иначе — поработал час-другой и шабаш. Не было там ни угрюмого бригадира Сотника, ни девчонки, похожей на гриб подберезовик, которая смотрит на тебя и думает: «Сейчас мы проверим, какой ты есть на самом деле, Ваня Пузырев!»

Ваня твердо решил, что не ударит лицом в грязь, выжмет сразу третью скорость и обставит всех козюркинских ребят. Пускай тогда чешут затылки и сами решают — шатун он или свойский боевой парень, с которым можно по-настоящему дружить, работать и вообще...

Ваня стал против густой, уходящей вдаль свекольной строчки, наклонился и начал один за другим выдергивать из земли хрупкие с розовой неокрепшей ножкой ростки.

По свекольному полю недавно прошел трактор с культиватором на прицепе. Все поле было разлиновано, как тетрадка по арифметике. В каждом квадрате рос пышный кудрявый букет. В этом букете надо было оставить по два-три стебелька — самых живучих и надежных. И тогда они не станут глушить друг друга, всласть будут пить своими корешками терпкие соки земли, припасать к осени сладкий сахар.

Сначала у Ваняты все шло отлично. Влажные, пахнущие землей ростки так и летели в стороны. А ну, еще раз! Еще раз! Нажми!

И вот уже осталась позади Марфенька, мельтешили вдалеке Сотник и братья Пыховы.

Нажми, Ваня!

Вскоре Ваня стал понемногу сдавать. Устали с непривычки руки, заломило в спине,

перед глазами запрыгали радужные и ядовито-зеленые круги. Как-то совсем незаметно обошла Ваняту Марфенька, вырвался вперед Ваня Сотник, пыхтели рядом с ним братья Пыховы. Даже правнук деда Егора Сашка Трунов был впереди Ваняты, оглядываясь в его сторону и нахально показывая язык.

В душе Ваняты закипело от зависти и обиды. Не глядя, сколько попадало под руки и сколько оставалось в свекольном гнезде, он дергал стебельки, швырял их вбок, через голову и вообще куда придется.

Нажми, Ваня, нажми!

За низенькой лесной полоской, по ту сторону поля, мелькнула красная косынка. Это возвращалась из тракторной бригады агроном Анна Николаевна.

Косынка-маковка катилась над острым лесным гребешком, исчезала и появлялась снова.

Анна Николаевна вынырнула наконец из гущи деревьев на обочину. Спрыгнула с коня, привязала повод к ветке и пошла вдоль свекольных рядков. Изредка наклонялась, выщипывала какую-то травинку и продолжала путь.

Но вдруг она остановилась, взмахнула над головою рукой.

— Бригади-ир! Эй, бригади-ир!

Ваня Сотник бросил работу и помчался к агроному.

Все подняли головы. Что там случилось?

Сердце Ваняты сжалось. Он догадался, почему сердится и размахивает руками возле Сашкиного рядка Анна Николаевна. Сашка халтурил так же, как и он. Не случайно он обставил всех и уже добрался почти до самого края поля.

Сейчас ударит, загремит во всю силу гром и над его головой. Анна Николаевна ни за что не простит. Подойдет к его рядку, взмахнет рукой и крикнет:

«Эге, брат! И ты такой, как Сашка! А ну, ва-ли отсюда, шатун!»

Анна Николаевна что-то спрашивала Сашку. Он оправдывался, показывал пальцем на забинтованную щеку, Сотник стоял рядом, слушал. Продолжалось это недолго. Анна Николаевна прогнала Сашку с поля, а сама пошла вместе с Сотником по рядкам — по тем, где работала Марфенька, где пыхтели, не разгибая спины, рыжие братья Пыховы.

Вот она задержалась на минутку возле Ванятино ряда, сказала что-то Сотнику и отправилась к работавшим неподалеку колхозницам.

Неужели увидела? Нет, нет. Не увидела. Иначе не прошла бы мимо. Ни за что не прошла бы!..

У Ваняты чуть отлегло от сердца. Похоже, все обошлось. Теперь он ни за что не повторит этого. Дурак! Надо же было ему... Ванята поглядел вслед уходящему агроному, потер занывшую поясницу, выругал еще раз сам себя и снова принялся за дело. Злость и досада прибавили сил. Он работал без передышки, не пропуская ни одного кустика, ни одного лишнего ростка. Сотрет ладонью набежавшие капли пота и снова жмет вперед и вперед.

Пришел в себя Ванята и кое-как отдышался только на краю поля. На взгорке дымилась, просыхая на солнцепеке, трава, над легкими малиновыми шапочками дикого клевера суетились пчелы.

Возле корявой березки сидел изгнанный с поля Сашка и перематывал вокруг физиономии повязку.

— Эй, ты, иди сюда! — крикнул он.

Ванята помедлил минуту, но все-таки подошел. Теперь ему только с Сашкой Труновым и водиться. Большого он не заслуживает.

Постоял рядом, поглядел, как мотает бинты Сашка, и ни к селу ни к городу спросил:

— Чего это тебя турнули?

— Ничего. Нюська говорит, не так прорываю. Видал такую?

Сашка завязал на макушке концы бинта, пощупал для верности повязку и сказал:

— Садись. Курить умеешь?

Ванята смолчал. Он курил всего один раз в жизни, когда нашел на речке вместе с Гришей Самохиным пачку «Казбека». Кажется, это было в третьем классе. Мать отлупила его и потом еще долго вспоминала эти проклятые папиросы и замахивалась при случае тряпкой.

— Не умеешь? — спросил Сашка. — Не бойсь, научу. Я даже в ноздрю умею. Понял?

Сашка вытащил из кармана вельветки две пожелтевшие сплюсненные папиросы.

— Бери, не стесняйся...

Чиркнул спичкой и поднес дрожащий на ветру огонек напарнику.

— В себя тяни, в середку! — сказал он.

Ванята потянул горький теплый дым, закашлялся и схватился рукой за грудь. Все поплыло, завертелось перед его взором — и березка, и небо, и злосчастный друг-приятель Сашка.

Ванята перевел дух, поглядел на черный обуглившийся кончик папиросы и швырнул ее в сторону.

— Фы-ых! — сказал он, выдыхая из себя остатки дыма и копоти. — Фы-ых!

Сашка засмеялся. Он курил без передышки, пуская густые клубы дыма. Лицо его налилось пунцовой краской, в глазах мигали две крупные, как горошины, слезины.

— Я без папирос не могу, — отставляя в сторону пальцы, сказал он. — С детства курю...

Посмотрел, какое впечатление произвело на Ваняту это ценное признание, и добавил:

— Зря ты на меня дуешься. Думаешь, я такой, да?

— Иди ты, — отмахнулся Ванята. — Я тебя еще вчера раскусил. Все понял...

— Не-ет, — протянул Сашка, — ничего тебе не понятно. Это я просто так непонятно устроен. Если хочешь знать, даже врачи удивляются. Говорят, с виду он, товарищи, такой, а в середке вообще совсем другой коленкор...

— Какой такой коленкор?

— Особенный, значит. Ты думаешь, я повязку зачем ношу? Не знаешь? То-то и оно! Я никому не рассказывал, а тебе скажу. Только об этом — ша! Понял?

— Ну?

— Вот тебе и ну! — передразнил Сашка. — Это мне врач велел повязку носить. У меня во рту тридцать зубов обнаружено. У всех тридцать два, а у меня — тридцать. На рентгене просвечивали...

— Ну и что там высветили?

— Феномен я. Понял? У меня даже места для остальных зубов на деснах не нашли. Не-ет, ты не смейся! Врач сказал — это исключительный случай. Врач отцу так и сказала: «Буду с него книгу писать. Для научной цели». Дошло?

Ванята рассмеялся.

— Ну и дурак же ты, Сашка! Прямо хоть стой, хоть падай.

— Значит, не веришь, да? — возмутился Сашка. — Эх, ты!

Он быстро отслонил рукой вздувшийся на щеке бинт и открыл рот.

— Ш-шитай! — не закрывая рта, прошепелявил он. — Ш-шитай, раз ты такой...

Ванята поднялся и сердито махнул рукой.

— Ну тебя к лешему! — сказал он. — Сам ш-шитай, если хочешь.

Темно и глухо, будто в погребе, было у него на душе от дурацкой Сашкиной болтовни.

Нет, видимо, в самом деле не хватает у Сашки в голове какого-то очень важного винта.

Ваня плюнул сгоряча под ноги, ушел от Сашки и сел в сторонке. Даже отвернулся.

— Ладно-ладно! — крикнул Сашка. — Ты еще у меня посмотришь! Ты еще узнаешь! Отец вам ничего не простит. Посмо-о-тришь!

Но слова эти уже прыгали мимо Ваняты, не задевая сознания. Он только морщился и шептал про себя: «Дурак, свинья!»

И трудно было сказать, к кому относились сейчас эти слова — к Сашке или, может быть, к себе самому.

А между тем ребята один за другим кончали свои свекольные рядки, выходили с поля, как из речки, садились на травяную обочину, поджав к подбородку колени.

Последним выбрался Ваня Сотник. Отряхнул руки, поправил комбинезон и, оглядев всех долгим строгим взором, сказал:

— Ребята! Анна Николаевна прогнала Сашку Трунова с поля. Он там такого набуровил, аж смотреть страшно. Тип, в общем... Платон Сергеевич узнает, как мы тут пропаляем, обратно в больницу сляжет.

Ваня Сотник метнул в Сашку взгляд, как палку запустил.

— Что нам теперь с этим охламоном делать? Думайте...

Вокруг зашумели, загудели.

— Доло-ой!

— Гнать Сашку!

— На мыло!

— В погреб паразита!

И только братья Пыховы помалкивали. Ви-

новато и смущенно слушали, что шепчет им сидевший рядом Сашка.

— Вы чего молчите? — спросил Пыховых Сотник. — Вы не согласны, да?

Братья Пыховы сначала покраснели, потом, не сговариваясь, отвернулись от Сашки. Пыхов Ким вправо, а Пыхов Гриша — влево.

По свекольному полю возвращалась от колхозниц Анна Николаевна. Подошла к Сотнику:

— Как тут у вас?

— Обсудили, Анна Николаевна... Вас ждем...

Анна Николаевна села на бугорок, положила на согнутое колено блокнот, стала что-то писать. Закусит нижнюю губу, пошевелит бровями и снова пишет. Но вот закончила считать и сказала:

— Смотрите, что у меня получилось... Саша Трунов прорывал свеклу как попало. Из каждой свеклы на заводе могли получить пять кусочков сахара. Теперь сахар погиб. Пятьдесят килограммов потеряли на одном рядке!

— Ого! — воскликнул Пыхов Ким. — В самом деле пятьдесят?

— Точно! Полмешка сахара. Одному человеку целый год чай пить.

Анна Николаевна спрятала блокнот, спросила Сашку:

— Ну, вот, теперь скажи, пожалуйста, кого ты без сахара оставил? Чего молчишь!

Ребята дружно подняли вой.

— Гнать Сашку!

— Долой!

— На мыло!

Молча сидел бригадир Сотник, смотрел по очереди на Сашку и на Ваняту. Казалось, подойдет он сейчас к Ваняте, возьмет за шиворот и встряхнет, как мешок с сахаром. «А ты, Пузырев, чего молчишь? Тебя это тоже касается! Дрейфишь, да?»

Ванята ерзал по земле, как на горячей сковородке, на которой чумазые черти жарят в свое удовольствие грешников и разгильдяев.

Но Сотник ничего подобного Ваняте не сказал.

— Надо решать оргвопрос, — обернулся он к агроному. — У меня есть предложение.

Письмо

Пробежало пять дней. Прыг-скок, прыг-скок и допрыгали до воскресенья.

Каждый день ждал Ванята, что все обнаружится, раскроется и ему намылят шею. Но — пронесло.

Теперь каяться не имело смысла. Все равно на поле ничего не исправишь. Ванята сделает выводы, учтет. Лопнуть на месте, если соврет и забудет эти слова!

В воскресенье Ванята первый раз в Козюркине пошел на рыбалку.

Он сел, нахохлившись, возле старой черной коряги и усталился на поплавок. Рядом с ним Марфенька в коричневом берете.

Два дня назад Ванята сообщил ей, что пойдет на речку, и показал заветный крючок.

«Если хочешь, можешь идти, — разрешил он. — Посмотришь, как я щук таскать буду».

Марфенька не знала, что рыбаки приглашают в компанию для отвода глаз. На самом деле они — заядлые молчуны. Но это не от прихоти и характера рыбаков, а от самой рыбы. Она не любит, когда рядом топают, разговаривают, шмыгают носом.

Берег сползал в воду широкой песчаной отмелью. Не затихая, струилась по ней волнистая рябь, смывала лиловые затонувшие листья тальника.

Лишь изредка пробежит по дну суетливая тень малька и скроется в глубине. Настоящая рыба упорно не хотела ловиться. Гусиный поплавок с ярким красным кончиком равнодушно покачивался на мелкой стрелковой волне.

У Марфеньки удочки не было. Она сидела просто так, мешала Ваняте сосредоточиться.

— Брось свою щуку! — ныла она. — Все равно не поймает. Брось!..

Ванята сердился.

— Отойди, говорю. Слышишь?!

— Бро-ось! Ну, бро-ось, — тянула на одной ноте Марфенька.

Но тут, в эту самую минуту, поплавок нырнул. Кончик удилица вздрогнул и согнулся.

Он встал, поправил на комбинезоне ремень и голосом суровым и торжественно-печальным, как на похоронах, сказал:

— Предлагаю исключить Трунова из бригады. На всю жизнь!

Все притихли, смотрели на Анну Николаевну и на своего сурового друга Ваню Сотника.

— Я согласна, — сказала Анна Николаевна. — Только у меня есть поправка — давайте исключим Трунова условно. Если он еще раз... Голосуй, Ваня!

За такое решение проголосовали все. Ванята поколебался минуту и тоже поднял руку.

— Тащи-и-и! — закричала Марфенька. — Тащи-и-и!

Ванята повел леску чуть-чуть в сторону и на себя, подсек рыбу и взмахнул удилицем. В воздухе, растопырив все свои плавники, затрепыхал огромный полосатый окунь.

Марфенька кинулась на добычу, упавшую в траву, дрожащими от радости и нетерпения руками схватила окуня и подняла вверх, как выпел.

За первым окунем пошел второй, третий. Потом на крючок попала серебряная плотичка и в конце концов — черный и корявый, как веточка ольхи, щуренок.

— Пымали! — неслось по берегу. — Пымали!

А рыба уже не обращала внимания на эти завывания, цапала все подряд — и червя, и живца, и твердый сплюснутый катышек хлеба.

— Дай я пымаю! Ну дай! — стонала Марфенька.

Хуже всего отдавать снасти в самый разгар дела. Но Ванята все же уступил удочку. Насадил на крючок свежего червя, поплевал на него и сказал:

— Дальше кидай. На середку!

Поплавок послушно стал на попу, качнулся раз, другой и замер в ожиданье. Чувствовала рыба, что удочку держит неумелая рука, или это просто оказалось делом случая, но клев моментально прекратился.

Откуда-то с лугов прилетела дымчато-синяя, будто из сказки, стрекоза. Покружила над быстриной, высмотрела, пучеглазая, поплавок и села на красную трепетную верхушку.

Марфенька дернула леску. Стрекоза неохотно взмыла вверх, полетала там для отвода глаз и вновь уселась на поплавок. Села и — ни с места. Хоть кричи на нее, хоть стучи ногами, хоть запусти в нее комком грязи.

Рыбачить явно не имело смысла. Ванята полез в воду за куканом с рыбой. Но вдруг за

кустами, которые стеной закрывали берег, слышался протяжный крик:

— Пузы-ырь! Эй, Пузы-ырь!

Ваня посмотрел на Марфеньку, Марфенька на Ваняту.

— Пыховы! — сказала она. — Вишь орут!

Кусты тальника раздвинулись, и на берег в самом деле вышли рыжие Пыховы.

— Пузы-ырь! Тебе письмо-о!

Пыхов Ким подбежал к Ваняте, дал ему письмо и сказал:

— У почтальона взял. Назад хотел фугнуть. «Нет, говорит, такого Пузырева — и все». Читай!

Ваня взглянул на синий помятый конверт и сразу понял — от Гриши Самохина.

Он ловит тут рыбу на щучий крючок, скучает, а друг не забыл, вспомнил. Вот оно, письмо!

По душе Ваняты побежало щемящее тепло. Он вмиг увидел и свое село, и речку Углянку в зеленой ряске и кувшинках, и самого Гришу. Ах, ты, друг Гриша!

— Ты читай, чего ты! — сказал Ким Пыхов, глядя на Ваняту и на письмо.

Ваня спрятал конверт за пазуху, потрогал его через рубашку — там ли оно лежит — и

еще раз подумал: «Ах, ты ж, друг любезный Гриша!»

А ребята между тем ничего не понимали — получил письмо и на тебе — спрятал.

Нет, не знали они, что это за письмо, кто прислал его сюда, в далекое Козюркино.

Такое письмо надо читать втихомолку. Чтобы вникнуть, подумать, пережить, насладиться до конца!

— Ты чего не читаешь? — не вытерпел наконец Пыхов Ким. — Характер держишь, да?

Но Ваня не стал ничего объяснять. Пускай — характер, пускай — секрет, пускай думают что угодно. Сейчас все равно не подберешь таких слов, чтобы растолковать все Пыхову Киму.

— Я потом прочитаю, — сказал Ваня. — Ты не думай... Спасибо тебе!

Не торопясь, по-хозяйски он смотал удочку, воткнул крючок в пробку поплавка и сказал:

— Рыбу себе берите. Тут на целую уху. Я пошел...

Сделав несколько шагов, обернулся и добавил, чтобы не обиделись ребята, не подумали, чего не надо:

— Пока. Вечером в клуб приду... Ешьте уху на здоровье!

Кусты краснотала вскоре скрыли от взора и Марфеньку, и Пыховых, и то место, где ловил

Ваня рыбу на крючок беззаветного друга Гриши Самохина.

Ваня выбрал уютную полянку и сел на кочку с густой мягкой травой на верхушке. Вокруг цвели желтые лакированные лютики, тянулся к солнцу болиголов, возле куста просыхал на солнце серый коровий блин.

Ванята достал письмо, еще раз прочел надпись на конверте: «Пузыреву лично, и никому больше».

Конверт был густо заклеен и прошит суровой ниткой. В самом центре бугрилась рыжая сургучная блямба. Наверно, Гриша выпросил сургуч на почте или в колхозной конторе.

Ну и чуждак все-таки человек!

Ванята отколупнул с конверта сургуч, обрывал зубами суровую нитку и принялся читать.

Это было страшное письмо. Страшнее, наверно, и не бывает. Ванята прочитал и долго сидел, опустив голову, не решаясь вновь взглянуть на тетрадный листок.

Потом пересилил себя и начал читать снова. Рука его дрожала, а синие буквы прыгали и рассыпались.

И все-таки он прочел письмо еще раз, запомнил его от первой до последней строчки.

«Здравствуй, Ванята!

Сначала я тебе не писал, потому что у нас ничего нового не случилось. Потом я все узнал и пишу тебе все. Только ты не пугайся и вообще плюнь на все и не вешай нос.

Ванята, оказывается, у тебя есть отец, и он совсем не погиб. Он бросил в тайге рабочих, когда был пожар, а сам удрал. Он кочевал с одной стройки на другую, а потом вообще ограбил один склад и его посадили в тюрьму. Теперь его выпустили. Я тебе все точно описываю, потому что твой отец написал письмо Фроське, которая работает у нас в магазине. Он хочет жениться на ней и сделать своей женой.

Теперь я понимаю, почему твоя мать уехала из села. Она знала, что твой отец зайвится в село и ты все про него узнаешь и тебе будет обидно и жалко, что у тебя оказался такой отец. Он Фроське уже давно писал. Она кому-то проболталась.

Теперь твой отец скоро приедет в село. Но ты не думай. Мы даже разговаривать с ним не будем. Мы его тут прищучим!

Я твое письмо с твоим адресом получил и пишу тебе. Больше я твоего адреса никому не давал, чтобы его никто не знал.

У нас — новость. Дед Антоний, который возит с фермы молоко, идет на пенсию. Он не хочет, а ему все равно говорят — надо, потому что он старый. Он обиделся и сказал председателю, что уедет к вам и сам там будет умирать.

Пока до свиданья. Я буду тебе писать еще.

Твой друг навсегда Самохин Г.»

Ванята поднялся и, спотыкаясь на кочках, поплелся домой.

Показать письмо матери? Нет, зачем волновать, когда еще ничего не известно. Он поедет на родину сам, найдет в селе Фроську и узнает правду. Поедет зайцем, а если турнут из вагона, пойдет по шпалам, поползет на четвереньках. Все равно доберется до своего села. Все равно!

Скорее всего Гриша Самохин ошибся или что-то напутал. Он всегда так, этот Гриша — не узнает толком и начнет звонить во все колокола. Нет, этого не может быть. Гриша что-то напутал!

Ванята пришел домой. Мать сидела возле окна, положив щеку на ладонь, задумчиво смотрела в окно на зеленые огородные грядки.

— Мам! — тихо позвал Ванята.

Мать не обернулась, ниже опустила голову.

— Ты чего, мам?

Он подошел сбоку, заглянул в лицо матери. Было оно бледное, осунувшееся. Нижняя губа выдавалась чуть-чуть вперед и вниз. Это придавало лицу грустное, по-детски обиженное выражение.

— Что случилось?

— Ничего, сынок, — ответила мать, смагивая слезу. — Поешь там чего-нибудь...

— Чего ж ты плачешь?

— Не плачу я. Это... Сейчас пройдет...

— Обидели тебя?

Мать всхлипнула, закрыла лицо ладонью. Губы ее задрожали.

— Бусинка погибла... утром сегодня. Закопали уже Бусинку нашу...

— Не плачь, чего ты! Этим же не поможешь?

— Жалко... Я думала — выживет. Я все делала... Кричал на меня Трунов... грозился... Ванята положил руку на плечо матери.

— Перестань, не надо! Я этому Трунову! Я им всем! Ты слышишь?

Ванята гладил волосы матери, мокрую теплую щеку. Мать прильнула к нему, смолкла. Шелестели за окном вишни. Где-то возле клуба пиликала гармошка.

— Ты обедала? — спросил Ванята.

— Нет. Ешь сам.

— Не выдумывай, пожалуйста. Сейчас я...

Он завертелся по комнате, собрал на стол, подал матери ложку. Мать склонилась над миской, грустно улыбнулась.

Эликсир бодрости

Беда шла косяком. В понедельник погибли еще две телочки, а в четверг почтальон принес Пузыревым повестку. Мать Ваняты вызывал к

себе прокурор района. Ванята был дома один. Он взял синий твердый листок и, поджав губы, долго читал.

Хорошо, что не бросил он мать и не удрал в свое прежнее село. Если даже не поможет ей, все равно — вдвоем легче. Но он придумает что-нибудь. Обязательно! Пойдет, например, в правление колхоза и позвонит прокурору. Или, еще лучше — расскажет все Платону Сергеевичу. Конечно! Чего зря сидеть и смотреть на эту повестку!

Над селом опускался вечер. С лугов возвращалось стадо. Впереди, потряхивая головой, шел круторогий серьезный козел. Вдоль дороги стелилась легкая дымчато-сизая пыль.

Но нужного человека никогда сразу не найдешь. Ванята обегал все село. Побывал в мастерской у трактористов, заглянул в клуб. Парторг как сквозь землю провалился.

Вечер уже разливал по селу густую мглу. В избах замерцали огоньки.

Где же он может быть?

Ванята отправился к колхозной конторе. Там было темно. Только в крайнем окошке теплился желтый тусклый свет. Наверно, от настольной лампы.

Ванята кружил возле конторы, не решался войти. Остановится возле окна, подумает и снова идет прочь. Под ногой щелкнула какая-то ветка. Ванята вздрогнул и присел от неожиданности на корточки. Тотчас распахнулись обе половинки окна и появился в нем Платон Сергеевич.

— А ну иди сюда, злой разбойник! Не прчься, я тебя разоблачил!

Ванята смущенно поднялся.

— Иди, иди! Нечего тут ходить и подглядывать. Давай руку. Вот так... Куда же ты, леший! Тут цветы. Не видишь?

Ванята стоял в комнате перед Платоном Сергеевичем.

— Ты садись, — сказал парторг. — Вот сюда, на диван. Я, брат, тебя давно поджидаю...

— Шутите?

— Чего ради! Познакомились, сказал — будем дружить, а теперь и носа не кажешь...

Платон Сергеевич сел напротив, смотрел, прищурился глаза.

— Матери повестку прислали, — сказал Ванята. Сказал — как камнем в воду запустил. Без всякой подготовки и вводных предложений. — В райцентр вызывают.

Платон Сергеевич быстро вскинул голову. На худой длинной шее его вздулись жилы.

— Прислали? Я ж ему говорил! Я ж ему звонил этому прокурору!

Парторг поднялся, сел к накрытому красным кумачом столу, взял телефонную трубку.

Повертел ручку, подул в решетку и сказал кому-то далекому, на другом конце провода.

— Разыщите Тищенко... Знаю, что поздно. Из-под земли достаньте. Ладно? Ну спасибо, я подожду.

Платон Сергеевич положил трубку на место и сказал Ваняте:

— Сейчас найдут. Не переживай.

— А ее не будут судить? — шепотом спросил Ванята.

— Чудак ты! Это только раньше кого попал за шиворот хватали. В пятнадцатом веке, представь себе, даже петуха судили.

— Ну да! — кисло улыбнулся Ванята.

— Точно! Придрались, как будто бы петух яйцо снес, и давай его мурыжить... Речи, обвинения, свидетели. Приговорили, в общем...

— В самом деле?

— Исторический факт. В Базеле это было, в Швейцарии. Признали петуха виновным. Оттяпали голову топором и крышка. Понял?

Зазвонил телефон. Парторг встрепенулся и потянулся рукой к трубке.

— Здравствуй, Тищенко! Ты чего же это повестки Пузыревой шлешь? Трунов жалуется? Это я без тебя знаю... Ладно, ладно, не пугай. В сухую погоду грязи боишься. Пузыреву мы никуда не пустим. Завтра на правлении колхоза субчика этого слушать будем. Вот-вот, приезжай сам, поможешь разобраться. До завтра, в общем. Будь здоров!

Платон Сергеевич положил трубку и покачал головой.

— Не жизнь, а сквозняк, — сказал он. — Аж руки от злости дрожат. У тебя так бывает? Вот видишь, я тоже за тобой замечал. Колючий ты какой-то, как еж. И Сотник тебе чем-то не угодил, и Пыховы... Так, брат, со всем светом перессориться можно.

— Я с Пыховыми не ссорился. Кто вам сказал?

Платон Сергеевич задвинул ящик стола, щелкнул ключом, подошел к Ваняте.

— Сиди, сиди. Сейчас проверим — еж или нет!

Он коснулся ладонью Ванятиной щеки, трогал теплыми пальцами подбородок. Ванята невольно улыбнулся, посмотрел снизу вверх на парторга.

— Ну, что?

— Странно! — сказал парторг. — Колючек еще нет. — И рассмеялся вместе с Ванятой. — Пошли ко мне чай пить. Конфетами угощу. Целый склад у меня. В больницу натаскали.

Ночь накрыла землю черной душной попойкой. В избах светились огни. Платон Сергеевич шел, обняв Ваняту, на ощупь угадывал в темноте тропку.

— Ты, Ванята, смелей ходи по земле, — сказал он. — Мнет тебя жизнь, ломает, а ты — держись. Так-то! Думаешь, зря я тебе рассказываю? Нет... Растет человек, и ему про все надо узнать — и про жизнь, и про смерть... Хитрить нам и в кошки-мышки играть нечего. Верно? Какая твоя точка зрения?

Ваня молчал, не знал, что ответить.

Платон Сергеевич жил в маленьком рубленом доме. Кровать возле стенки, стол с кучей книжек и бумаг; на стене висела на длинном ремне полевая сумка и, наверно уже просто так, для виду — бинокль.

Ваня украдкой разглядывал нехитрое убранство холостяцкого жилья — крохотный приемник на тумбочке, стакан с тремя красными гвоздиками, пепельница из морской ракушки, фотография в фанерной, затейливо выпиленной лобзиком рамке. На карточке была снята женщина в белой, по-крестьянски повязанной косынке, девочка с кружевным воротничком и мальчишка с круглыми озорными глазами.

— Кто это? — спросил Ваня.

Платон Сергеевич поставил на электрическую плитку чайник, подошел к Ваняте.

— Это мои... Это — жена, это — Федюха, а это — Наташа. В сорок третьем снимались. Последняя карточка...

— Они погибли?

Платон Сергеевич вздохнул. Поправил красные цветочки в стакане с водой.

— Нет больше их.

Долго он стоял молча за спиной у Ваняты. Видимо, тоже рассматривал фотографию, что-то вспоминал. Потом ушел в угол, где стояла на табуретке электрическая плитка, фырчал, собирая под крышкой горячий пар, чайник.

Платон Сергеевич принес на стол чашки, положил непечатую коробку конфет.

— Сейчас мы с тобой попируем. Потерпи чуток.

Он ушел к шкафчику с тусклым матовым стеклом на дверцах, озабоченно зазвенел ложками, ножами, отодвигал и снова закрывал ящички. Потом обернулся к Ваняте, растерянно развел руками.

— Знаешь что? Трагедия у меня, брат...

— Что такое? — спросил Ваняте.

— Хлеба нет. В магазин сбегать забыл. Понимаешь?

Ваняте рассмеялся.

— Ну и пускай. Без хлеба даже лучше. Сконфетами!

Платон Сергеевич еще раз открыл шкафчик, полез в какой-то дальний угол и радостно воскликнул:

— Эврика! Нашел!

Обернулся к Ваняте и показал черный, скрюченный сухарь.

— А ты говоришь! Эх, ты! Сейчас мы нажмем на этот провиант. Верно?

Платон Сергеевич переломил сухарь, положил по кусочку в каждую ладонь, спрятал руки за спину, поколдовал минутку и протянул Ваняте крепко сжатые кулаки.

— Выбирай. В какой руке?

Ваняте ударил ладонью по правой. Платон Сергеевич быстро разжал кулак и подал Ваняте обломок сухаря.

— У тебя больший, — огорченно сказал он. — Мне всегда не везет.

Сел, положил в рот свой сухарь, громко хрустнул.

— А вообще, Ваняте, это ты правильно заметил — не надо никогда падать духом.

Ваняте тоже взял сухарь в рот, разгрыз на мелкие части.

— Я этого не говорил, Платон Сергеевич!

— Разве? Ну, извини... это я напутал. Но вообще — это верно. У меня даже специальный эликсир для нытиков есть. Повесит человек нос, заскучает, а я его — фр-р, побрызгаю и — все — опять оживет!

— Правда?

— Конечно. Напьешься чаю, я тебе покажу. Сам убедишься.

Быстро летит время за чаем и приятным разговором. За окном послышались голоса. Взвизгнула тихонько для начала и запела всеми голосами гармоника. Это возвращалась из клуба молодежь.

— Пора, Ваняте! — сказал парторг. — А то мать заругает... Ты ей скажи — пускай не волнуется. Утром на ферму приду, все объясню. В обиду, в общем, не дадим. Понял?

— Скажу. Спасибо, Платон Сергеевич...

— Ну вот, до свиданья...

Платон Сергеевич поднялся, провел рукой по лицу. Было оно усталое и грустное.

— До свиданья. Чего ж ты?

— Я так... Про эликсир вы говорили... пофыркайте, если осталось...

В глазах Платона Сергеевича зажглись два быстрых лукавых огонька.

— Как это — не осталось! погоди минутку...

Он подошел к тумбочке, взял какой-то пузырек с зеленой наклейкой, тонкой резиновой трубкой возле пробки и красной грушей в нитяной сеточке.

— Закрывай глаза! — приказал он. — Плотнее. Вот так.

Зашипела в его руке резиновая груша, зафыркал вокруг мелкий быстрый дождь — фр, фр!

Платон Сергеевич обрызгал эликсиром лицо Ваняты, перешел на затылок, пустил холодную рассыпчатую струйку за шиворот.

— Хватит, что ли?

— Хва-а-тит! — застонал Ваняте. — Себя теперь!

Платон Сергеевич побрызгал себя, поставил флакон на место и еще раз напомнил Ваняте:

— Смотри же, матери все скажи. Сегодня! Не чуя ног от радости, Ваняте шел домой.

На всю улицу пахло эликсиром бодрости, похожим на тройной одеколон, которым душился после бритья старинный приятель Ваняты дед Антоний.

По дороге попадались парни и девчата. Они останавливались, удивленно смотрели на Ваняту, шевелили с недоверием и любопытством ноздрями. Пахло как из парикмахерской...

Крутые повороты

Вечером заведующего фермой Трунова и Ванятину мать вызвали на заседание правления колхоза. Народу в конторе — с верхушкой. Колхозники стояли даже возле дверей, дымили папиросами, ловили ухом долетавшие из глубины дома голоса. Возле палисадника стояли две машины. На одной приехал прокурор, а на другой, болтали, секретарь райкома партии.

Три раза Ванята наведывался к конторе. Уже давно смерклось, а там все заседали и заседали. Ванята потолкался возле дверей и пошел домой.

Чтобы сократить дорогу, пошел через огороды, но запутался и снова вернулся на, бо-ль-шак. Он устал и хотел спать. Веки слипались, а в ушах стоял глухой протяжный шум. Будто где-то там, за темным перелеском, шел скорый поезд.

Ванята прилепелся домой, сел на минутку к столу, положил голову на согнутую руку и, сам того не заметив, уснул.

Разбудил Ваняту скрип половицы. Он открыл глаза и увидел мать. Окончательно проснулся и пришел в себя.

— Ну, что там, мам? — спросил он.

Мать разулась, оставила туфли у порога и пошла по коврику в нитяных чулках.

— Худо, сынок!

— Говори же!

Мать села рядом и тихим упавшим голосом сказала:

— Ой, Ванята, плохо... заведующей фермой меня, дуру, поставили! И просила их, и плакала... все одно — назначили. Назначаем, говорят, и точка...

— Ладно уж тебе! — строго сказал Ванята. — Чего переживаешь? Это ж — оргвопрос!..

Чтобы успокоить человека, порой нужна целая лекция, а иногда достаточно и одного слова. Мать улыбнулась, прильнула щекой к Ванятиному плечу. Видимо, думала, что с таким человеком, как Ванята, не пропадешь.

Часы пробили двенадцать. Мать охнула и начала разбирать постели.

— Ложись, Ванята. На ферму завтра пойдем, — сказала она. — Всю вашу компанию дали. Там же такое на ферме — ужас!.. Утром всех зови. Ладно, что ли?

Ванята натянул одеяло к подбородку, положил под щеку кулак.

— Ладно, — сказал он. — Разбуди только пораньше.

Ночь пролетела, как одна минута. Закрыв глаза Ванята — и вот уже оно — утро. Из каждой щелочки струились в избу солнечные лучи. Мать причесывалась возле зеркала.

— Жаль тебя было будить, — сказала она. — Вставай, пора!

Ванята не стал завтракать. Выпил с ходу кружку чаю, схватил ломоть пирога и — на улицу.

Первым делом забежал к Марфеньке, затем вместе с ней пошел к Пыховым. Пыхов Гриша делал возле крыльца зарядку — подымал над головой и опускал тяжелый ноздреватый камень. Рядом лежал белый пес с черными ушами. Он тявкнул для приличия на гостей.

— Гриша, здравствуй, — сказала Марфенька. — Собирайся скорее. Ким где?

Пыхов Гриша поднял еще раз камень, опустил на землю и встал, избочась.

— Спит Ким, — сказал Гриша. — Он бастует. Отец взял к себе прицепщиком Ваньку Сотника. Ну, он и бастует. Не встану вообще, говорит.

Вместе с Гришей Ванята и Марфенька пошли к Пыхову Киму. Забастовщик спал лицом вверх. Уголок верхней губы его вздувался быстрым круглым пузырьком и снова падал — пых-пых!

— Ким, вставай! — сказала Марфенька.

На лице Кима не дрогнула ни одна жилка.

— Не встанет! — сообщил Гриша. — Я его знаю.

Пыхов Гриша в самом деле знал брата и видел его насквозь.

Когда Гришу отправили в первый класс, ушел тайком в школу и Пыхов Ким. Учителем с трудом выдворил самозванца и сказал, что бы и духу его в классе не было. Ким обиделся, но все равно решил не сдаваться и не уступать брату, который почему-то родился на год раньше него.

Когда Гриша садился дома за уроки, Ким устраивался напротив и вместе с ним грыз гранит науки. Так они вместе научились читать. Была между ними только одна небольшая разница: Гриша читал книгу как все люди, а Ким — шиворот-навыворот.

Долго потом пришлось маяться учителю. Отвернется на миг, а у Пыхова Кима уже буква вверх ногами.

Не забывал Ким первой науки и сейчас. Он с удовольствием читал на досуге книгу запрещенным методом, а в классе без труда списы-

вал с тетрадок ребят, которые сидели сзади него.

Марфенька и Ваня принялись изо всех сил будить Кима. Они толкали его под бока, дергали за ногу, подымали на попу. Ким сидел на кровати, не раскрывая глаз, а когда от него на минуту отступали, снова валился набок.

Но в мире нет ничего невозможного. Пыхов Гриша помозговал и нашел все-таки выход. Он подошел к кровати, наклонился к Киму и голосом суровым и решительным прокричал:

— Пыхов Ким, к доске!

Ким моментально вскочил. Ошалелым взглядом начал искать классную доску. Но потом все понял. И не обиделся, а только чуть-чуть поворчал на брата. И вообще Ким не стал вольтануть и сразу согласился идти на ферму, добровольно прекратил забастовку.

Вскоре вся бригада была в сборе. Сзади всех плелся правнук деда Егора Сашка Трунов.

Они шли на ферму полевой тропкой. Справа и слева колосилась, желтела на глазах пшеница, летали наискосок юркие длиннохвостые касатки. Вдалеке среди хлебного разлива маячил высокий серый памятник. Ваня был на ферме ночью и памятника этого не заметил.

— Кому это? — спросил он Марфеньку.

— Саше; — тихо сказала она. — Пять танков он подбил. На этом месте.... Пойдем... цветочки ему положим.

Марфенька свернула на узенькую боковую тропку, пошла по ней, раздвигая колосья руками.

Саша стоял на высокой каменной глыбе. Он был похож на мальчишку в своей распахнутой на груди гимнастерке, с короткой челкой волос над крутым упрямым сводом лба.

— Он здешний? — спросил Ваня.

— Не... никто не знает. Спрашивали, а он уже ничего не мог сказать. Только сказал «Саша» — и все... Может, это и не его имя. Может, это его девушка. Но мы все равно Сашей зовем. Это наш Саша...

Марфенька наклонилась, сорвала белую с желтым сердечком ромашку.

— Ты тоже рви, — сказала она.

Ваня набрал букет из ромашек и сизых степных колокольчиков, положил возле серого тяжелого камня. Постояли все немного у Сашиной могилы, помолчали и снова двинулись в путь.

Ферма была уже рядом. На водокачке татакал мотор.

Мать стояла возле коровника и ждала ребят. Ваня подошел к ней строгим степенным шагом и, сдерживая радость, сказал:

— Всю бригаду тебе привел. Всех до одного...

А на ферме уже дым стоял коромыслом.

Стучали топорами плотники; колхозники, закрыв носы платками, сваливали в яму белую едкую известку. Двери коровников были распахнуты настежь. Телята бродили в длинном загоне, грелись на солнце.

Ваня подошел к загородке, протянул белому с рыжей звездочкой на лбу теленку комочек серой ноздреватой соли. Теленок облизал соль и Ванянины пальцы, преданно посмотрел на него круглым фиолетовым глазом.

Наверно, он помнил темную ночь, мокрый холодный дождь и мальчишку, который спасал телят от беды. Помнил, но не мог, конечно, ничего сказать...

Кольцо

В конце огорода среди капустных грядок стоял заброшенный колодец. На деревянном, потрескавшемся от времени и зноя вороте висела, теперь уже без всякой надобности, веревка с ржавым крючком на конце.

Воду из колодца не брали уже полгода. В селе провели водопровод, поставили возле дворов чугунные колонки с кранами и короткими тугими рычажками.

Председатель колхоза несколько раз предлагал тетке Василисе засыпать колодец, но она не разрешала и однажды прогнала прочь пришедших с лопатами землекопов.

— Идти, идти, хлопчики! — сказала она. — Не вашего це ума дело. Ишь чего придумали!

Немногие в Козюркине знали, почему добрая и сговорчивая тетка Василиса заупрямилась, не желает сравнивать с землей старый, никому не нужный колодец.

Среди этих немногих были Ваня и его мать. Как-то вечером, когда они сумерничали в избе, тетка Василиса открыла давнюю, видимо, не дававшую ей покоя тайну.

На второй год войны в Козюркино ворвались на танках фашисты. Муж тетки Василисы партизанил в лесах. Она хотела податься туда же, но не успела. Пока то да се, чужаки уже были в Козюркине, шастали по избам, искали партизан и спрятанное оружие.

В дом тетки Василисы заявился длинноногий фриц с автоматом на груди.

— Партизан где? — картавя, спросил он. — Давай партизан!

Тетка Василиса стояла возле окна, нахмутив брови, смотрела на фашиста с белыми черепами на петлицах.

— Я тебе зараз дам партизана, собачий сын! — глухо сказала она. — Иди геть с хаты!

Фашист изучал русский язык по словарнику. «Собачьего сына» там, видимо, не было. Он похлопал глазами, стараясь вникнуть в смысл чужой речи, и принялся шарить в доме.

И тут он заметил на пальце тетки Василисы золотое обручальное кольцо.

— Дать сюда это! — крикнул он. — Живо торопись! Кому говори!

— Не дам! — закричала тетка Василиса. — Не дам, анафема иродова!

Тетка Василиса обежала стол, который стоял посреди комнаты, кинулась к двери. Фашист — за ней.

— Дать сюда! — неслоь вслед. — Живо торопись!

Тетка Василиса бегала по огороду, размахивала руками и кричала:

— Не дам, проклятый! Все одно не дам!

Фриц понял, что увертливую женщину не догнать. Он вскинул автомат к плечу.

— Дать кольцо! Быстрее торопись!

Тетка Василиса метнулась в сторону. Она сдернула с пальца обручальное кольцо и швырнула его в глубокий, вырытый перед самой войной колодец.

— Ось тоби, гадюка, кольцо! Ось тоби!

Только случай спас тетку Василису. Хваленый немецкий автомат дал осечку. Фашист подергал спусковой крючок, выругался по-своему и ушел.

После войны по просьбе тетки Василисы в колодец лазил один смельчак. Кольца он не нашел. Только перемазался весь в глине и долго щелкал зубами, стараясь согреться и прийти в себя...

Ваня подошел к темному осевшему срубу, заглянул вниз. Колодец был глубокий и темный, как шахта. Даже в жаркие дни где-то возле дна серебрился на деревянных венцах дымный колючий иней.

Ну и что такого! Чего бояться? Он опустится по веревке, разыщет кольцо и вернется наверх. Если на то пошло, у него уже есть опыт. Возле школы, в том селе, где жил раньше Ваня, висел на перекладине канат. Ваня запросто взбирался по нему на самую верхушку. Поси-

дит там, скрестив ноги, посвистит для фасона и — вниз. Даже Гриша Самохин завидовал!

Ванята нашел в сарае моток проволоки, сделал несколько крючков, соединил их вместе на деревянном держаке. Воды в колодце было по колено, не больше. Бояться абсолютно нечего. Подумаешь, посидеть полчаса в холоде! В крайнем случае, наденет свитер. Да и свитера не надо. Не мерзляк!

Ванята деловито размотал веревку, сделал на конце тугий толстый узел. Вережка была еще хоть куда. Только побелела вся на солнце и кое-где чуть-чуть потерлась. Не только Ванята, кого хочешь выдержит!

Ванята прицепил к ремню грабли-самоделки, взялся за веревку и посмотрел еще раз в колодец. И тут храбрость его как ветром сдуло. Закрыв глаза, стоял он возле сруба и не дышал. Потом опомнился, стал ругать сам себя. «Эх, ты, мочала, мочала! Чего же ты стоишь? Лезь!»

Несколько раз брал он в руки веревку и снова отходил прочь. И все же решился. Прижал веревку к груди, подтянулся, перебросил ноги через венец сруба и начал медленно спускаться вниз. Все дальше уходило в вышину небо, все ближе и ближе кружочек черной, пахнущей прелью воды.

Холод обнимал Ваняту со всех сторон. Будто окунался он в ледяную речку. Жаль, что не надел свитера. Ну, ничего — не подыматься же назад! Сойдет и так...

И вот Ванята вниз. Уперся ногами в ребристые брусчатые стенки и, не выпуская веревки из левой руки, начал водить граблями по вязкому дну. Воды оказалось меньше, чем он думал. Руку замочил только до локтя. Если свалится, тоже не страшно. Чудак! Только зря переживал...

Вскоре грабли наткнулись на что-то твердое, глухо звякнули. «Нашел!» Ванята осторожно потянул грабли вверх. На крючках оказалась полукруглая ржавая ручка от ведра. Ванята сбросил ее и снова начал шарить граблями. Нет, видимо, кольцо не найти. Давно закрыло его илом, а может, и вообще кто-то вытащил тайком и зажил. Все ведь могло случиться! Надо вылезать. А то в самом деле замерзнешь тут и пропадешь ни за что.

Ванята бросил грабли в воду, посмотрел еще раз для очистки совести вокруг. И тут увидел он, как тускло сверкнуло что-то между двумя разъехавшимися в стороны брусками.

«Кольцо! Ну, конечно же, кольцо!» Оно преспокойно лежало, будто на полочке, и ждало, когда люди увидят и заберут. Все еще не веря своему счастью, Ванята наклонился и протянул руку. «Кольцо! В самом деле, кольцо!»

Вмиг ушли страхи и сомненья. Ванята спрятав кольцо в карман и полез наверх. Но, ви-

димо, не рассчитал он свои силы, забыл, что опускаться легче, чем карабкаться вверх. Он поднялся на метр или два и снова уперся ногами и спиной в стенку сруба. Где-то далеко вверху синел пятачок неба и мерцала крохотная, видимая лишь из колодца звезда.

Неужели не выберется? Нет, нет, нечего паниковать!

Откуда-то издали, будто с того света, донесли вдруг до Ваняты голоса.

— Пузы-ырь! Эй, Пузы-ырь!

Видимо, пришел во двор кто-то из ребят. Скорее всего, Пыхов Ким и его брат Гриша. Они обещали зайти сегодня и порыбачить с ним на речке. Ваняте сразу стало легче от этих далеких, едва слышных голосов.

— Эге-ге-гей! — закричал в ответ Ванята.

Но там, наверху, не услышали. Ребята покричали еще немного и ушли.

Ванята собрал остаток сил и, схватив ногами гибкую пружинистую веревку, стал карабкаться вверх.

Чудо это или не чудо, но он выбрался из колодца, снова очутился на земле — там, где жили люди, шелестели листьями деревья, светило яркое чистое солнце.

Ванята снял рубашку, подставил спину лучам. Солнце жгло изо всех сил, но он никак не мог согреться. Будто где-то за пазухой лежал белый нетающий кусок льда.

Ванята вошел в избу, надел другие штаны и рубашку. Стало чуточку теплее. Он завернул кольцо в носовой платок, спрятал в карман и помчался в тракторную бригаду. Тетка Василиса оказалась на месте. Она сидела возле левого дощатого домика трактористов, чистила картошку и бросала в широкое, наполненное водой ведро.

Ванята подбежал к тетке Василисе, развернул платок и подал ей обручальное кольцо.

— Вот, тетя Василиса, берите... кольцо ваше!

Тетка Василиса, не понимая еще, что произошло, взяла двумя пальцами кольцо из ладони Ваняты и вдруг закричала, затрясла седой головой:

— Ой, боже ж мий! Ой, хлопчики ж вы мои риднесеньки! Та у мене ж кольцо! Та це ж мое обручальне! Та це ж мий муж подарыв!

Не в силах сдержать нахлынувших воспоминаний, она кричала на все поле:

— Та риднесеньки ж вы мои! Та я ж умру зараз! Ой, хлопчики ж вы мои!..

Смущенно переминались с ноги на ногу трактористы. Опустив глаза, молча стоял Ванята. Никому ни слова не скажет он, как доставал кольцо и чуть-чуть не застрял в черном, заброшенном колодце. Он не будет хвастать! То, что увидел Ванята сейчас, было для него важнее всего...

Окончание следует

Вася Павлов, сын партизанского отряда

Во время Великой Отечественной войны студент Ленинградского университета Аркадий Сергеевич Миролюбов партизанил в тылу немецко-фашистских войск.

Аркадий Сергеевич рассказывает о самом молодом партизане Васе Павлове, воевавшем в одном с ним отряде.

Василий Александрович Павлов

Девяти лет Вася Павлов остался без отца, вдвоем с матерью Марией Артемьевной.

Жили они в деревне Бор Залучского района Новгородской области. Зимой Вася ходил в школу, а летом вместе со сверстниками целые дни проводил на речке.

Умаявшись за день, возвращался Вася домой со связкой рыбы, голодный и усталый. И все, что подавала мать на стол, съедал быстро. Наевшись, пил чай с медом. Забравшись же в кровать, любил съесть перед сном яблоко.

И медом и яблоками деревня Бор славилась.

Хорошо, зажиточно жили колхозники в Залучском районе.

Но вот началась война. Мужчины уходили в армию. Несколько человек уехали в Залучье и как в воду канули. Поговаривали, будто вступили они в партизанский отряд...

Над деревней целыми днями гудели, направляясь на восток, фашистские самолеты. А

в начале августа 1941 года фашисты захватили Бор.

Домá заняли гитлеровцы. Все, что в кладовках и подпольях запасено было, захватчики сожрали, как саранча.

Чтобы не умереть с голоду, Мария Артемьевна пошла работать прачкой в фашистский госпиталь, а Вася стал ходить по деревням, ближним и дальним, обменивая вещи на хлеб.

От природы наблюдательный и любознательный, он все замечал. В памяти удерживалось и сколько танков стоит в деревне, через которую проходил, и сколько вражеских солдат живет в избе, куда заходил погреться.

Как-то поздним зимним вечером возвращался Вася в свою деревню. Полная луна освещала дорогу. Поскрипывал снег под ногами.

«Вот пройду этот лесок — и дома», — думал Вася.

— Эй! Мальчик, — услышал он окрик.

Вася оглянулся, но никого не увидел и собрался было ид-

ти дальше. Но тут трое в белых халатах преградили ему путь. Один, с автоматом на шее, подошел и протянул ему руку:

— Здорово, Васятка! Откуда путь держишь?

Кто мог назвать его Васяткой? Он внимательно оглядел незнакомца и вдруг закричал: — Дяденька! Михаил Петрович!

В эту ночь Вася спал в теплой партизанской землянке. Он стал разведчиком в партизанском отряде Крылова.

...Летом 1943 года наш отряд попал во вражескую облаву. Весь лес заполнили фашистские солдаты.

Идем по лесу медленно, прислушиваемся к малейшему шороху, приглядываемся к каждому дереву, к каждой кочке. И вдруг Вася дергает меня за рукав и шепчет:

— Вроде как дымом тянет.

— Костром, что ли?

— Нет. Вроде бы сигареткой. Я табак за километр учую. Если ветра нет, — добавил он.

Рисунок
Т. Ксенофонтова

Мы остановились. Шедший впереди комиссар замедлил шаг и повернулся к нам.

— Ну? Чего встали? Или...— Он не договорил — раздались автоматные очереди.

Отделались мы довольно удачно: только двое были легко ранены.

— Ну, сынок, спасибо: не будь тебя, вышли бы мы на фашистские автоматы, — сказал комиссар.

И еще не раз выручал Вася. Однажды после диверсии возвратились мы в лагерь и свалились, измученные переходом, а Вася остался дежурить.

Но едва мы задремали, тормошит Вася.

— Что-то вороны раскричались. Не каратели ли по следу идут?

И оказался прав. Так снова, благодаря наблюдательности нашего сынка, ушли мы от преследователей без потерь.

В 1944 году отряды 9-й бригады выходили на железнодорожную линию между Лугой и Плюссой. Эти налеты партизаны называли «концертами».

Как-то раз после одного такого «концерта» приехал я в родной отряд, где продолжал воевать Вася.

— Здравствуйте, товарищ политрук! — радостно закричал Вася и уткнулся мне в грудь. Я обнял «сынка».

— Что это у тебя? Откуда синяки на лице?

— Под Лугой его разукрасило, — пояснил командир отряда.

— Зачем же вы мальчишку на такую серьезную операцию с собой взяли? — не удержался я от упрека.

— Да кто же его брал, — отозвался комиссар отряда.

— Вы, политрук, на командира и комиссара не ругайтесь: они меня не брали. Я сам, — выпалил Вася.

— Сам? Без разрешения? — удивился я.

Вася молчал.

— Дело было так, — заговорил командир. — Вася попросился с нами на железную дорогу. Я, конечно, отказал. И мы двинулись в путь. Ночь морозная. Ехать до железной дороги километров двадцать. Ребята сена в сани набросали, чтобы мягко и тепло было.

— А Вася? — перебил я.

— Мы с комиссаром в одних санях ехали, — продолжал командир. — Едем, о предстоящей операции разговариваем. Отъехали мы километров пятнадцать. И тут заметили: что-то под нами ворочается. Остановились, осмотрели сено. А там — Вася! Ну куда его денешь? Так и поехал сынок с нами.

В полукилометре от железной дороги подводы остановились. У полотно разведчики обнаружили два парных поста и бесшумно сняли их. Потом положили толстые шашки под стыки рельс и вставили капсюли-детонаторы с бикфордовым шнуром. Затем выстрелом из красной ракетницы командир дал сигнал: «Поджечь шнур и лечь в кювет».

Прогрелись взрывы. Теперь приготовились подорвать вторую нитку рельсов.

Вторая красная ракета. Снова грохот взрывов расколол тишину морозной ночи. Это был «концерт»!

Наконец зеленая ракета возвестила: «Отходим к подводам!» Осмотрелись партизаны — а Васи-то и нет!

Начали искать. Не найти — нет сынка. Как сквозь землю провалился. В конце концов обнаружили в колодце!

— Да никакой это не колодец, — возразил Вася. — Просто яма глубокая и воды в ней не было. — Меня туда взрывной волной кинуло.

— Почему же никого другого туда не забросило?

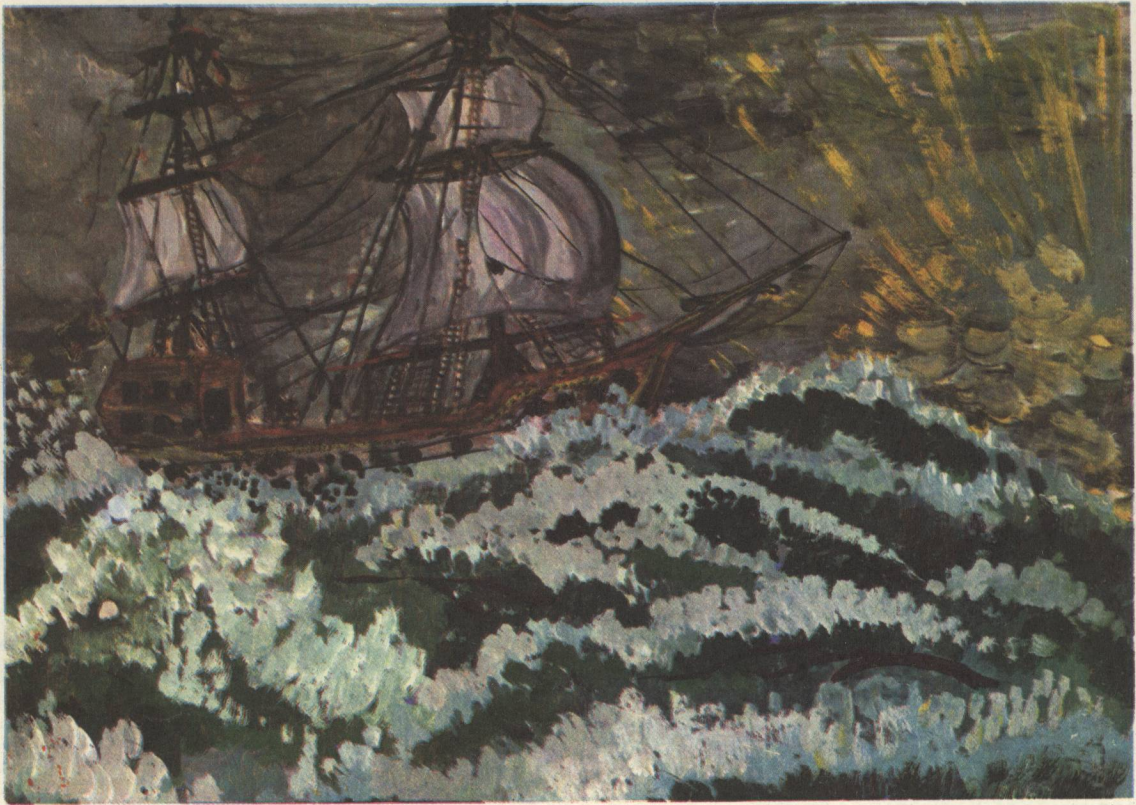
— Потому что все по одной шашке под рельс клали, а я четыре сунул. Интересно было, какой взрыв получится...

Вытащили сынка грязного, черного. Это его пока до колодца катило, в мазуте и масле вымазало, что с паровоза пролились.

...После освобождения Ленинградской области от фашистских захватчиков среди пяти тысяч ленинградских партизан, награжденных орденами и медалями, был и Вася Павлов.

...Прошли годы. Сын партизанского отряда Вася стал Василием Александровичем, механиком теплохода. Две его дочери и сын вместе с матерью и бабушкой Марией Артемьевной с грустью провожают своего отца в дальнее плавание и радостно встречают его в родной Риге после многомесячного путешествия по чужим морям.

ВОСХОД СОЛНЦА

Миша Шилин

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

Художник Кирилл Владимирович Овчинников — автор иллюстраций ко многим книгам — познавательным и сказочным. Кирилл Владимирович старается всегда так оформить книгу, чтобы рисунки наилучшим образом соответствовали бы и материалу и характеру произведения. Книга Н. Сладкова «Подводная газета» с рисунками К. Овчинникова была представлена как одна из интересных по оформлению на конкурс «Искусство книги» в Лейпциге.

Кирилл Владимирович говорит о рисунках, которые пришлось ему по душе:

— В рисунках читателей «Костра» очень много интересного. Нам, художникам, всегда приятно заглянуть в папки, в которых хранятся детские рисунки. Ведь каждый рисунок это как бы рассказ о том, что ты увидел, что привлекло твое внимание. Радует нас и то, что вы, ребята, находите себе занятие по душе и внимательно приглядываетесь к людям, природе, что окружает вас. Не беда, если рисунки еще не совершенны, главное, в них чувствуется желание поделиться тем, что увидено, что запомнилось, что удивило.

Светлая, солнечная березовая роща украшена флажками и яркими лентами. На площадке танцуют девушки в национальных костюмах. Много зрителей. Таким запомнился национальный праздник плуга Лиле Валиуллиной. Ей удалось передать настроение праздника. Обедняет рисунок то, что деревья и трава выкрашены одинаковой зеленой краской.

ТАТАРСКИЙ ПРАЗДНИК ПЛУГА

Лиля Валиуллина

Хорошая работа Миши Шилина — по пенным волнам плывет парусное судно. Рисунок напряженный, волнующий. Цвет моря красив и гармонирует с грозным небом. Видно, юный художник любит море, умеет всматриваться в него, видел восход солнца на море.

Трудно пройти равнодушно мимо цветущих фруктовых деревьев. Радостный весенний пейзаж на фоне гор и голубого неба, сады, осыпанные розовыми цветами, поразили Витю Горбунова. Он ощутил красоту природы и сумел передать свое настроение зрителю.

Хорош натюрморт с цветами Любы Александровой. Как живые, нарисованы колокольчики и желтые ромашки, сочетание их очень красиво. А вот голубой цвет фона не удался художнице — это глухой и однообразный фон.

Дорогие юные художники, рисуйте как можно больше! Пусть это будут рисунки с натуры и по памяти. Пробуйте, фантазируйте, изобретайте. Конечно, не все из вас станут художниками-профессионалами. Но если вы полюбите и научитесь понимать искусство, то ваша жизнь станет намного богаче и интереснее.

Быстро запечатлеть интересный сюжет, своеобразный пейзаж, необычный момент — это умение всегда пригодится вам в будущем. Даже если вы станете врачами, архитекторами, сталеварами, геологами или учителями.

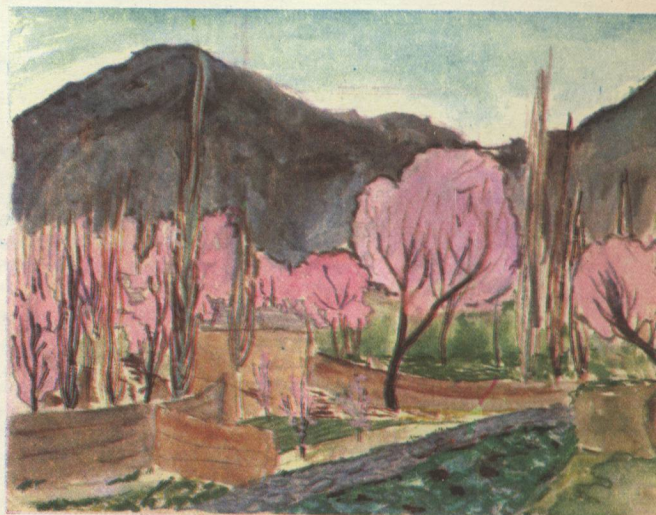
Старайтесь уже сейчас наблюдать, запоминать, накапливать как можно больше зрительных впечатлений. Умение видеть сделает вас и более наблюдательными, и более внимательными. А эти качества необходимы всегда и всем!

ПОДАРОК МАМЕ

Люба

Александрова

ЦВЕТУТ ПЕРСИКИ

Витя

Горбунов

Раздел ведет

писатель

Н. И. Сладков

Мы шефствуем над памятником детям блокадного Ленинграда «Цветок жизни». Убираем территорию вокруг памятника и приносим к нему цветы, которые выращиваем на пришкольном участке.

*Ленинград,
130 школа*

У нас создан штаб юных друзей природы и кружок юных натуралистов. Помогаем совхозу «Выборгский» убирать ранние овощи, охтинскому химкомбинату — благоустраивать территорию, а охтинскому лесничеству — охранять лес.

Ленинград, 147 школа

ШТАБ „КЕДР“

Дежурный — инженер зеленого строительства Ирина Несторовна Сурина советует:

Город завален снегом. Дороги, дорожки, тротуары днем и ночью расчищают неутомимые машины. Под громадными снежными валами скрылись кусты живой изгороди.

Осторожно, не вороша кусты, надо раскидать снег по газону, иначе тонкие ветки обломятся под тяжестью снега.

Вот дворники щедро разбрасывают по тротуарам соль. Если хоть крупичка соли попадет на газон, то весной вместе с водой соль проникнет в почву — и погибнут и деревья, и трава, и цветы.

Снег, пропитанный солью, складывайте по краям дорожек, а еще лучше увозите туда, где нет растений.

В феврале самые лютые морозы. Иногда они наступают после оттепели, и тогда словно выстрелы раздаются в садах. Это лопаются кора деревьев. Огромные зияющие раны появляются на стволах — морозобойные трещины. Пока для дерева они не опасны. Но пригреет солнце, растает снег, и сквозь рану, как в распахнутые ворота, хлынут в дерево сердцевинная гниль, бактерии и насекомые-вредители.

Осмотрите деревья. Острым, лучше садовым ножом зачистите раны и замажьте их воском, или масляной краской, или специальной мастикой.

В мягкий теплый зимний день целые снежные сугробы повисают на ветвях.

Берите в руки шесты или лыжные палки. Торопитесь: надо стряхнуть снег раньше, чем он заледенеет.

Будьте осторожны: зимой ветки хрупкие и могут легко обломиться.

Еще летом вы заметили сушняк.

Сухие сучья и ветви надо обрезать именно сейчас.

В конце месяца наступает прекрасная пора — Пришвин назвал ее „весной света“. Под лучами солнца заснеженные газоны из белых становятся розовыми, голубыми, искрятся и переливаются. А если по ним протоптаны тропы и множество ямок-следов? В этих местах появляются темные пятна и ледяная корка. Вся трава под грязным утрамбованным снегом погибнет.

Нельзя ходить по газону не только летом, но и зимой.

И еще одно задание „Зеленому патрулю“ на февраль.

Если на газоне устроен каток, не ждите наступления тепла, а уже в конце февраля разбейте ледяную корку, чтобы лед быстрее растаял.

Наш штаб ждет ваших сообщений. Мы всегда готовы помочь вам советом!

ЗАГАДОЧНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ПТИЧИЙ СЕКРЕТ

Поздняя осень в тайге. Опали листья, вот-вот наступит зима. Темная птица, с галку, но вся в белых пестринах, спланировала с кедра на землю. Это кедровка. Вид у нее забавный: она с трудом удерживает равновесие на лету; того и гляди раздуваясь голова перетянет и птица закувыркается. На земле кедровка выкинула из подклювного мешочка кучку отборных кедровых орешков, заткнула их под мох и опавшие листья и взлетела. Летела она теперь легко и ловко: спешила за новой порцией.

Так всю осень запасают кедровки орехи, пряча их куда придется по всей тайге.

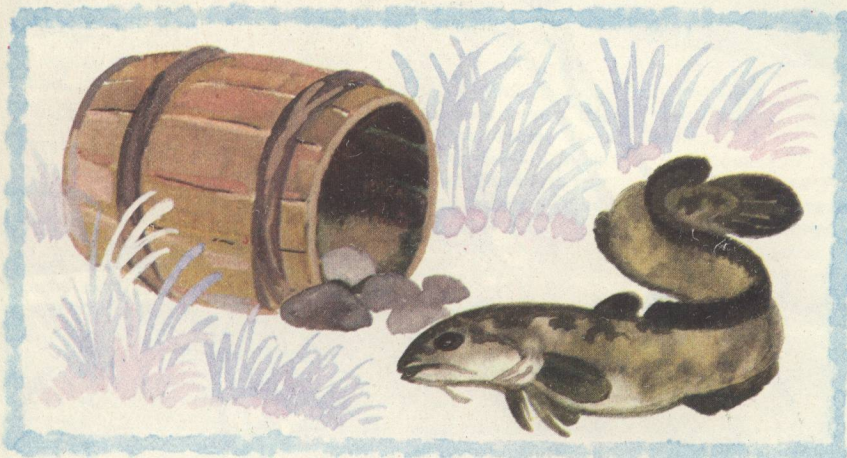
И вот приходит зима. Спят ледяным сном деревья. Все ниже клонятся под тяжестью снега их ветви.

Мертвую тишину нарушают лишь резкие крики кедровок. Хотя все вокруг изменилось до неузнаваемости, они безошибочно находят запасы. Прилетит кедровка на маковку ели, покрутит носатой головой, внимательно присмотрится к снегу и уверенно, без колебаний, опустится посреди белой поляны. Разроет снег до земли, разбросает прелые листья, и, пожалуйста, вот она, горстка, спрятанная тут еще осенью! Как кедровка нашла тайник под толщей снега? Ведь тайников у нее сотни, как их все запомнить? А она находит их без ошибки, садится точно в снег над тайником — ни на шаг в сторону! И это бы еще ничего. Но кедровки на одном месте зимой не живут. И те тайники, что сделали осенью, сами не посещают — их другие кедровки находят! Те, которых осенью и близко-то не было. И находят легко и уверенно, словно у них имеется план с пометками всех чужих ухоронок. Посидят на кедрах, покрутят головой — и опускаются прямо к запасам! Словно сквозь снег видят. И еще на пять сантиметров под землю. И никому неизвестно, как они это делают.

М. Зверев

НАЛИМ

В школе работает краеведческий кружок. Мы изучаем природные богатства района и области. Из собранных материалов делаем учебные пособия для уроков.

Ленинград, 135 школа

ЗИНКА

Зинка была знаменитой обитательницей Ленинградского зоопарка. Знали ее не только дети, но и многие взрослые. Еще бы: ослица Зинка была артисткой! И какой: она работала в театре оперы и балета! Запряженная в маленькую тележку, в сопровождении служительницы зоосада она неторопливо шествовала по улицам к центру города. Крики мальчишек, звонки трамваев, гудки машин не производили на нее никакого впечатления. Она лишь недовольно шевелила длинными ушами и в такт шагам важно покачивала головой: «Не мешайте мне, я тороплюсь в театр на выступление».

Привычно поднявшись по мраморным ступеням театра, Зинка весело вбегала в артистическую. А когда нужно, выходила на сцену. Как избалованная prima-donna, она привыкла к аплодисментам и к падающим на сцену букетам цветов. Если цветы вовремя не поднимали, Зинка хватала их своими мягкими теплыми губами и начинала жевать, довольно помахивая хвостом. Жизнь артистки нравилась Зинке.

Но однажды кто-то из служителей театра обидел Зинку. Она вернулась домой понурая и недовольная. И затаила обиду. На другой день, как обычно, ее запрягли в тележку. Зинка пошла за служительницей, но, когда до театра осталось всего два квартала, вдруг отчаянно заревела и растянулась на мостовой. Даже глаза закрыла!

— Зинка помирает! — взволнованно закричали мальчишки. Собралась толпа. Доброжелатели наперебой давали советы, пробовали поднять Зинку на ноги. Но Зинка снова падала на мостовую. Хотели даже вызвать «скорую помощь», но кто-то сказал, что «скорая помощь» не для ослов. Растерявшаяся служительница позвонила директору: «С Зинкой плохо, похоже, кончается!»

— Притворяется, хитрюга! — рассердился многоопытный директор зоосада. — Сейчас я приеду!

Зинка действительно притворялась. Едва ее подняли на ноги и повернули мордой к дому, она весело взмахнула хвостом и вскачь понеслась к зоосаду.

В тот день балет «Дон-Кихот» едва не был сорван «ввиду болезни актрисы». Больших трудов и огромных кусков сахара стоило обидчику Зинки уговорить ее забыть незаслуженную обиду, сменить гнев на милость и вернуться в театр. Обиду и ослы понимают. Как и доброе отношение.

А. Светов

У бабки Агафьи бочонек потек. Самый нужный, в котором она капусту квасила на зиму. Наложил бабка в бочонек камней и утопила его, чтобы набухли разохшиеся дощечки и заклинило щели. Пусть стоит до поры, благо речка у самой избы.

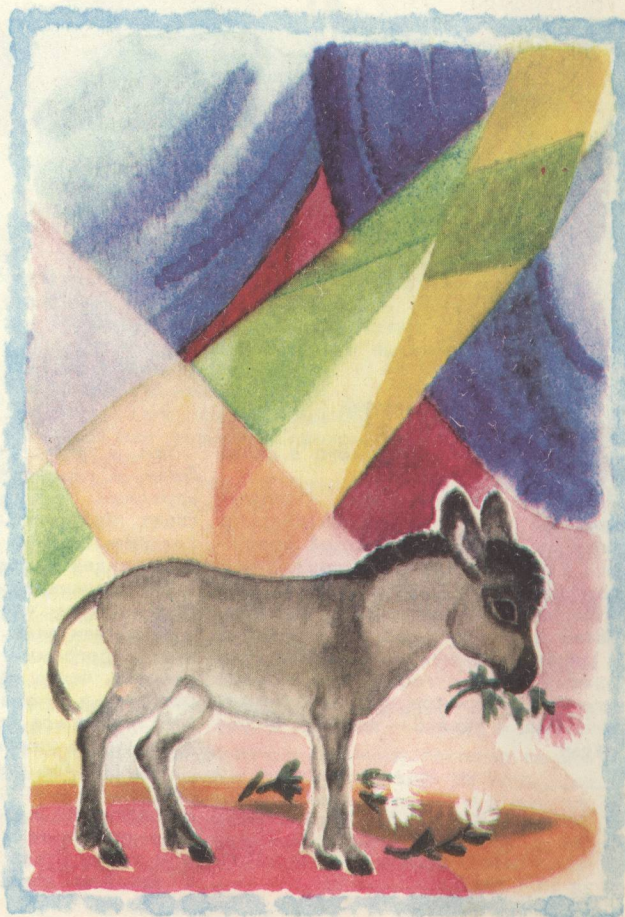
Поздней осенью бабка решила вынуть бочонек из речки, чтобы выпарить его хорошенько и засолить в нем капусту. Вытащили они с сыном бочонек, глядь — а в нем рыбина! Большущая, черная, головастая. И с усами! Свернулась кренделем и лежит. Налимище здоровенный! Надоело ему, наверное, прятаться под камнями да корягами, он и перебрался на зимнюю квартиру в бочку. И так она ему приглянулась, что и выселяться не захотел, когда квартира его вдруг вознеслась к небесам.

— Давай вместо капусты налима засолим! — смеется сын бабки.

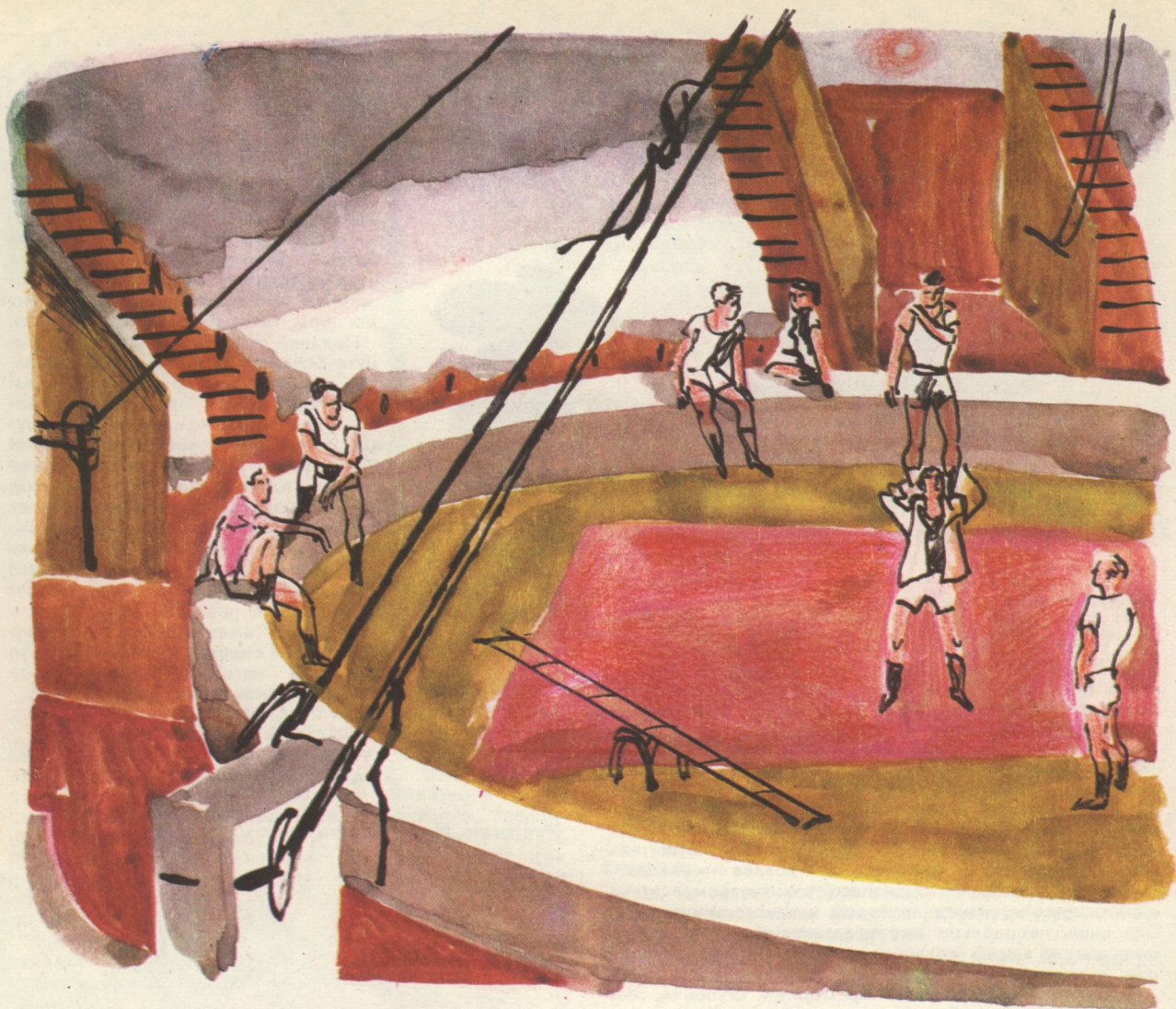
— Еще чего! — не соглашается бабка. — Страхолюда этакого!

П. Мочалов

Рисунки К. Овчинникова

Я-ИНСПЕКТОР МАНЕЖА

ПОВЕСТЬ*

Часть вторая

Роберт Балаоновский

Рисунки Ю. Шабанова

В самом начале седьмого я снова в цирке.

Темнеет неосвещенный круглый зал. Все там уже готово. Барьер украшен затейливой цветной дорожкой. Опилки прикрыты декоративным ковром.

Напряженный, волнующий час ожидания зрителей.

Цирк напоминает дом, готовый к приему дорогих гостей. Все в такой вечер у хорошего хозяина бывает начищено и убрано — входите, будем рады!

Там, в зрительном фойе, в вестибюле, в гардеробных ждут публику нарядные билетерши. Артисты в своих гардеробных одеваются и накладывают грим. Конюхи надевают на лошадей парадную сбрую.

Перед началом провожу короткое совещание с униформистами. Каждый обязан знать малейшее изменение в программе. Униформа должна работать четко. Минута промедления подготовки очередного номера может показаться зрителю часом.

Кто такие униформисты?

Это как бы рабочие сцены, но в театре они работают при опущенном занавесе или в затемнении, в цирке же — на глазах у зрителя, при полном свете. Стало быть, униформисты в какой-то степени и артисты. Как

правило, униформисты это те, кто «заболел» цирком и не может без него жить. И часто молодые ребята, пришедшие в униформу, начинали, при помощи опытных товарищей, готовить свой номер. Через два-три года они снимали униформу и становились цирковыми артистами, причем порой незаурядными.

Но вот и окончена летучка. Униформисты спешат к шкафчикам, где висят их выходные костюмы. Пора одеваться к представлению и мне. Снимаю с вешалки фрак и вынимаю из шкафа свежую сорочку. Пока цирк готовится к началу представления, я расскажу вам, как в измененной революцией обстановке складывалась в дальнейшем моя судьба — судьба молодого артиста.

* Написана в содружестве с писателем Арк. Минчковским. Часть первая в №№ 1—4 «Костра» за 1971 год.

„Махновец“ из Теревсата

Еще несколько лет после революции цирки, в особенности в провинции, оставались в частных руках. Но бесправные в прошлом «циркачи» обрели голос и о прежней бездушной эксплуатации не могло быть и речи. Директорам-хозяевам приходилось сильно сбавлять тон.

В 1919 году Ленин подписал декрет, по которому театры и цирки становились государственными. Но перед тем как передать цирки государству, прежние хозяева вывозили из них и костюмы, и реквизит, снимали бархатные портьеры и драпировку, оставляя только заброшенные помещения. Привести же эти помещения в порядок не было средств. Порой артисты не знали, как выходить на публику в своих потрепанных, обносившихся костюмах.

Особенно сложно было работать в первые годы революции на Украине, где власть не раз переходила из рук в руки. В Киеве, например, до окончательной победы Советов власть сменялась тринадцать раз. Кого только я не повидал в те годы на киевских улицах: кайзеровских офицеров в черных лакированных касках с шишаками (наподобие тех, какими сейчас украшают верхушку новогодних елок), петлюровских чубатых полупьяных конников, «синезупанников» Центральной Рады, лощеных белогвардейцев...

Приход этих властей сопровождался арестами, виселицами и расстрелами. Жители прятались по домам. Цирку же доставалось особо. Нередко во время представления в зале слышались выстрелы. Кто в кого стрелял или это являлось попросту выражением восторга, было не понять.

Унизительные, тяжелые дни. Артисты лишились заработка. Чтобы не умереть с голоду, стали выступать где попало, нередко устремлялись в близлежащие села, там иногда удавалось разжиться продуктами.

Часто, приехав в какое-нибудь селение, мы не знали, под какой оно сейчас властью.

В те дни произошла со мной история, которая теперь может показаться только забавной, а тогда могла закончиться печально.

Дело было так. Мы выступали в маленьком городке неподалеку от Киева. Представление кончилось, и я отправился в одно село, где, по словам местных жителей, возможно было купить продукты на деньги. Я полагал, что чем дальше заберусь, тем больше надежды на успех. Ведь есть же, наверно, думал я, такие села, которых ничего не коснулось.

На попутных повозках и арбах, в которых были впряжены волы, добрался я в конце концов до нужного мне села и вот шагаю по единственной его улице, мимо низеньких, густо побеленных мазанок под соломенными крышами. Стены многих хат увиты зеленью, сады источают медовый аромат. Вечереет. Синевая неба сгустилась, верхушки пирамидальных тополей зажглись багрянцем. Словом — благодать.

Я шел по дороге в преотличном настроении, выбирая домик похозяйственной, надеясь приобрести там сала и муки, а повезет, так и яиц.

И вдруг я чуть не свалился от сильного толчка: кто-то сильно сжал мне плечо. С другой стороны сейчас же схватили за руку. Не успел я обернуться, как почувствовал, что в спину мне уперлась какая-то палка. Не трудно было догадаться, что это ружейное дуло.

— Не вертаться! — скомандовал сзади молодой голос. — Ни с места!.

— Нехай только попробует сигануть, я его зараз шлепну, — сказал кто-то другой. — Куда его, Павло?

— В штаб его представить, — распорядился невидимый мной Павло. — Шагай прямо.

Радужное настроение мгновенно испарилось. Вот тебе и тихое село!.. Чего доброго, и в самом деле возьмут и шлепнут. Хоть бы узнать, кто меня ведет...

Молодой голос сказал:

— Побачь, яки у него щиблеты. В городе с кого хоба снял...

— Махновец, поди. Они все ворюги, — заключил тот, которого звали Павлом. — В штабе допытають.

И для убедительности он лишний раз ткнул меня дулом между лопаток.

Так мы дошли до небольшой хатки. Тут меня втолкнули в дверь.

В тесной сумеречной комнатке за столом сидели трое. Один в кожанке с маузером на боку. Ворот кожанки открыт, под ним флотская тельняшка.

— Ось, товарищ комиссар, поймали. По расположению шел, все чегой-то выглядывал.

Это сказал Павло — здоровенный детина в затасканной солдатской гимнастерке и с кавалерийским карабином в руках.

«Товарищ комиссар!» У меня отлегло от сердца. Свои, красные. Ну с этими-то как-нибудь объяснюсь. Я сунул руку в карман, чтобы вытащить документы, и обомлел: никаких документов со мной не было.

— Кто таков и откуда? — грозно спросил тот, кого называли комиссаром.

— Я артист, — говорю.

Все, кто был в хатке, засмеялись:

— Бачили мы таких артистов...

— Прекратить! Что за артист? — комиссар остановил расшумевшихся.

— Из цирка, — отвечаю. — Артист цирка.

— Документы!

— В Киеве оставил.

— Так, понятно... — угрожающе проговорил комиссар. — Веди протокол, Чепуренко.

— Да чего с ним чикаться, по щиблетам видать, что за птица, — сказал Павло. — Махновец!

— Я, товарищи, не махновец. Я артист революционного цирка, — волнуясь, стал доказывать я. — Меня за продуктами сюда послали.

— Что за артист?

— Акробат и эквилибрист.

— А может — анархист?

Снова все засмеялись.

— Помолчи, Павло! — комиссар глядел в мою сторону, положив руку на деревянный футляр маузера. — Чем вы сможете доказать, что вы действительно артист?

— Нехай изобразит что-нибудь...

— Можете? — переспросил комиссар.

— Могу, — ответил я. — Только не здесь.

— Это почему же?

— Потолок слишком низкий.

— Дело, — согласился комиссар. — Айда на улицу. Допрос был временно прекращен. Меня вывели в сад на дорожку.

Вслед за конвоирами и комиссаром на крыльце появились и все остальные.

— Минутку! — предупредил я и снял пиджак. Затем с места разбежался по дорожке, крутанул в воздухе сальто и замер у крыльца. Тут же сделал стойку на руках и прошелся колесом вдоль всей дорожки, поднимая пыль и глотая ее.

— Во, здорово! — искренне восхитился Павло.

— А теперь принесите табуретку и стул, — скомандовал я.

Молоденький красноармеец притащил из хаты то и другое.

Я установил табуретку на крыльце, поставил на нее двумя задними ногами стул и, усевшись на него, стал балансировать, чуть раскачиваясь и делая вид, что читаю воображаемую газету и курю.

— И верно — артист! — согласился тот, что принимал меня за анархиста.

Так закончилось мое первое выступление для Красной Армии.

Тут же комиссар приказал, чтобы мне помогли раздобыть сала и муки и отправили меня до станции на подводе.

На фронте киевского цирка появилось не объяснимое ни на каком языке его новое название: ТЕРЕВСАТ.

Это значило в переводе на понятный русский язык: ТЕатр РЕволюционной САТиры. Очень тогда распространились разного рода сокращения. Например, НАРКОМПРОСУКР — НАРодный КОМиссариат ПРОСвещения УКРАины, или ВУФКУ, что означало: Всереспубликанское Управление фотокинопромышленности Украины. Чем мы хуже?

На манеже шли прежние, чудом сохранившиеся номера. Ряды артистов цирка за эти годы сильно поредели. Некоторые ушли в армию. Номера распались.

Из тех, кто неизменно пользовался в эти дни успехом, был японский артист Мацаура. Прежде Мацаура работал в знаменитой японской труппе Ямадасана, с которой мне пришлось познакомиться в Москве.

В номере Мацауры не было ничего сверхэффектного. Строго одетый артист быстро и ловко взбирался по веревочной лестнице на высоко подвешенную трапецию и затем решительно отбрасывал лестницу.

Работал Мацаура на трапеции мастерски, но особого эффекта он достигал в том, что у воздушных гимнастов называется обрывами. То есть, когда артист внезапно меняет на трапеции положение, как бы срываясь с нее.

Прогнувшись на трапеции и соблюдая равновесие, Мацаура все сильнее и сильнее раскачивался. Казалось, что он вот-вот ударится головой или ногами о потолок купола. И вдруг тело его соскальзывало с трапеции. Сейчас артист сорвется и полетит вниз на манеж. В зале кто-то вскрикивает... Но Мацаура успевает согнуть ноги и, задерживаясь на подколенках, спокойно продолжает маятниковый ход, вися теперь вниз головой. Еще минута — и артист резким движением снова выпрямляет ноги. Падение как будто неизбежно, но зрители не успевают и ахнуть, а Мацаура уже раскачивается, зацепившись за трапецию одними носками...

Это было подлинным чудом циркового искусства, недаром зрители провожали Мацауру аплодисментами.

Так вот, хорошие номера были еще старыми, а дух — новым. Когда приехавший из Москвы товарищ обратился к нам: «Товарищи циркачи!» — поднялся шум возмущения. Мы больше не хотели называться презрительным словом «циркачи», мы стали артистами — артистами цирка...

Но пора на манеж. Включаю микрофон для объявления.

Уходят последние минуты седьмого часа. Длинная стрелка приближается к верхней точке циферблата. Оборвался и затих раздавшийся по всему зданию третий звонок. Цирк наполнился сверху донизу, а фойе опустело. Билетерши задернули занавес, отделяющий зал от вестибюля. С закулисной стороны, над выходом на манеж вспыхивает световая табличка:

ТИХО!
ИДЕТ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Выстроились для выхода на публику участники программы. Грянул оркестр, и выбежали на манеж девушки из балетного ансамбля. Так начинается пролог. Затем со сцены над нами прозвучат стихи и артисты вступят на арену. Я, как всегда, буду замыкающим.

Но вот окончен пролог. Участники его вернулись за кулисы и торопливо разошлись по своим гардеробным. Я остаюсь на манеже и объяв-

ляю первый номер. Программу открывает воздушная гимнастка.

Гаснет свет, и прожектор выхватывает стройную фигурку девушки в газовом хитоне, в играющем блестящими трико.

Артистка достигает середины манежа, куда для нее уже спустили канат из-под купола цирка. Девушка схватывает канат одной рукой и мгновенно подтягивается вверх. С высоты на манеж, медленно кружась, падает ее газовый хитон. Униформист подхватывает его на лету. В сияющем отражении огней, под барабанную дробь, артистка поднимается высоко под купол. Вот она уже и на трапеции. Умело закрепляет канат и, почти незаметно для публики, пристегивает к поясу лонжу. На высоте примерно восьмого этажа начинается головокружительный номер, продлеваемый с грациозной неприужденностью.

За кулисами цирка умеют ценить настоящую работу товарища. Мастерский номер мы можем смотреть

бесчисленное количество раз, и он никогда не наскучит. Вот и сейчас за действиями молодой гимнастки, затаив дыхание, следят все, кто находится рядом со мной в проходе. Свет прожекторов направлен под купол. Мы в затемнении. Мое привычное зрение различает, в проходе напротив, вышедшего посмотреть на гимнастку главного режиссера. В ложе бельэтажа появился директор цирка, он тоже наблюдает за тем, как легко продлевает сложнейшие трюки под куполом талантливая артистка.

А ведь всего два года назад она с этим же номером, далеко еще не столь совершенным, предстала перед судом выпускной комиссии Государственного циркового училища.

Я смотрю снизу на работу обязательной молодой гимнастки и думаю о том, до чего же хорошо, что в нашем цирке созданы условия для серьезного развития юных талантов. Как же далеко ушел наш нынешний советский цирк от прежнего...

Брат Каранжо

Из Киева я решил переехать в Москву.

Навел кое-какие справки и узнал, что в программе обоих столичных цирков нет номера баланса, похожего на мой со столами. Новость придала мне уверенности. В Москву, в Москву!..

Переезд в то время был сопряжен с немалыми трудностями. Движение поездов лишь кое-как налаживалось. Не хватало ни вагонов, ни паровозов, ни топлива. Составы шли переполненными до невозможности. Тащились поезда медленно и порой надолго застревали в пути.

Но разве для молодости есть препятствия!

В Москву!

Я запаковал свой реквизит — столы, стулья, разные

мелкие вещи. Получился увесистый багаж, к счастью, не представлявший ценности ни для кого, кроме меня.

Багаж был отправлен малой скоростью. Мне выдали квитанцию с печатью и подписями, хотя и на старом еще, «царском» бланке. Обождав несколько дней, чтобы по приезде в Москву не слоняться без дела, отправился туда сам.

И вот я в Москве.

Кого только нельзя было увидеть на улицах... Тут и «бывшие», разгуливающие в потрепанных временном котелках. И деловитые люди с портфелями, в только что входящих в моду «толстовках» — длинных рубашках с поясом. Мелькали кожанки и френчи. На ногах у многих — краги или армейские ботинки. На головах мо-

лодых женщин сдвинутые на затылок кепи или красные косыночки. Командиры Красной Армии тогда щеголяли в шлемах-буденовках с огромной суконной звездой и в шинелях до земли.

Транспорта почти не было. Извозчики редки. Еще более редкие гремящие автомобили принадлежали советским учреждениям, а немногочисленные трамваи ходили столь переполненными, что горожане предпочитали передвигаться пешком.

И все же Москва двадцатого года, холодная и голодная, внушала неколебимую уверенность в будущем, поднималась к новой жизни, бурной и кипучей. Слышались речи ораторов. Спорила и кипятилась прибывавшая с затихших фронтов молодежь.

Вот в какую Москву мне снова удалось попасть. Как же она была непохожа на ту, в которой мне пришлось работать на подмостках в саду «Аквариум», неподалеку от цирка Никитиных...

В Москве меня ждало огорчение: в багажной контроле железной дороги я узнал, что груз мой еще не приходил. Предложили подождать и зайти еще.

Я зашел через день. Ответ тот же. Я стал наведываться ежедневно. Но никакого багажа в Москву так и не поступало или его не могли найти.

Словом, прошло время — и я понял, что мой реквизит безвозвратно пропал. Обстановка на железной дороге тогда была такой, что не приходилось рассчитывать на то, что багаж отыщут. Даже выплата страховки — счет деньгам тогда шел на миллионы — ничего не могла значить. На эти миллионы нельзя было приобрести и половины одного стола для работы.

Что же было делать?

Понурясь, я направился к тогдашнему руководителю московских цирков Фрицу Рудольфовичу Дарле. Это был примечательный человек. Австриец по национальности, военнопленный, оставшийся в России, он после войны решил посвятить себя созданию нового цирка в молодой республике.

Дарле, в прошлом эстрадный артист — жонглер, конечно, мог понять мое состояние.

Выслушав грустный рассказ, Фриц Рудольфович, однако, не стал меня успокаивать и выражать сожаления. — Вот что, молодой человек, — неожиданно сказал он. — Вы ведь, наверно, когда-то работали акробатом?

В его догадке не было ничего удивительного. Почти каждый артист цирка, прежде чем остановиться на чем-то определенном, бывает и акробатом, и гимнастом, и наездником, и еще кем-нибудь... Ведь большин-

ство выходит из артистических семей и вырастает в цирке, где можно научиться всему. Дарле попал в точку.

— Да, — ответил я. — Я работал в труппе Виноучи.

— И прекрасно, — он кивнул головой. — А у нас как раз есть акробат, которому нужен партнер. Сейчас я вас познакомлю с Каранжо... Он работал со своим братом, но теперь тот умер.

Так я встретился с Алексеем Каранжо. Это был человек очень маленького роста, живой и крепко сшитый. Увидев его, я сразу понял, что номер у нас с ним будет комедийный, насыщенный эксцентрикой.

Мы начали готовиться к выступлениям в Театре миниатюр.

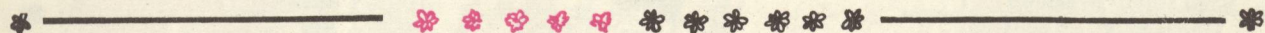
Репетировали долго и упорно. Партнер попался требовательный, а я к тому времени несколько отвык от акробатики, и многое приходилось начинать сначала.

Однако к открытию сезона в Театре миниатюр в городе уже появилась на тумбах афиша, а в ней, среди других номеров, значилось:

2 КАРАНЖО 2 (АКРОБАТЫ-ЭКСЦЕНТРИКИ)

Под таким именем я осенью двадцать первого года впервые вышел на манеж столичного Театра миниатюр. Разыгрывалась сценка. В темноте слышались удары

станционного колокола. Такие колокола еще не так давно висели на всех больших станциях. Дежурный по станции, ударяя в колокол, предупреждал пассажиров, что поезд вот-вот тронется. В театре перед началом представления раздавался один удар в колокол, затем два... И сразу прожекторы выхватывали из темноты меня, выходившего на манеж в элегантном костюме, с пальто на руке и с большим чемоданом. Я торопился к поезду и ставил чемодан на землю, чтобы перевести дух и достать билет. Но в это время чемодан раскрывался, и из него выскакивал маленький, одетый так же, как я, человек, которого я туда спрятал, решив провезти «зайцем». Понятно, что в чемодане Каранжо складывался не в очень-то удобной для него позе. Почувствовав свободу, человек надеялся поразмяться. Он затевал со мной веселую акробатическую игру. Время отхода поезда приближалось, и моей задачей было поймать партнера и снова упрятать его в чемодан. Не сразу это удавалось сделать. «Заяц» выкидывал разные ловкие штуки и ускользал от меня. Слышался последний сигнал — три удара в колокол. Тут Каранжо делал сальто-мортале, в воздухе снова складывался и, умудрившись на лету, повернуться на бок, падал в чемодан. Я захлопывал крышку и, под гудок паровоза, волочил свой странный багаж, устремляясь в проход, как бы вдогонку за поездом.

Гимнастка на трапеции кончает свой номер. Вот уже отстегивает лонжу. Зал гремит аплодисментами. Сейчас она стремительно слетит вниз на руках по канату, конец которого уже держат в середине манежа два униформиста. Я могу спокойно вздох-

нуть и подготовиться для очередного объявления. Но разве могло что-нибудь случиться? Разве не проверена вся воздушная аппаратура, разве допускает техника безопасности и ее строгий инспектор хоть какой-нибудь про-

счет, могущий обернуться бедой? Нет, конечно же, нет! Никаких неожиданностей!..

И все-таки они случаются. Немало уже были внизу, мне подумалось, что я самый счастливей человек на свете. Ведь Полина спаслась только чудом.

Однажды под куполом

Случилось это в послевоенные годы, в бытность мою инспектором манежа.

Под куполом работали прославленные гимнасты Полина Чернега и Степан Разумов. Их аппарат вращался на огромной высоте. От аппарата в сторону наклонного потолка торчала трехметровая алюминиевая труба. В цирке такую называют бамбуком ввиду сходства с пустотелым бамбуковым стволом.

К трубе, на коротком расстоянии, были прикреплены две петли, участники номера вдевали в них по одной ноге. Другой ногой они свободно упирались в «бамбук». Выпрямив корпус в этом наклонном положении, вращались над головами зрителей. Такой трюк в цирке именуют флажком: артист, укрепившийся перпендикулярно палке, чем-то напоминает флажок на флагштоке. Был у смелых гимнастов и головокружительный трюк. Связанным с аппаратом оставался один Разумов. Чернега, держась за его руку, продельвала в воздухе сложнейшие упражнения.

Но до этого трюка тогда не дошло. Когда аппарат уже пришел во вращательное движение и оба партнера, выпрямившись, вышли на «флажок», внезапно переломился алюминиевый бамбук и Полина оказалась в воздухе с куском трубы на ногах. Бамбук обломился несколько ниже первой петли, то есть где-то между ступнями Разумова, работавшего ловителем. Оставшись висеть на сохранившемся куске, он потерял упор и резко уронил корпус вниз. Какие-то секунды, прежде чем упасть вниз, Полина по инерции продолжала движение по кругу. Степан на лету сумел схватить обломок бамбука с партнершей и удержать в своих руках. Остановленный снизу аппарат замедлял ход. Ра-

зумов висел на остатках трубы, с ногой в петле, в руках он держал отломившуюся часть, за которую, в свою очередь, лишь петлей удерживалась висевшая вниз головой Полина. Дороги были доли секунды. Мы, как могли быстро, подали канат. По нему сперва спустилась Чернега, за ней Разумов. Все это, наверное, не продолжалось более трех минут, но время, пока они сошли на манеж, показалось вечностью. Когда оба артиста уже были внизу, мне подумалось, что я самый счастливей человек на свете. Ведь Полина спаслась только чудом.

Но чудо чудом, а как же могло такое произойти? Нужно было разобраться, где допущен просчет. Но никакого просчета не было. Причиной чуть не произошедшей беды являлись элементарная небрежность, проявленная готовившими номер и допущенная самими исполнителями. Дело в том, что по существующему правилу безопасности полагается, чтобы через бамбук пропущался стальной трос. В таком случае при обломе произойдет не отрыв, а всего лишь изменение положения партнеров на аппаратуре, не грозящее большой бедой. В тот вечер, как и всегда, проверялись тросы растяжек, блоки, крючки, все крепления, а вот трос в бамбуке упустили из виду.

Да, Полина спаслась благодаря удивительной выдержке, которую проявил ее партнер, но бывает, что в таких случаях артист потом навсегда теряет, как это называется у нас в цирке, кураж, то есть спокойствие и уверенность, необходимые для работы в воздухе. Признаться, я опасался, чтобы подобного не произошло с Чернегой. Но мои страхи оказались напрасными. Аппарат был исправлен, и уже на следующий день замеча-

тельные гимнасты провели свой номер, как говорится, без сучка, без задоринки. Когда они спустились на арену, мы встретили Полину с цветами.

Что касается злополучного куска бамбука, то я его

передал в музей. Есть у нас в цирке такой. Единственный музей цирков во всем мире. Он находится на третьем этаже циркового здания, и если вы захотите, всегда сможете его посетить.

Под шумные аплодисменты гимнастка покидает манеж. Полный свет — и я объявляю жонглера. Номер проверенный и не сулящий никаких неожиданностей. Могу на короткое время покинуть свое место в проходе у барьера и заглянуть за форганг — узнать, все ли там на месте.

За форгангом уже подготовлена тележка со стопудовым реквизитом Григория Новака и его сыновей — молодых тяжелоатлетов Аркадия и Романа. Сам глава номера стоит в небольшой группе готовящихся к выходу артистов. Там слышится сдержанный смех. Гриша — так ласково называют его за кулисами цирка — как всегда, балагурит. Если вам придется встретить Новака где-нибудь на улице или в кафе, в приземистом человеке с приветливой улыбкой вы вряд ли признаете тяжелоатлета, первым из советских спортсменов завоевавшего звание чемпиона мира по поднятию тяжестей и много лет никому это звание не уступавшего. Но здесь каждый догадался бы, что перед ним Григорий Новак.

Через плечо у артиста атласная лента. Золотым медалям первенства мира и иным — на ней нет счета. Мне думается, что кому-либо другому, не Новаку, нелегко было бы нести и эту весомую ленту. Он снимает ее сразу же, как только поприветствует публику. Сидящим в зале звенящая медалями лента напомнит о

мировой славе Новака-спортсмена.

Кто не знает, как недолговечно время спортивной популярности. Спорт — это молодость, и молодость ранняя. Недаром у нас в стране нет профессиональных спортсменов, а значит, нет и трагедий, связанных с оставлением ринга или беговой дорожки, столь характерных для запада.

Когда-то пришел час и Григорию Новаку уступить свое место в спорте молодым богатырям. Грустный час. И вот тут, на его удачу, в тяжелоат-

лете открылся талант артиста, до сих пор никому, а возможно, и самому Григорию, не известный.

Новак на манеже вовсе не похож на того Новака, что выжимал рекордные тяжести на глазах болельщиков, переполнявших спортивные залы. Там всю свою волю он подчинял предстоящему рывку. Был серьезен и сосредоточен.

Выступление на арене артист проводит как веселую и непринужденную игру с тяжестями. Он будто предлагает сыновьям помериться силой. Все, что делает Григорий Новак, вплоть до рекордного трюка, когда, лежа на спине, держит на ногах специальную площадку, по которой ездят на мотоциклах сыновья с девушками на плечах, — он делает как бы полушутя, не показывая, каких усилий ему это стоит.

Иначе работали силачи в давние времена. Перед исполнителем «смертного» номера (например, переезда автомобиля по доске, положенной на грудь тяжелоатлета), непременно изображалось прощание исполнителя с публикой, дескать, он не уверен, что останется жив, — а затем ему полагалось троекратно перекреститься.

Раз уж я стал говорить о силачах, не могу не рассказать о чемпионатах французской борьбы. В прежнее время такие чемпионаты нередко устраивались в цирках и длились порой неделями и месяцами.

Чудеса и чемпионы

Недаром именно богатыри были героями русских былин. В их силе и непобедимости люди видели защиту от врагов, от несправедливости. Сила в былинах всегда соединялась с добротой и защитой слабых.

Можно понять, каким успехом в мои молодые годы пользовались вышедшие на цирковую арену живые богатыри. Их встречали восторженно. Видели в них мощь, которая еще постоит за права народа.

Первым среди них был Иван Максимович Поддубный. Этот истинно русский богатырь — будущий чемпион мира по французской борьбе, однажды, еще не помышляя о борьбе профессиональной, решил помериться силами с известным борцом Лурихом. Лурих затем и помог Поддубному стать тем, чего он был достоин.

Слава Ивана Поддубного облетела Европу. Долгие годы он оставался непобедимым и с гордостью носил ленту мирового чемпиона. Никто не мог выдержать соревнования с Поддубным, он всегда боролся всерьез, тогда как другие борцы, бывало, договаривались друг с другом, кому и на какой минуте побеждать.

Поддубный постоянно изучал приемы других борцов и вводил свои, новые. Для тренировки ходил с чугунной палкой, которую многим было не легко оторвать от пола, а в руках Ивана Максимовича она выглядела обычной тросточкой.

Известны были в России и другие борцы: Иван Заикин, Иван Романов, Георг Лурих, Шемякин, Буль, но первенство неизменно держал Иван Поддубный.

Интерес широкой публики к борьбе тяжелоатлетов был умело использован — с целью наживы — всеми и всяческими хозяевами эстрадно-цирковых площадок.

Началось это с фешенебельного манежа петербургского цирка Чинизелли, где боролись прославленные имена, и покатило по всей матушке России, причем чем дальше от столицы, тем уродливой выглядели эти «матчи мировой борьбы».

На какие рекламные уловки не пускались антрепренеры для привлечения публики!

Об одном борце сообщалось в афишах, что он способен плечом столкнуть с места паровоз и остановить тройку скачущих лошадей. О другом, — что он станет держать рукой грузовой автомобиль, которому не сдвинуться, пока того не захочет силач. Сообщалось также о неслыханном весе тяжелоатлетов и о бицепсах величиной с добрый арбуз.

Матчи, как правило, происходили в конце вечера и завершали программу, которая не имела значения, потому что провинциальные зрители только и ждали момента, когда на манеже расстелют ковер.

Открывались эти спектакли — иначе их нельзя было

бы и назвать — парадом-алле всех участников. Под торжественный марш на манеж один за другим выходили борцы. Публике их представлял шпрыхталмейстер или специальный глашатай, который не скупился на громкие, а порой абсурдные эпитеты.

Бывали тут и сверхгиганты невероятного роста, чемпионы по тяжести, и борцы-малютки, будто бы обладающие какой-то загадочной силой, позволявшей им победить партнера, который был выше их на три головы.

Знаменитости носили звучные прозвища: Святогор, Казбек-гора, Медведь и прочие.

Рассказывают, что одного молодого курчавого силача красили в черную краску и выдавали за вождя негритянского племени, ни слова не говорившего ни по-русски, ни на каком ином европейском языке, однако откуда-то знавшего приемы французской борьбы. Другой рекомендовался на афише «диким человеком», который будто бы вступит на манеже в борьбу с разъяренным львом. Понятно, что никакого льва не было и в помине, а обещание оказывалось лишь рекламным трюком.

Многие участники матчей вовсе не являлись борцами, а лишь обладали поражающими внешними дан-

ными — неестественной грузностью или слоночьим весом. Настоящим атлетам бороться с такими было очень трудно, приходилось изображать перед публикой серьезную схватку, а самому думать, как бы толстяк раньше времени не упал на ковер.

В каждом чемпионате непременно еще участвовал борец — загадочная маска, фамилия которого не публиковалась. В маске он выходил на манеж. Предполагалось, что это аристократ или известный в городе человек, которому нельзя открывать своего имени. Конечно, и это было лишь очередным средством одурачивания публики. Ведь в таких заранее подготовленных спектаклях действовали и борцы-герои, и борцы-злодеи, которые своим «коварством» должны были вызывать гнев публики, и ловкие комики — они смазывали тело салом и потому «чудом», под смех зала, ускользали из рук самых грозных соперников.

Одним из главных моментов в каждом чемпионате было приглашение желающих из публики помериться силой с участниками чемпионата. Такие любители всегда находились. Случалось, что, как ни странно, доброволец из зала побеждал профессионала, и это вызывало восторг в переполненных рядах...

В советском цирке навсегда отошли в прошлое обманы зрителя. В тридцатые годы чемпионаты борьбы на арене носили уже характер соревнований. Позже соревнования по борьбе были перенесены из цирков на спортивные площадки, где с успехом проходят и сейчас.

На манеж цирка теперь выходят лишь те тяжелоатлеты, чья трудная работа одновременно является искусством. Григорий Новак с сыновьями идет в первом ряду этих своеобразных артистов.

Но вот тяжелоатлеты закончили свою работу. Униформистам приходится потрудиться, чтобы убрать с манежа нелегкий реквизит Новака. Я выхожу на публику и беру микрофон, готовясь объявить следующий номер. Но что такое? Меня, кажется, не собираются слушать, весь цирк почему-то смеется... А, вот в чем дело! Из противоположного прохода, перешагнув через ворота — так у нас называется раздвижная часть барьера—

на арену вышли Юрий Никулин и Михаил Шуйдин. Никулин, как всегда, несколько растерян и смущен шумной встречей. Шуйдин, напротив, принимает ее как должное. Он улыбается зрителям как старым знакомым.

Юрий, косолапо заплетаясь на ходу — мешают невероятного размера ботинки, — движется вдоль барьера, пожимая руки зрителям.

Обращали ли вы внимание на то, что коверные, как их принято называть в цирке, никогда не появляются с самого начала программы? Они, как правило, не участвуют и в прологах. Выход заполняющего паузы клоуна должен быть непременно неожиданным и обрушиваться на публику, когда она того совсем не ждет.

Выход коверного это очень важный момент в представлении. От хорошо продуманного появления зависит успех его работы, такое дается не сразу. Не сразу далось это и Никулину с Шуйдиным.

Вот они подходят ко мне. Юрий приподнимает свою примятую шляпку:

— Здравствуйте, Роберт Михайлович!

Шуйдин проделявает что-то наподобие реверанса. Теперь они начнут свою первую в программе сценку, или, по цирковому, репризу.

По ходу сценки мне приходится вмешиваться и призывать друзей к «порядку». Понятно, что им удастся провести не терпящего шуток инспектора, — публика в восторге...

Вернувшись на свое место, я «строго» наблюдаю за тем, что клоуны станут делать дальше, как бы не выкинули еще чего-нибудь «недопустимого». На самом же деле мало за кого из артистов я так спокоен, как за Никулина и Шуйдина...

А ведь искусство цирковой клоунады одно из самых старых и самых труднейших цирковых искусств.

Клоуны — мои друзья

Теперь уже трудно увидеть тех клоунов, с какими некогда мне приходилось выступать.

Самой популярной фигурой старого цирка был Рыжий. Он и в самом деле всегда был рыжим, с волосами то канареечного, то огненного цвета. С невероятно красным носом, с намалеванным огромным ртом и какой-то дурацкой бородавкой на щеке.

Рыжий выбегал на манеж невесть откуда. Орал так, будто за ним гнались, падал, споткнувшись на ровном месте, а затем громко заявлял:

— Здравствуйте, я пришел!..

Потом весь вечер Рыжий уже не сходил с арены. Он всюю ухаживал за изящными наездницами, передразнивал жонглеров и атлетов, все время путался среди униформистов, мешая готовить манеж к следующему номеру. Он падал, кувыркался; наглотавшись опилок, выплевывал их и в страхе убегал от лошадей. В конце концов он так надоедал служителям, что те, закатыв его в ковер, увозили с арены на тачке.

Рыжий ходил в пиджаке ниже колен, невероятно широких штанах и ботинках аршинного размера. На голове — цилиндр в гармошку или котелок с дыркой. На шее огромный бант или веревка вместо галстука. Когда Рыжий снимал пиджак и вешал его на воображаемый в воздухе крючок, нисколько не смущаясь тем, что пиджак тотчас падал на опилки, оказывалось, что никакая рубашка у него под пиджаком нет, а только бант и манишка.

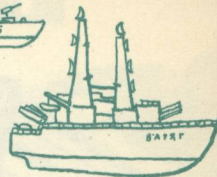
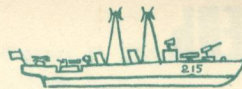
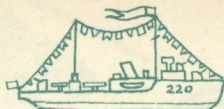
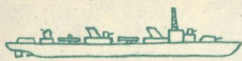
Рыжий беспрерывно получал оплеухи, ему ставили подножки. Он терял свои широченные штаны и убегал в полосатых трусах. Словом, не было таких огорчений, которые не валились бы на беднягу.

И тем не менее Рыжий был любимцем публики, выхода его ждали с нетерпением, встречали дружными хлопками.

Секрет заключался в том, что, несмотря на все свои злоключения, Рыжий никогда не унывал, был простодушен и в то же время находчив.

Продолжение следует

„ОКЕАН-2”

ЧЕМ СИЛЬНА ДРУЖБА

Это фотография 6-а, а теперь уже 7-а класса. Экипаж эсминца «Сообразительный» — победитель пионерских военно-морских маневров.

Во время игры «Океан-2» экипаж эсминца «Сообразительный» присылал в редакцию толстенные конверты с ответами-альбомами. По стрельбам и исследованиям на маневрах этот экипаж был самым лучшим.

Модель эсминца была вся сделана из спичек! Все — корпус, надстройки, торпедные аппараты, пушки, винты! Ювелирная работа Коли Величко и Володи Карева.

Про этих ребят говорят: «Им все легко, дружный класс... Оттого и вышли они победителями военно-морских маневров.

А от чего зависит — быть дружным? Ведь в игре или в жизни — самое главное — дружба. Ведь и игра «Океан-2» была задумана, чтобы собрался экипаж одного класса, одного двора, одного села...

Может быть, оттого дружные, что со второго класса многие учатся и живут вместе?

Но разве мало ребят вместе учатся, а дружбы нет?

Может быть, оттого, что интернат? В одной столовой кашу едят. Вместе в кино ходят. Вместе уроки готовят. Но ведь и в интернатах не всегда-то дружат...

Директор интерната говорит: «Они еще малыши, но каждый уже пере-

шагнул в жизни через какую-нибудь свою беду». И верно, трое состояли на учете в милиции. У того тоже свои беды, семейные. И у этого, и у этой... Быть может, беда сплотила ребят?

Но случается, что и наоборот, замыкается человек, становится еще более одиноким...

Может быть, воспитатель у них хороший?

Наверное, хороший. У Анны Давыдовны, их воспитателя, глаза добрые, она вроде матери для всех... И все же, не воспитатель — главная причина.

Может быть, звеньевые — ребята дельные и председатель совета отряда — толковый? Да, толковый, Надя Корягина, и ребята ее уважают. И звеньевые — дельные. Но ведь бывает, что председатель совета отряда и звеньевые всем хороши, а дружбы, настоящей дружбы нет...

Может быть, эти ребята — любознательные? Это, конечно, важная причина, ибо любознательность помогла и открыть Америку, и изобрести ткацкий станок, и покорить атомную энергию...

Так в чем же причина?

Главная причина в делах. В пионерских делах этих любопытных деятельных ребят.

«Океан-2» — это лишь малая часть их дел, а разных дел столько, что в марше «Всегда готов!» — отряд их назвали правофланговым.

«По всем маршрутам вышел класс на первое место... — говорит Володя Карев, командир «Сообразительного». — В нашем классе — знамя дружинное, это — за «Пионерстрой».

— И «Звездочка» у нас особая, — сказала Вера Володина, — наши подшефные октябрята — сельские, в деревне Орево. Туда автобусом добраемся. Далекое. Устраиваем там шефские концерты. Библиотеку им отвезли: книжки по всему интернату собирали, десятки томов. Игрушки для них делали.

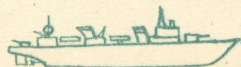
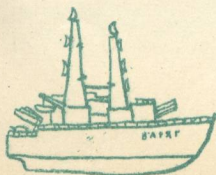
А вот по «Знанию», — «Океан-2» много помог. По каждому боевому приказу ребята готовили доклад в классе. Если в приказе — авиация, доклад по истории авиации. И летчиков в гости приглашали.

Антарктида в приказе — и 6-а сидел в библиотеках, перечитывал все, что можно найти о ледовом материке...

А «Зарница»? Первое место по району взяли. И так по всем маршрутам.

Да, многое в дружбе значит и интернат, и то, что вместе со второго класса, и что звеньевые толковые, и воспитатели хорошие, и что трудностей не боятся, потому что через трудное перешагнуть уже смогли. Но главное, главное — дела, ибо делами хорош человек. А когда дело это не одного, а всех, тут вырастает и дружба и сила!

О. Орлов

СЕЛЬ

СЕЛЬ!

СЕЛЬ!!

СЕЛЬ!!!

СЕЛЬ!

В. Осипский

**Что
такое
сель**

1921 год. Алма-Ата. Много-тонные каменные глыбы, круто замешанные на песке, иле и воде речки Малой Алмаатинки, слизав по пути домики на предгорьях, срезав, как спички, ели реликтового леса, спустились по ущелью и вторглись в город. Глыбы попадались до двадцати четырех кубических метров, а вся обрушенная на город масса камня составила два с половиной миллиона кубометров.

1927 год. Близ Ферганы. Грязекаменная масса сравняла с землей 189 строений, уничтожила 100 гектаров посевов и садов.

1932 год. Кавказ. Без меры разыгравшийся Терек выбросил на цветущую долину каменно-грязевой язык объемом 15 миллионов кубометров.

1963 год. В шестидесяти километрах от Алма-Аты. Озеро Иссык, высокогорное и глубокое. Красивейший уголок. Туристские базы, пристанища рыбаков, охотников. Электростанция. Геологи подсчитали — восемь тысяч лет создавала природа этот естественный резервуар чистой воды. Исчез он в течение восьми часов. Талые воды ледника в истоках горной реки подточили и

прорвали морену. Поток устремился вниз, увлекая за собой глину, песок, обломки скал, ели — и плюхнулся в озеро, выплеснув его, как воду из миски...

**Что же
такое
сель?**

По горным склонам, среди лугов и лесов, по сухим руслам рек тянутся безжизненные серые струи щебня. Это застывшие и безобидные пока селевые потоки.

Для того, чтобы привести их в движение, нужен толчок — землетрясение, обвал, а чаще всего — паводок. Горные реки набухают, вздуваются после обильных ливней. И вот река увлекает за собой камни, рушит перемычки, выходит из берегов, сметает дороги, мосты...

Это паводковые сели. Еще опаснее — гравитационные.

Тогда не вода несет камни, а сами камни увлекают друг друга, под действием тяжести стремительно разгоняются, тащат все за собой, обрушиваются на долину. А вода лишь

смачивает эту густую кашу и убыстряет ее движение.

Таков сель. Арабское это слово значит «бурный поток».

Предотвратить сель пока невозможно. Но хотя бы знать заранее, оповестить о приближении селя, предупредить, задержать!

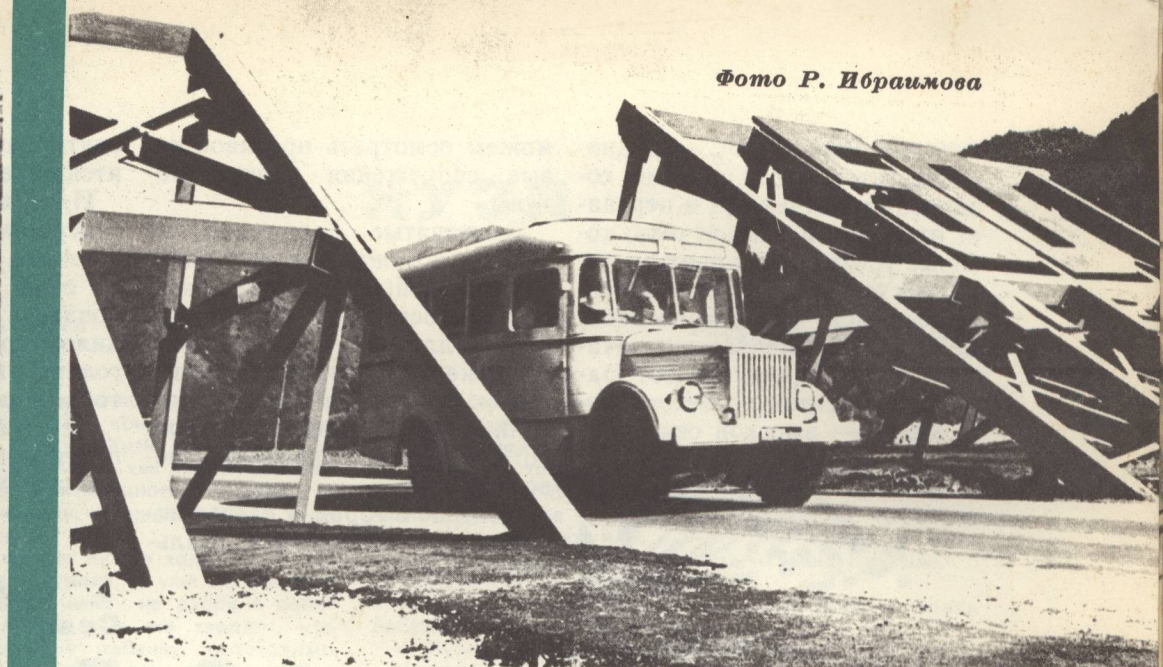
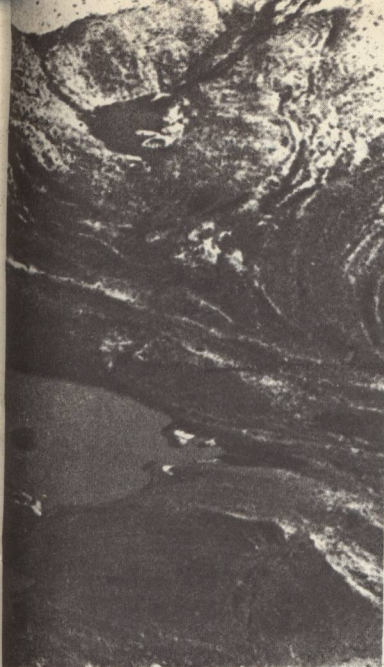
**РОСЫ
на
траве**

Вертолет осторожно пробирается по ущелью, скользя своей тенью по осыпям и камнепадам.

Начальник Алма-атинской селевой станции Евгений Сергеевич Демченко и старший инженер Константин Александрович Ткачев прильнули к иллюминаторам: как ведут себя подпечные ледники, не вздулись ли реки, не переполнились озера? Даже по цвету песка и глины (окраска меняется в зависимости от насыщенности водой) определяют они селевую угрозу.

Потом вертолет навестит высокогорные селевые посты. Они расположены в самых угро-

жающих местах — под языком ледника, там, где талая вода образует моренное озеро и берет начало горная река.

Вертолет вкрадчиво вдвигается в «трубу» меж двух нависающих пиков. Сбоку жмет ся речка, у кромки леса яркий флажок на антенне, зеленые палатки. В центре долины серая бетонная полоса. На нее и садится вертолет.

Выгрузив почту и продукты, селевики листают вахтенный журнал и слушают пояснения маленького гарнизона поста — двух техников.

Белки спустились с елки на стол и отгрызают кусочки прямо от батона. Спешат со всей округи полюбопытствовать, а может и поживиться чем-нибудь, птицы.

Люди забредают сюда редко — только альпинисты да чабаны — и не причиняют вреда зверью.

Однако что это? По краю леса словно ножом соструганы огромные ели — торчат их остовы. А сама «бетонная полоса»? Как лава, застывшая, серая, — это и есть остатки селевого потока. «Толщина его в этом месте — 20 метров», — говорит Евгений Сергеевич.

Двадцатиметровый слой камня навечно прикрыл цветущую

долину. Виновницей катастрофы была та самая, с виду тихая, речка Весновка, которую мы видели в иллюминаторы.

Природа берет свое. За семь лет кустарник и травы затянули уже кое-где зеленым ковром серую поверхность, скрыли следы преступления селя. Да и люди помогут природе. Уже есть проект восстановления озера Иссык.

Но угроза селя не исчезла.

Техники-селевики замеряют несколько раз в сутки скорость течения реки, высоту воды, влажность воздуха. Сверяют данные с таблицами, которые составлены для каждого поста, — когда здесь может стать опасно. Следят за быстротой таяния ледника, за ливнями и ветрами. Слушают шум реки: грохот горного потока тоже несет информацию! Несколько раз в сутки сообщают они о селевой обстановке в Алма-Ату.

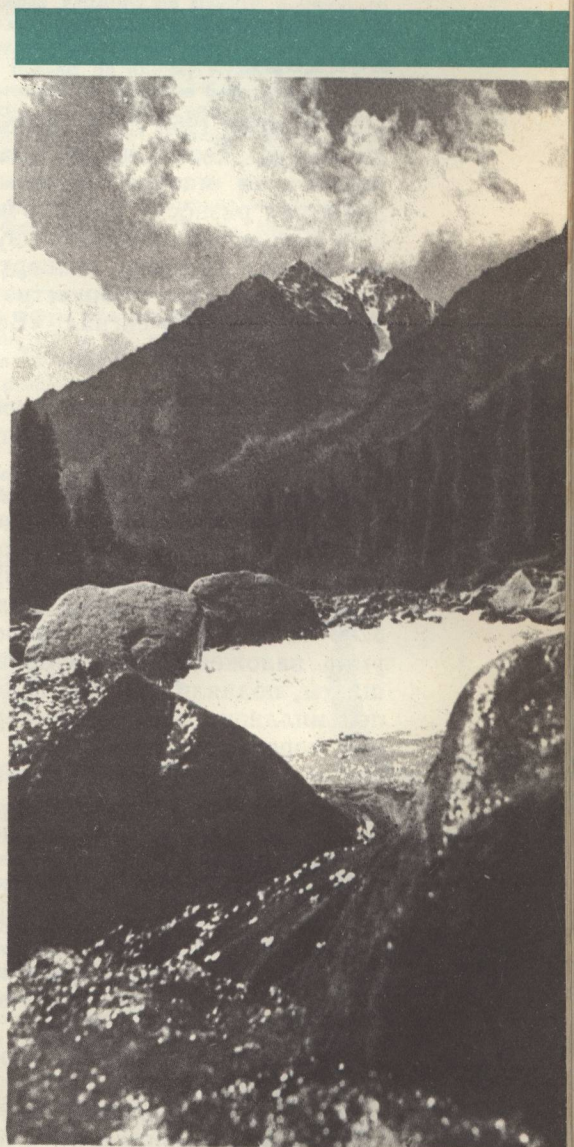
Помимо обитаемых постов, по горам разбросаны автома-

На снимках:

Остатки высокогорного озера Иссык

Такая баррикада воду вниз пропускает, а камни, обломки скал задержит

Двадцатиметровый слой валунов, обломков скал покрыл речную долину

тические РОСы. РОС — радиоповеститель села. Рация соединена с датчиками и передает их сигналы. Но датчики, которые установлены прямо в реке, могут быть сметены взбунтовавшимся горным потоком. Сейчас устанавливаются локаторы. Они прощупывают радиоволнами реку с безопасного места — высокой скалы.

Необыкновенный концерт

21 октября 1966 года. Урочище Медео. Десять часов пятьдесят одна минута, Мощные динамики разносят над урочищем и окрестными горами звуки финала Первого концерта для фортепьяно с оркестром Чайковского. Это сигнал: «Все готово, все на местах, все в укрытиях».

Ровно в одиннадцать горы содрогнулись от страшного взрыва.

Многие его помнят: взрыв транслировался по телевидению. Впрочем, на экране он был совсем не страшным. Так, взрывчик. А на самом деле 5200 тонн взрывчатки, хитроумно заложеной в глубокие шахты, подняли два с половиной миллиона кубометров горной породы и перенесли ее в нужном для человека направлении, уложив на дно ущелья. Образовалась перемычка в четырехста метров шириной и в сто двадцать высотой. Она перегородила путь возможным селевым потокам. Столица Казахстана по крайней мере на сто лет застрахована от коварств Малой Алмаатинки.

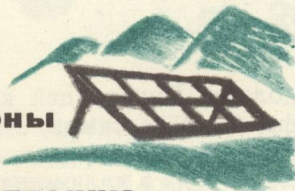
...«Волга» взбирается в гору. У самой плотины пост ГАИ — дальше проезд запрещен: сель! Но у нас есть пропуск — и мы

можем осмотреть противоселевые сооружения выше плотины.

Решетчатые баррикады из стальных балок или железобетонные стены перегораживают долину, оставляя лишь узкий проезд для автомобиля. Такие сооружения — на всем протяжении ущелья Малой Алмаатинки. Они или задержат, или хотя бы снизят скорость селевого потока.

Повыше в горах, у самых истоков, сель улавливают стальными сетями.

От обороны к наступлению

Раньше кто только не занимался селом: геологи, метеорологи, гляциологи (специалисты по ледникам), геофизики, гидрологи. Теперь есть и специалисты по селю — селевики. В Казахском научно-исследовательском метеорологическом институте создан отдел селей.

— Предупредить о приближении селя, уловить его плотинами, разбить поток и ослабить, — все это хотя и активная, но оборона, — говорит начальник отдела селей Казахского научно-исследовательского института метеорологии Юрий Борисович Виноградов. — Нужно переходить к наступлению.

Человек не может не жить в горах. Нельзя отказаться от полезных ископаемых, которые таят недра гор, — и строятся новые горнодобывающие комбинаты. Нельзя отказаться от целебного горного воздуха — и строятся высокогорные курорты, альпинистские и туристские базы. На высоте легче и удобнее вести астрономические наблюдения за солнцем, звездами, планетами, следить за

спутниками, — и в горах строятся обсерватории.

И ко всему этому селевики теперь имеют самое прямое отношение. Без визы специалиста по селю невозможно проектировать в горной местности ни километра пути, ни мостика, не говоря уже о фабриках, санаториях, обсерваториях.

Чем дальше в глубь горных цепей продвигаются люди, тем значительней фигура селевика.

Сель по заказу

Сели бывают не часто. «Раз в сто лет, — говорят селевики, — но этот «раз» может быть завтра!..»

Чтобы не наступило это «завтра», сели изучают.

Сель коварен: он может крупными камнями и обломками скал завалить отмыстье к плотине и перекачаться через нее (поэтому так высока — 120 метров — плотина в Медео). А может наоборот: теми же камнями сам себе устроить затор в узком ущелье и неожиданно свернуть в сторону, туда, где его и не ждали...

Несмотря на грандиозность катастроф, о селе знают не так уж много. Случается он действительно редко и накапливать факты нужно веками.

Однако есть другой выход — вызвать сель искусственно. Взять характерную для селя местность и воссоздать с помощью взрывов или других возбудителей селевые потоки, скажем, на километровом отрезке.

Такой селевой полигон уже планируется в одном из отрогов Большого Алмаатинского ущелья. Здесь, в природной лаборатории, и будут досконально изучать биографию селя и способы борьбы с ним.

Оформление В. Прошкина

КУЗЯ

РАССКАЗ

Эмиль Обин

Рисунки А. Алексеева

Лично я ни на кого и ни на что не обижаюсь. И, конечно же, очень люблю Нинку и Кузю, но двое подопечных для меня, как хотите, это все-таки немножко много. И потом, в конце концов, у каждого есть и свои собственные дела.

Про то, что нужно ходить в школу и готовить уроки, я уже не говорю. А погонять шайбу на дворе с ребятами? Мама сама же твердит, что «нормальному ребенку необходимо побольше двигаться», это ее любимое выражение, особенно если требуется идти в булочную. А нормальному ребенку, может быть, хочется посмотреть передачу по телику, пойти к соседскому Борьке сыграть в шахматы или просто спокойно посидеть, почитать книжку хотя бы.

На все это нужно время. А тут изволь, возись с обоими!

Правда, у нас есть бабушка. Но она старенькая и мало что может. Вот мне и приходится помогать ей нянчиться с Нинкой, — то закатаю колбаску в лифт, то выкатаю ее из лифта, то, пока бабушка возится на кухне, последи, чтобы Нинка не свалилась с тахты, и всякое такое в этом роде.

Что же касается Кузи, так тот теперь почти целиком перешел на мое печенье.

Кузя появился в нашей семье намного раньше Нинки. Года на два, я тогда еще ходил в третий класс. Прихожу однажды из школы, смотрю, он грызет сапожную щетку, а вокруг стоят мама, папа и бабушка и смеют на него — мама с нежностью, папа с отчаянием, бабушка снисходительно.

А он — рыжий с черным, хвост короткий, мордочка длинная и на конце тупая, весь он мохнатый, курчавый такой, лапы — и те пушистые, сам совсем еще маленький, а уже с бородой.

— Правда, прелесть? — сказала мама.

— Он сгрызет всю мебель, — сказал папа.

— Гулять с ним я не буду, — сказала бабушка.

— Я буду! — крикнул я и бросился гладить щенка.

А он лизнул меня в нос, в губы и тут же принялся грызть мой школьный портфель.

— Молодец, Андрей, — сказала мама. — Каждый нормальный человек должен любить животных. Не то

что некоторые... — и она так посмотрела на папу, что папа сразу закашлялся.

Так в нашей семье утвердился Кузя.

Вообще-то, хозяйева, у которых его купила мама, дали ему кличку Кузен, но бабушка никак не могла, а может, не хотела — она у нас настойчивая, вся в маму — выговорить это имя.

— Иди полакай молочка, Кузя, — звала бабушка.

— Кузен, — поправляла мама.

— Опять ты нагадил под вешалкой, Кузя! — охала бабушка.

— Кузен, — поправляла мама.

Но мама каждый день уходила на работу, а бабушка оставалась дома со щенком, так что Кузен вскоре перестал быть Кузеном и вилял обрубок своего рыжего с черным хвоста только на кличку Кузя.

Лично я в этом вопросе на стороне бабушки: Кузя — это проще, милее. Кроме того, как объяснил папа, Кузен в переводе с французского означает двоюродный брат, а называть собаку так, хотя и по-французски, не очень-то годится. Лично меня в школе наверняка задразнили бы. И так уж соседский Борька, когда я зевнул ему в шахматы ферзя, сказал: «Эх ты, двоюродный брат пса!»

Потом Кузя начал расти.

Он делался крупным, сильным, еще более лохматым и упрямым. Команду «фу», что в переводе с собачьего означает — нельзя, он почти не выполнял. Папа говорил, что у этого пса «в высшей степени развит хватательно-глотательный рефлекс».

— Перчатки — фу! — кричала мама.

— Галстук — фу! — кричал папа.

— Тетрадки — фу! — кричал я.

— Все — фу! — вопила бабушка.

Действительно, Кузя хватал все. О еде я уж не говорю, чуть зазеваясь, и котлета у тебя прямо с тарелки исчезает, — это понятно. Но зачем ему пуговицы, спички, носки, кисточки для бритья, кошельки?..

Однажды бабушка спросила у папы:

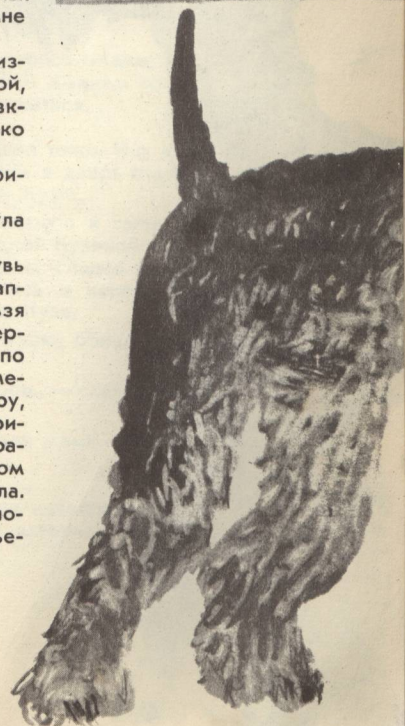
— Сережа, не разменяешь ли мне рубль?

Рубль разменял ей Кузя. Как из-под земли вырос перед бабушкой, выхватил из ее пальцев рубль, чавкнул и тут же проглотил его, только зубы щелкнули.

— Фу-у! — с опозданием закричал папа.

— Фу ты, господи... — вздохнула бабушка.

Мы защищались как могли. Обувь изъяли из-под вешалки, сумки, шапки, шарфы и всякую мелочь нельзя было больше оставлять на подзеркальном столике. Если кто-нибудь по забывчивости клал на доступное место носовой платок или, к примеру, книжку, все домашние дружно кричали ему: «Фу!» — и бедняга вздрагивал, будто ему врезали мячом между лопаток. Прихожая опустела. На всех дверях с обеих сторон появились крючки и задвижки, портье-

ры и занавеси были высоко подвязаны, горшки с любимыми маминими кактусами пришлось убрать с подоконника на шкаф, туда же перекочевали и книги с нижних полок стеллажа. Наша квартира сделалась неудобной, неудобной какой-то. По ней победно расхаживал черно-рыжий Кузя, царапал обои, мебель, краску на дверях и, щелкая длинной, как у крокодила, челюстью, оглядывался, — чего бы еще схватить?..

Однако в Кузином характере были все-таки и хорошие стороны. Например, доброта. В собачьем справочнике написано: «Собаки породы эрдельтерьер — умеренно-злые». По-моему, это неверно. Во всяком случае, к нашему Кузе это не подходило: ни о какой злобности, хотя бы и умеренной, не могло быть и речи. Кузя горел, прямо-таки пылал любовью ко всем живым существам, даже к кошкам. Правда, кошки не пылали: на все виляя хвостом и другие его попытки завязать дружбу — они выгибались, шипели и явно собирались всадить когти в его добродушную черно-рыжую морду.

Всех, кто приходил к нам домой, Кузя старался поцеловать, то есть лизнуть в лицо. Для этого он становился на задние лапы, а передними упирался в грудь гостя, то есть в его костюм или пальто. Папа говорил, что если вьются воры, наш Кузя обლობывает их, поможет сложить добычу и еще проводит до трамвая.

По отношению к собакам Кузя был рыцарем. Однажды мама пришла с ним с прогулки. Вместе с ней пришла ее подруга, а у той — тоже собака, овчарка Линда. Так вот эта Линда, едва только вошла в нашу переднюю, сразу же направилась заодно с Кузей к его миске с едой. И что бы вы думали? Кузя отошел в сторонку и безропотно позволил ей, бесстыжей, слопать свою законную похлебку. А потом посмотрел на бабушку. Ну такими глазами посмотрел!.. В них прямо-таки было написано: «А мне будет ли похлебка?»

— Конечно, будет! — воскликнула бабушка. — Подумать только, привел домой подругу и накормил. Совсем как у людей! — и дала Кузе двойную порцию.

Но больше всего Кузя любил ребят. Просто обожал. Особенно малышей. Дети ну никак не боялись Кузи — его бородатой морды, зубастой пасти, мохнатых лап. И самое удивительное — мамы и бабушки не боялись, разрешали своей мелюзге играть с Кузей.

Стоило нам появиться на дворе, так сразу — сколько радости, шума.

— Кузя, иди к нам!

— На, Кузечка, мою куклу!

— Можно, я дам ему конфетку?

— Кузя хоч! Хочу Кузо! — пищали самые малыши.

А Кузя то распластается на снегу, то запрыгает козлиному, лизнет одного ребятенка, другого. Потом перевернется на спину и давай махать лапами в воздухе, и при этом звонко лает, смешно шевелит ушами.

Ребята тоже прыгают, тоже валяются в снег, и хохочут, рвутся обнять Кузя, погладить, пощекотать.

А еще Кузя был очень понятливый. В этом я убедился, когда стал обучать его всяким премудростям собачьего поведения.

Например, я показывал

ему кусочек сухаря или там печенья и при этом говорил строгим голосом: «Ко мне!» Кузя подходил. Но я не отдавал приманку, а перекладывал за спиной из правой руки в левую. Кузя, конечно, тянулся за лакомством и, обойдя меня, получал его всегда только с левой стороны.

Так я проделал много раз. Извел все белые сухари, которые бабушка припасала для котлет, зато вышколил Кузя: едва крикну: «Ко мне!» — он сразу же подбегает и уже без всякой приманки обойдет меня и остановится у левой ноги как вкопанный. Папа говорил, что это у Кузи «выработался условный рефлекс».

Надо было еще отучить Кузя брать еду у посторонних. Тут пришлось привлечь соседского Борьку и применить хитрость. Мы густо намазали горчицей кусок колбасы, и Борька протянул его Кузе. Кузя, конечно, схватил, чавкнул и... Что тут случилось! Бедняга завертелся волчком, уж он и чихал, и кашлял, и долго-долго мотал головой. А потом заскулил, длинно и жалобно, и смотрел на Борьку рыжими собачьими глазами с человеческим выражением — с упреком.

К тому времени, когда родилась моя сестричка Нинка, Кузя сделался совсем взрослым: грудь у него стала широкой и выпуклой, походка — мягкой, и я даже сказал бы, какой-то хищной, а борода — гуще и лапы лохматей. Словом, наш Кузя вымахал, хоть верхом на него садишься.

Но при таких Кузиных размерах повадки у него остались щенячьи, глаза озорные, а ушки, как говорится, на макушке, чуть что — оттопырит их, припадет на передние лапы, хвост торчком, голова набок, и заглядывает тебе в глаза: давай, мол, поиграем.

Игрушек у него было вдоволь, главным образом, мячиков — от пинг-понгового до баскетбольного. Потом разные пластмассовые, флаконы из-под маминих «бадусанов» и резиновая кукла «с писком» — Ляля. Ее Кузя особенно любил. Возьмет, бывало, в пасть и примется работать зубами: сдвиг — отпустит, сдвиг — отпустит, кукла пищит, и Кузя рад, ворчит даже от удовольствия.

Немудрено, что к появлению Нинки он отнесся с повышенным интересом: что это там пищит? — и ворчал нетерпеливо, все норовил сунуть свой любопытный нос в сверток, который лежал на тахте, очень уж ему понравилась Нинка.

Зато маме это не понравилось. Она всячески отгоняла Кузя от Нинки и говорила сердито:

— На улице всякую прязь лижет. Вот наградит ребенка болезнью. Отойди сейчас же, слышишь!

Но не так-то просто было отогнать упрямого сильного Кузя. Он все лез и лез к Нинке.

И тогда мама его ударила.

Конечно, такому рослому псу не должно было быть больно от удара махровым полотенцем. Но, я думаю, что дело тут не в полотенце, а, скорее всего, в том, что Кузя до сих пор никто не бил, даже не замахивался. И меньше всего я ожидал, что это сделает мама. Моя мама, которая всегда твердит, что каждый нормальный человек должен любить животных, и которая всегда была первой заступницей Кузи.

Не знаю, что по этому случаю подумал сам Кузя — если только вообще собаки умеют думать — но он вдруг...

Нет, он не оскалится, не зарычал на маму. Наоборот, весь как-то сжался, вроде бы сделался меньше ростом, посмотрел на маму так же, как смотрел на соседского Борьку, когда тот накормил его горчицей. Потом повернулся, медленно отошел в угол, лег на паркет, положив длинную морду между передними лапами, и закрыл глаза.

— Подумаешь, обиделся... — сказала мама и посмотрела на меня и на бабушку, словно мы обязательно должны были что-то сказать.

Но мы молчали.

У моей бабушки губы очень тонкие, а тут она еще их поджала, и они сделались как две ниточки. В комнате было тихо-тихо.

И тогда мама сказала — так, будто мы с бабушкой уже что-то сказали.

— Если хотите знать, — сказала мама, — в доме, где есть крохотный ребенок, собаке не место.

Бабушка разжала губы-ниточки:

— Как это прикажешь понимать? Отдать собаку собираешься, что ли?

Тут заплакала Нинка. Мама взяла ее с тахты и принялась укачивать.

А я глядел на Кузю... Отдать! Кому? Чужим незнакомым людям! Может быть, жадным — будут держать его впроголодь. Или жестоким — будут бить, и не мягким махровым полотенцем, а ремнем, пинать ногами... А как же по утрам? Утром Кузю, еще теплый после сна, изгибаясь от переполняющей его нежности, от радости, что окончилась ночь, прямо ввинчивался своим кожаным носом ко мне под одеяло, чтобы я поскорее шел с ним гулять... Этого ласкового утреннего Кузи не будет! Нет...

— Нет! — закричал я. — Нельзя отдавать Кузю. Невозможно... — и лег на пол рядом с ним, обнял его. Кузя засопел и лизнул меня в щеку.

— Конечно, нельзя, — сказала бабушка. — Собака уже выросла, привыкла к нам. Да она зачахнет.

Мама продолжала укачивать Нинку, хотя та давно перестала плакать. Мама так ничего больше и не сказала.

Зато бабушка сказала. Вернее, рассказала обо всем этом папе.

Но ведь именно папа с самого начала был против Кузи и, наверное, сердился за обгрызенные стулья, испорченные обои, разодранные галстуки и за многое-многое другое и, скорее всего, был бы рад наконец избавиться от собаки в доме. А с другой стороны, я однажды случайно видел, как он на кухне подкармливает Кузю сахаром и при этом почесывает его за ушами...

Я не знал, что и думать. И что там папа говорил маме — не знаю. Но мне он сказал:

— Ты вот что, брат, присматривай, чтобы Кузя поменьше лез к Ниночке. Договорились?

Папе-то, конечно, было легко сказать — договорились. А мне-то каково! Ведь это не ему, а мне приходится постоянно помогать бабушке возиться с Нинкой, — то закатить коляску в лифт, то выкати из лифта, то, пока бабушка занята на кухне, последи, чтобы Нинка не свалилась с тахты. А Нинка как раз и пыталась все время это сделать. Дело в том, что мою сестричку растили «по-новомодному», как говорила мама, и «по-прогрессивному», как говорил папа, способу, — не пеленали. Положат на тахту, на одеяльце, и она «свободно развивается». Почему не на кроватке с загорожками? Да потому, что в этой кроватке, уж не знаю почему, Нинка все время плачет, а на тахте ведет себя тихо, только вертится вьюном да ручками-ножками болтает.

А Кузе того и надо было. Он, должно быть, думает, что Нинка это с ним играет. Уж он и так и этак выкручивается перед ней, и головой трясет, будто забодать Нинку собрался, и прыгает вокруг и лает, и при этом норовит лизнуть ее в лицо во что бы то ни стало.

Вот и попробуй тут присмотри, чтобы Кузя поменьше лез к Ниночке. Бывало, заплачет Нинка — Кузя тут как тут. Подбежит к тахте — наострит уши, заворчит тихонько. И Нинка сразу же перестает хныкать.

— Знаешь, бабушка, — сказал я, — Нинка-то, оказывается, любит Кузю.

— Открыл Америку, — сказала бабушка, — я давно это заметила. Он мне хорошо помогает.

— Как это помогает?

— А так. Мать с отцом на работу уйдут, ты в школу. У меня хлопот полно, сидеть с Нинкой недосуг. Вот я Кузю-то и приспособила.

— К чему приспособила?

— Не к чему, а к кому. Чему вас только в школе учат? К Нинке, конечно, к кому же еще. Она его лю-

бит, при нем не плачет. Он забавляет ее, она — его. А я свободна, хоть обед вари.

— Неужели и в магазин ходишь?

— Запросто, внук. Коляска с Нинкой на улице, и Кузя там как привязанный. Сам при деле — не скулит и ее бережет.

— А Кузя Нинку лижет?

— Не знаю. Должно быть, лижет.

— А как же мама?..

— А что мама. Я сама ей мама.

На это я не знал, что сказать. Действительно, бабушка не боялась мамы. Но я-то боялся. Вернее, не маму, а то, что она отдаст Кузю. Моя мама — вся в бабушку, настойчивая и решительная. Возьмет и отдаст.

Вот отчего по вечерам и в выходные дни, когда все собирались дома, я зорко следил, чтобы Кузя не пробирался в спальню, где копошилась на тахте Нинка.

И не уследил-таки.

В тот вечер, как говорится, мир и покой царили в нашем доме. Ко мне пришел соседский Борька, и мы с ним играли в шахматы. Тут же в столовой мама и бабушка пили чай, папа читал газету, а Кузя дремал под столом, — голова между передними лапами, один глаз спит, а другой — желтый и внимательный — следит за мною. И у меня — один глаз играет в шахматы, а другой следит за Кузей и за полуоткрытой дверью спальни.

Потом Борька пошел конем, и моему королю стало некуда деваться от шаха. Короче говоря, в тот момент, когда я наконец, кажется, нашел ответный ход, именно в этот момент прозвучал зловещный вопрос мамы:

— Андрей, а где же Кузя?

Я глянул под стол — на этот раз двумя глазами, — но Кузи там не увидел.

Папа поднял голову над газетой и посмотрел на меня с укором.

— Кузя! — громко позвала мама. — Кузя, ко мне! Обычно Кузя является на зов сразу же. А тут и не подумал, будто не было его в квартире.

Мама еще раз позвала:

— Кузьма! — крикнула она строго-строго. Мама, наверно, считала, что если назвать полным именем собаку, то она обязательно должна послушаться.

Кузя опять не появился.

Тогда мама забеспокоилась. И бабушка тоже. И я, конечно. Мы разом вскочили, протиснулись в дверь спальни, я включил свет. И тут мы увидели Кузю.

Подогнув лапы, он стоял боком вплотную к тахте, а в ложбинке между краем тахты и мощной Кузиной спиной... спала Нинка. Спокойно спала, даже сладко посапывала. Видно, она вертелась, вертелась и наверняка скатилась бы с тахты, да тут подоспел Кузя.

Бабушка схватила Нинку, а мама — Кузю, обняла его и поцеловала прямо в кожаный нос.

— Он на улице лижет всякую гадость, — сказал папа с подковыркой.

— Ничего. Зато он верный, — сказала мама, как отрезала.

И папа почему-то закашлялся.

Тут Нинка заплакала спросонок. Кузя наострил уши, высунул язык из маминых рук, ласково заворчал. Нинка сразу же перестала плакать.

В РЕДАКЦИИ «КОСТРА»

ПОЯВИЛСЯ ТЕЛЕВИЗОР,

и все свободные от дел сотрудники сбежались его включать.

КОстя ТЕРкин радовался: «Вот кстати! На этой неделе пять шпионских картинок!»

— Детективы в другой раз, — басом сказал телевизор. — Предлагаю для начала посмотреть очень взрослую и очень серьезную программу «Время».

Лицо Валентина Сергеевича Зорина, известного журналиста-международника и комментатора Центрального телевидения, хорошо знакомо многим миллионам людей.

— Валентин Сергеевич, расскажите, что предшествует вашему появлению в эфире, какие факты, какие новости вы должны обдумать, сопоставить, изучить, прежде чем начать беседу о международном положении с семьюдесятью миллионами своих слушателей?

— В наши дни профессия журналиста-международника становится все более точной и «специальной». Недаром многие ведущие наши журналисты обладают учеными степенями, занимают крупные должности в исследовательских институтах.

Им нужно знать изучаемую страну, что называется, на зубок, до мелочей.

В середине прошлого года я выступал по Центральному телевидению — и рискнул заметить, что экономика США находится в угрожающем положении, близком, пожалуй, даже к кризису.

Имел ли я основания брать на себя такую ответственность? Какие у меня были для этого основания? Какие факты?

Вот они.

Первый — государственный бюджет Соединенных Штатов, годовая граница которого проводится 30 июля — то есть как раз накануне моего выступления, — так вот, этот бюджет не сошелся, расходы в нем превысили доходы, образовался так называемый дефицит.

Второй факт — впервые с 1883 (I) года Соединенные Штаты ввезли больше товаров, чем продали другим государствам.

И, наконец, факт третий — стало

известно, что запасы золота в Форт-Ноксе (место, где хранится американская казна) опустились до самого низкого уровня со времени 1938 года.

Все это вместе взятое и позволило предположить, что в американской экономике назревает катастрофа.

И что же — события не заставили себя ждать. Уже через десять дней после выхода в эфир программы «Время» президент США Ричард Никсон заявил, что необходимо принять чрезвычайные меры для спасения американской валюты — доллара. А курс доллара является самым точным барометром американской экономики.

Вы спросите — разве у президента Никсона не было данных, по которым он мог заранее предвидеть возникающие трудности? Конечно, были. Но нельзя забывать, что республиканская партия, ныне находящаяся у власти в США, во многом связана предвыборной борьбой. Ведь в 1972 году Америке предстоят выборы президента и конгресса. Перед таким решающим событием в государственной жизни ни один буржуазный политик не может себе позволить «черных пророчеств», если, конечно, он сам находится у власти. И Никсон до последней возможности весьма старательно успокаивал граждан своей страны и рисовал перед ними радужные перспективы.

Однако действительность опрокинула «оптимизм» американского правительства.

Беседу вел Е. Рейн

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ

ВОЙНА

Рассказ В. С. Зорина
продолжает писатель
Борис Никольский

У человека растерянный, недоумевающий вид! Он пришел в банк обменять доллары, а ему говорят: «Нет». Не берут тех самых долларов, которые еще вчера с великой радостью меняли и на франки, и на марки, и на иены, и на любые иные деньги капиталистических стран.

Банковский служащий энергично отмахивается от посетителя: «Нет, нет! Не велено!» Но и на его лице — следы растерянности, даже испуга. Он еще не привык отказывать людям, у которых есть доллары.

И все-таки отказывает.
Так что же произошло, что же случилось?

ОТЕЦ ИНФЛЯЦИИ

В наше время и историки и буржуазные ученые-экономисты нередко вспоминают о человеке, который жил очень давно — двести пятьдесят лет назад.

Человека звали Джон Ло. Шотландец по происхождению, а впоследствии французский подданный, заядлый игрок и первый банкир Франции, спекулянт, а затем

член Французской Академии, генеральный контролер финансов Франции, правая рука регента — герцога Орлеанского, а в конце жизни опальный изгнанник — такова была бурная жизнь этого человека.

Когда Филипп Орлеанский приблизил к себе Джона Ло, дела в государстве обстояли из рук вон плохо. Казна была пуста. Государственный долг необычайно велик. Торговля замерла.

Джон Ло обещал спасти Францию. У него был незаурядный ум, огромная энергия и чрезвычайно смелые планы.

Что же предпринял Джон Ло для спасения Франции?

Джон Ло организовал банк и пустил в обращение бумажные деньги. Много бумажных денег. Рассуждал он так: чем больше денег будет в ходу, тем богаче станет страна, тем быстрее станут развиваться торговля и ремесла.

И еще Джон Ло создал грандиозную компанию — «Компанию Индии». Это была первая акционерная компания. Что это значит? Это значит, что каждый человек, имеющий капитал, пусть даже небольшой, мог вложить деньги в это предприятие — купить акции, а затем получать свою долю прибыли.

Казалось, произошло чудо. Акции компании раскупались мгновенно. Джон Ло сумел погасить государственный долг. Ожила торговля.

Слава Джона Ло росла с каждым днем.

Но чудо не могло продолжаться бесконечно. Чтобы поддержать дела компании, денег требовалось все больше и больше. Печатные станки работали непрерывно. Банк Джона Ло выпускал новые и новые миллионы.

Денег в стране становилось все больше, а продовольствия было по-прежнему мало.

Цены на товары быстро росли.

Тогда еще не знали этого слова, но теперь бы мы сказали: началась инфляция.

Скоро купить что-либо на бумажные деньги стало почти невозможно. И, наконец, бумажные деньги были объявлены незаконным платежным средством. Они превратились в ничего не стоящие бумажки.

Недавний кумир публики Джон Ло еле спасся во дворце Филиппа Орлеанского от взбешенной толпы. Толпа требовала обмена бумажек на золото и серебро. Но ни золота, ни серебра в таком количестве у государства, конечно, не было.

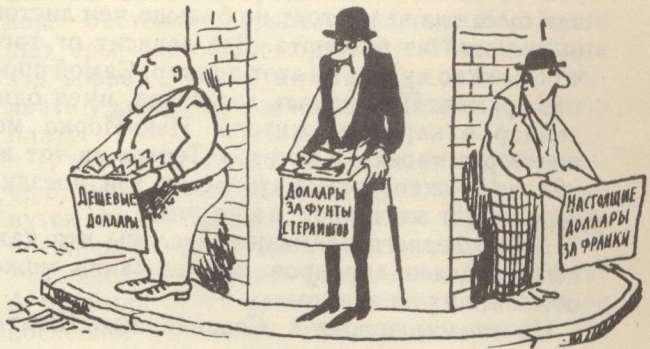
В конце 1720 года Джон Ло тайно бежал из Франции. Его изумительная карьера закончилась. Он и не подозревал, что история его взлета и падения была лишь провозвестницей тех потрясений и кризисов, которые ждали капитализм в будущем.

Джона Ло называют и авантюристом, и провидцем. А еще — «отцом инфляции».

Непосильная ноша

„Пиплз уорлд“ (США)

Срочная распродажа

„Денвер пост“ (Англия)

— К сожалению, Джо, там есть только доллары!
„Виесник“ (Югославия)

ЗАДАЧКА НА ВЫЧИТАНИЕ

Нынешнего министра финансов Соединенных Штатов Америки зовут тоже Джоном. Джоном Коннэлли. Конечно, у Джона Коннэлли нет столь незаурядных способностей, как у Джона Ло, но зато за его спиной стоят нефтяные короли и финансовые тузы, и наверно поэтому именно Джона Коннэлли счел президент Никсон, как некогда Джона Ло Филипп Орлеанский, нужным для себя человеком. Впрочем, на этом наше сравнение и заканчивается. Теперь уже иные времена, и разъяренная толпа вряд ли будет гоняться за Джоном Коннэлли.

Хотя... кто знает...

Во всяком случае, слово инфляция все чаще мелькает на страницах американских газет.

«Кризис доллара, — пишут газеты. — Доллар падает в цене».

Казалось бы, странно — как это деньги могут падать в цене? Один доллар — это один доллар, а десять долларов — это десять долларов.

И все-таки... Все-таки сама по себе долларовая бумажка ведь стоит не больше, чем листок, вырванный из блокнота. Все зависит от того, что можно купить на этот доллар. Самой простой пример. Пятнадцать лет назад, имея один доллар в кармане, житель Нью-Йорка мог шесть раз проехать в метро. Теперь за тот же доллар можно совершить всего три поездки. Значит, тот же доллар, да не тот.

До последнего времени считалось, что каждый владелец долларов при желании может обменять их на золото.

Но запасы золота в Соединенных Штатах все уменьшаются.

А расходы правительства все растут.

Соединенные Штаты ведут войну во Вьетнаме — каждый год вынь да положь тридцать миллиардов долларов! В Америку эти доллары уже не возвращаются. В Америку возвращаются только гробы с убитыми американцами.

Соединенные Штаты содержат военные базы в Европе — каждый год вынь за положь еще пять миллиардов долларов!

А сколько миллиардов долларов уплывает за границу, чтобы поддержать угодные Соединенным Штатам правительства?

Конечно, золото Соединенные Штаты стараются придержать. Да никакого золота и не хватило бы на такие расходы! А раз так — нужно все больше и больше бумажных долларов.

Но тем не менее тают постепенно и американские запасы золота. Еще лет десять назад в знаменитом Форт-Ноксе, в его подвалах за тройными бронированными дверями хранилось золото на двадцать пять миллиардов долларов.

Десять с половиной миллиардов — вот как оценивается теперь золотой запас США.

И что же получается на деле?

Только в Японии сейчас осело в банках примерно десять с половиной миллиардов долларов. Нетрудно догадаться, что бы произошло, если бы все японские владельцы долларов в один прекрасный день пожелали обменять бумажные доллары на золото. Для этого надо только решить простенькую задачку на вычитание:

10,5 млрд. — 10,5 млрд. = ?

Ровным счетом никакой необходимости не будет тогда больше в Форт-Ноксе и его подвалах — разве что показывать любопытным туристам. Все золото, до последней пылинки, перекочет в Японию.

А как быть с владельцами долларов в Западной Европе? В Канаде? В Латинской Америке?

Нет, не сходятся концы с концами.

Вот потому и торопятся теперь финансовые тузы и спекулянты обменять доллары на золото. Нельзя на золото — тогда на западногерманские марки, или на французские франки, или на японские иены — лишь бы избавиться поскорее от ненадежных долларов. Впрочем, не только избавиться. А еще и нажиться на этом деле.

Миллионы долларов потекли в европейские банки — обменять, обменять, обменять!..

Началась самая настоящая паника. Закрылись валютные биржи Англии. Перестали принимать доллары банки Швейцарии. Еле справились с потоком долларов банки Японии...

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

Два дня президент Никсон совещался со своими ближайшими помощниками: что делать? Совещание было окружено глубокой тайной. Даже не в Вашингтоне, а в Кэмп Дэвиде, в горах Мэриленда проходило это совещание. Никто раньше времени не должен был

узнать, ради чего президент покинул Вашингтон.

Чем же объяснить такую секретность? От кого так старательно скрывался президент Никсон? Чего опасался?

Опасался, оказывается, он своих союзников.

И секретность нужна была для того, чтобы союзники раньше времени не пронюхали, какой «подарок» готовят им Соединенные Штаты. Чтобы застать их врасплох.

В воскресенье 15 августа президент выступил по телевидению.

Что же надумали Никсон и его советники? Может быть, они решили прекратить войну во Вьетнаме?

Нет.

Может быть, ликвидировать военные базы, разбросанные по всему миру?

Нет.

Может быть, уменьшить расходы на вооружение?

Нет и нет.

Так что же?

Президент Никсон объявил, что в стране вводится чрезвычайное положение.

Американские банки прекращают обмен долларов на золото — это раз.

На товары, ввозимые в США, вводится дополнительный десятипроцентный налог — это два.

Вот это-то и был главный удар, который приготовил Никсон своим союзникам. Хочешь торговать — плати денежки! Продав в Соединенных Штатах товаров на 100 долларов — плати 10 правительству. Продав товаров на миллион — выложи 100000. Японские бизнесмены подсчитали, во что им обойдутся эти десять процентов, и за голову схватились! Не тысячами, не сотнями тысяч, даже не миллионами — здесь пахнет миллиардами! За счет этих миллиардов и надеются Соединенные Штаты поправить свое положение.

Конечно, ни японские, ни западногерманские капиталисты добровольно с миллиардами не расстанутся. Самые жестокие битвы разворачиваются между американскими и японскими, между американскими и европейскими концернами. Союзники превращаются во врагов. Ведь дело идет о прибылях!

А кто больше всего страдает от этого?

Больше всего страдают рабочие.

И вот уже приходит сообщение из Италии. Закрыто несколько фабрик в Неаполе. Рань-

ше эти фабрики поставляли свой товар в Соединенные Штаты. Теперь предпринимателям невыгодно вести торговлю с американцами. Выход? Закрыть фабрики. Результат? Тысяча шестьсот рабочих выброшены на улицу.

И приходит сообщение из Японии: предстоят массовые увольнения.

И из Франции...

Но, может быть, американские рабочие тогда остаются в выигрыше?

Нет, меньше всего заботится президент Никсон об американских рабочих.

«Заморозить заработную плату, заморозить рост цен», — таково было его третье решение.

На первый взгляд, казалось бы, что здесь плохого? Правда, исчезает надежда на повышение зарплаты, но зато ведь и цены расти перестанут. А уж от роста цен простые американцы страдают из года в год. Да, казалось бы, неплохо все, если бы только не одно обстоятельство...

Дело в том, что в последнее время по Соединенным Штатам прокатилась волна забастовок. Бастовали сталелитейщики, бастовали шахтеры, бастовали портовики. Упорной была эта борьба. И многим рабочим удалось вырвать у хозяев обещание повысить заработную плату.

И вот в этот самый момент Никсон объявляет о своем решении. И выходит — цены останутся высокими, а зарплата... Зарплата — прежней. Никаких повышений.

Зарплату повышать запрещено. А прибыли? А прибыли пусть растут, пожалуйста. Никсон поспешил успокоить предпринимателей, что никакого дополнительного налога на прибыли правительство вводить не собирается.

Кому это выгодно?

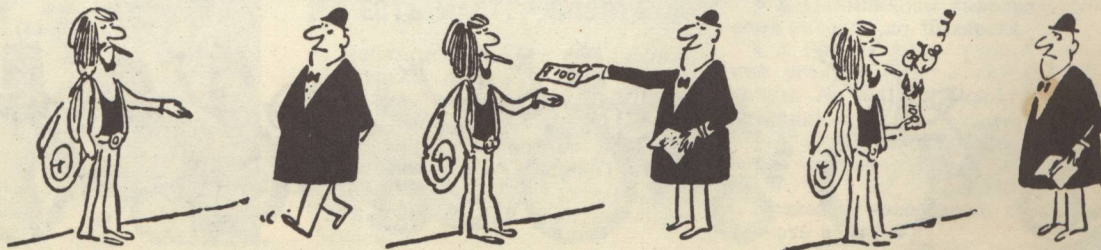
Выгодно это хозяевам монополий, миллионерам и миллиардерам.

Но американские рабочие не хотят мириться со своим положением.

«Если правительство думает, — сказал председатель профсоюза автомобилестроителей Леонард Вудкок, — что может одним росчерком пера свести на нет соглашение с рабочими, это значит, что оно объявляет нам войну. Если оно жаждет войны, оно ее получит».

Цена
горящего
доллара

„Штерн“
(ФРГ)

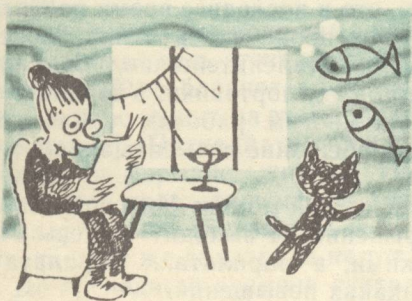

Всемирное обозрение
всяческих технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств

ВЫПУСК ДВЕНАДЦАТЫЙ

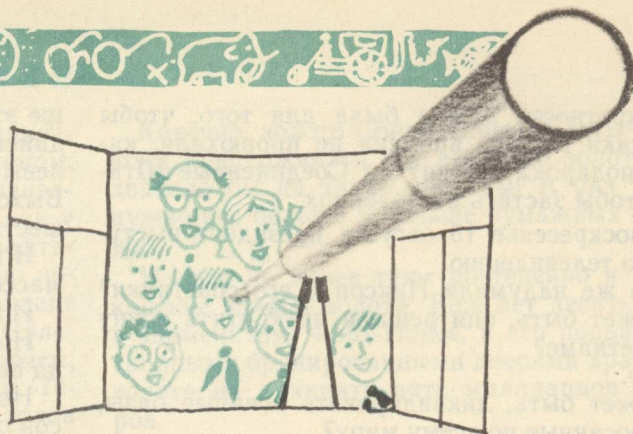
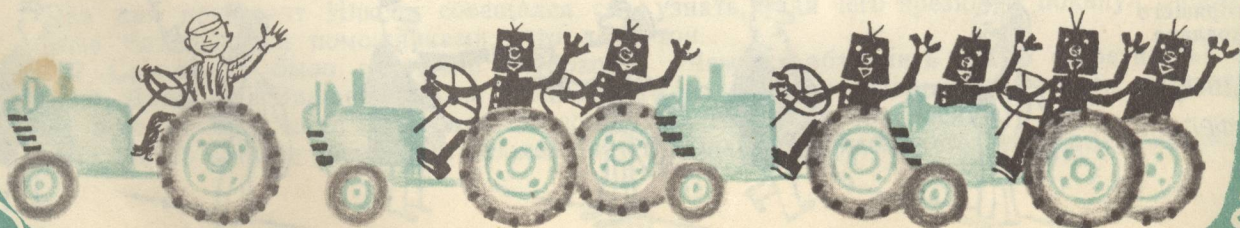
Водяные стены

Болгарские инженеры предложили не ставить стены зданий из панелей, не класть из кирпича, а делать полыми, стеклянными и заполнять водой из отопительной сети. Отпадает надобность в батареях — греют стены. Температуру регулируют сами жильцы с помощью термостата.

Но ведь стекло и вода — прозрачны. Тогда предложили заполнять стены подкрашенной водой. А цвет окраски выбирают жильцы — по своему усмотрению.

Такую команду подает командир головного самолета, корабля или танка — и остальные командиры повторяют маневр флагамена.

«Делай как я!» — такую же команду дает тракторист в первой машине, и шесть тракторов, которые следуют за ним, беспрекословно ему подчиняются. Но за рулем этих шести машин никто не сидит. Венгерские машино-

Вижу спутник

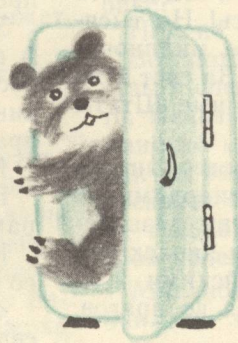
Вокруг нашей планеты летает множество спутников. Чтобы наблюдать за ними, ленинградские оптики сконструировали трубку. В нее можно увидеть спутник не только ночью, но и днем. Новые трубки появятся в школьных кабинетах астрономии.

Пластмассовое серебро

А бывает такое? Бывает. Есть и пластмассовое золото. Их придумали ученые и техники Германской Демократической Республики. Уже выпущены пробные партии «золотой» и «серебряной» посуды. Ручки автомобилей, вагонов, детали мебели тоже заменили пластмассовыми — и невозможно отличить их от никелированных или хромированных, а прочность этих изделий гораздо выше.

Медведь в холодильнике

Необычную шахту, которая сохранит для науки будущего нынешних зверей и животных, строят сейчас в Якутии. Это скорее не шахта, а холодильник — ведь она будет находиться на глубине пятнадцать — двадцать метров в вечномерзлом грунте. В камерах шахты всегда одинаковая низкая температура. Сюда опустят туши современных обитателей таежных лесов и тундры, а также древних ископаемых животных, например, мамонта.

Делай как я!

строители сконструировали тракторы-автоматы, которые управляются по радио с пульта ведущей машины. Агрегаты очень быстро выполняют полевые работы. Они удобны на больших степных массивах и на отдаленных участках — не надо высылать большую тракторную бригаду, достаточно тракториста с помощником. Правда, тракторист должен быть еще и радиомехаником.

В КАФЕ „ПРОХОДНАЯ ПЕШКА“

Когда рыцари расправились с дебютной окрошкой и патовой запеканкой, на сладкое подали пешечное блюдо (диаграмма № 1).

— Во какое! — удивился Валерий Мартов. — А это с чем едят?

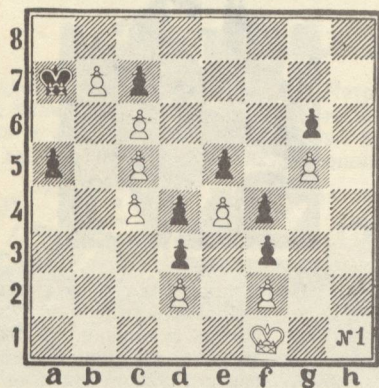
— Сейчас узнаешь, — сказал Ферзьбери. — Это задача.

— Задача? Но ведь тут ни в два, ни в три хода мат не дашь. Даже в пять не дашь!

— Что верно, то верно: в пять не дашь. Условие тут — мат в 50 ходов.

— Вы шутите, товарищ шахмат-адмирал! — закричали все.

— Какие шутки? Мат в 50 ходов и точка! Помочь? Смотрите.

Черные вынуждены стеречь пешку b7 и поэтому ходят королем с a7 на b8 и обратно. Что же предпринимают белые? Их король подбегает к пешке a5 и бьет ее; потом он отправляется к полю g4 и бьет пешку f3; затем ему надо вынудить ход f4—f3, для чего он опять идет к королю черных и, ступив на a6, когда тот на b8, лишает его ходов. Черным приходится двинуть пешку f4, а тогда белый король-путешественник снова устремляется к ней, бьет ее, отходит в сторону и... Впрочем, сами распробуйте это блюдо! Понравится оно вам?

АРЧЕБЕК

ОЛИМПИЙЦЫ, К БОЮ!

Шахматные рыцари, вперед! По машинам — и в погону! Догнать, догнать во что бы то ни стало! Бандиты похитили рыцаренка Васю Бурова. Их машина мчится с огромной скоростью, в ней мощный мотор, но он глушится решением изображенных на машине задач. За дело, рыцари! В обеих задачах — мат в 3 хода!

Шашечные рыцари, заставьте замолчать пулемет на машине бандитов! Это можно сделать, зная его секрет: в нем прекращается подача патронов, если называть ходы, ведущие тут к победе белых:

А) белые: d2, e1, e3, f2, f4, h4;
черные: b4, b6, c5, d6, f6, h6;

Б) белые: a1, c7, d4, e5; черные: a3, b2, c3, e7.

Решите задачи, рыцари! Спасите рыцаренка Васю!

ЕСТЬ МАСТЕР СПОРТА

Доблестный рыцарь АРЧЕБЕКА девятиклассник из 27-й школы Тбилиси — Боря ШАВЕРДЯН в первенстве страны по столеточным шашкам выполнил норму и удостоен звания мастера спорта СССР!

Трижды салют славному арчебековцу!

ДУМАТЬ НАДО!

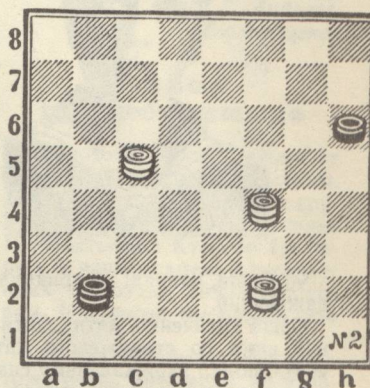
— Ну что здесь? Выигрывают белые? — спросил Знай, показав на диаграмму № 2.

— Тут? — удивился Полузнай. — Хоть сто лет играй — ничья! Ты, наверно, «Костер» № 6 за 1971 год не читал? А еще Знаем зовешься! Трех дамкам одну на большой дороге не поймать!

— Конечно! — подтвердил Незнай. — К тому же тут при одинокой дамке еще шашка есть.

— Думать надо! — сказал Знай. — Именно эта шашка и помогает белым выиграть. Она предательская! Смотрите:

1. fh4! (не позволяя черным поддать простую) 1... bh2 2. hg5! (за-

пирая простую и заставляя черную дамку ходить только на a1 и h8) 2... hal 3. cf2! ah8 4. fgl hal 5. gh2, и черная дамка не имеет ни одного безопасного поля. Она поймана.

А теперь скажите: почему белые пошли сначала 3. cf2! и потом 4. fgl, а не сразу 3. cg1?

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Твое боевое задание — сыграть 25 партий!

Напиши об этом рапорт. И еще расскажи в нем все, что знаешь о рокировке: что это такое? Когда рокировать нельзя? Зачем делают рокировку?

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всех просивших о приеме — зачислить!

§ 2. Олимпийцам выполнить боевые задания до 15 апреля.

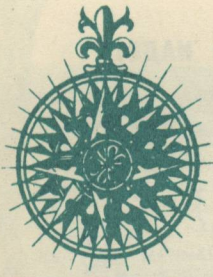
§ 3. На конверте (левый верхний угол) помечать: «АРЧЕБЕК, приказ № 2». Два рапорта сразу не принимаются.

§ 4. Итоги прошлогоднего турнира опубликовать в «Костре» № 4.

Призеров новогоднего конкурса назвать в № 5.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С Сахарова

Год издания 16-й

Оформление
Р. Попова

Юнга с „084“

На берегу уже бились десантники, и темное побережье оживало красными иглами выстрелов. Саша поплыл к берегу. На песке он натолкнулся на что-то мягкое. Это лежал наш убитый десантник. Саша отполз в сторону и заплакал. Потом подобрал автомат убитого и пошел туда, где слышалась стрельба.

Десантников, к которым вышел Саша, удивил не его маленький рост, а его смелость. Дважды он, проползая по лестничным пролетам, выбивал фашистских пулеметчиков гранатами.

Командир десантников сказал ему: «Молодец! Герой-юнга! Представлю к награде...» Командир и не знал, что у этого мальчишки на груди под тельняшкой шрамы от выжженной фашистами пятиконечной звезды.

На третьи сутки Саша уходил на сейнере, который выгрузил патроны для десантников и возвращался на базу. На палубе сейнера сидела овчарка, и Саша, разделив с нею кусок хлеба, улегся рядом, пригрелся и задремал. Стучал старенький дизель, Саша возвращался к своим, и все было хорошо. Саша уснул, когда на выходе из ворот порта сейнер наткнулся на плавающую мину. Снова страшный взрыв. Водоворот, доски, щеп-

ки... Саша пришел в себя в холодной воде. Собака плыла и тянула его за воротник форменки. Он уже захлебывался, когда увидел над собой серую скулу корабля с надписью «Морская душа» и услышал голос: «Осторожно, осторожно... Поднимайте... Э... Совсем мальчишка. Ранен в ногу, бедняга...» А другой голос сказал: «Смотри-ка, и собака ранена...»

И Саша, понимая только, что это свои, потерял сознание...

Мы рассказали вам очень многое из героической биографии юнги Саши, воспитанника морского полка, разведчика. Саша участвовал во многих боевых операциях и к концу войны получил пятнадцать правительственных наград. Ныне Александр Дмитриевич Шейченко капитан дальнего плавания и живет в Мурманске.

В. Зайцев

Шкаф путешественник

Был я в Ленинградском военноморском музее. Иду по залам и вижу — стоит шкаф. Да, да, — самый обыкновенный шкаф. Кругом парусники, боевые знамена, — а тут просто шкаф. Зачем, думаю, он в музее?

Начал я спрашивать и узнал. Оказывается, это шкаф с корабля Юрия Федоровича Лисянского. В нем Лисянский хранил свои книги и морские

карты. Крузенштерн и Лисянский первыми из русских моряков совершили плавание вокруг света. Именем Лисянского назван остров в океане, да еще полуостров, да гора на Сахалине.

Выходит, что это не простой шкаф. А первый шкаф, который объехал вокруг света с русскими моряками.

Сергея Семкин, Ленинград

МАЯК

Он в любую непогоду
Путь укажет пароходу,
Чтобы перед входом в гавань,
Пароход не сел на камень.
Очень я люблю маяк,
Потому что я — моряк!

*Л. Андреев,
Благовещенск*

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК

Жил-был художник. Звали его Петр Васильевич Митурич. Рисовал портреты, иллюстрировал книжки. На войне 1914 года побывал и рисовал солдат, пушки и аэропланы. По лесу любил бродить, любил рисовать деревья. Словом, художник как художник. Хороший художник.

волновик митурича

Но было у Митурича одно увлечение и занятие, и труд, если хотите. Он — изобретал. Изобретал разные аппараты на манер животных и птиц. Подсмотрит, как птица летает, крыльями взмахивает, и — думает, чертежи набрасывает. И потом птицелет изобретет.

Понаблюдает, как юркая рыбешка ловко и быстро против течения поднимается усилиями своего хвоста, — изобретет хвостатый рыбоход — «волновик».

Оказывается, художник, хотя и не был конструктором, давно понял: надо брать для техники лучшее от природы.

На свои изобретения Митурич получил патенты.

Новое в кунсткамере

Робинзон получил письмо от Димы Назаренко из Москвы. Дима пишет: «Я купался в пруду около музея-усадьбы князя Шереметьева в Кусково. На берегу я нашел камень с отпечатками раковин. Посылаю его вам. Интересно бы узнать, что это такое?»

Так как Робинзону это было тоже очень интересно, то и послал он тотчас же юнкоров Сашу Антонова и Андрея Щербакова с этим камнем в Зоологический институт Академии наук СССР. Ученые сказали юнкорам: «Камень интересный. На нем отпечатки моллюсков класса пластинчатожаберных.

Вполне возможно, что камень завезен с каменных выработок Забайкалья».

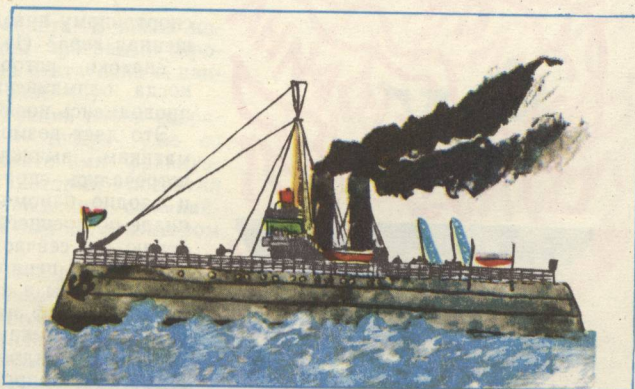
Робинзон решил: оставить камень с отпечатками в кунсткамере, а Диму наградить изданием «Редкие русские монеты из коллекции Эрмитажа».

ОТВЕТ
НА ЗАГАДКУ
(См. № 1)

Рисунок взял бессовестный редакционный кот Пип, за что в наказание и оставлен на два дня без молока, а помогал ему Робинзон.

ВЫСТАВКА «МОРСКОЙ ГАЗЕТЫ»

ЛЕДОКОЛ «ЕРМАК»

Леня Игнатьев, 12 лет, пос. Роздолинск

В прошлом году мы получили 777 рисунков на морскую тему. Начинаем печатать лучшие. В конце 1972 го-

да мы объявим решение жюри о награждении дипломами и подарками.

Пингвин

ОЛИМПИЙСКИЕ ЗАБОТЫ

Специальный корреспондент «Костра» ЛЕОНИД ВИНОГРАДОВ накануне олимпийского года побывал в Государственном Комитете Совета Министров СССР по физической культуре и спорту и в Советском Олимпийском Комитете. Заметки нашего корреспондента познакомят читателей с тем, что обычно скрыто от болельщиков, — с огромным и сложным хозяйством олимпиады.

зимнюю олимпиаду в красивых меховых полупальто и меховых шапках.

ОТ ПОВАРОВ МНОГОЕ ЗАВИСИТ

Все олимпийцы будут питаться в общей столовой. Страна-участница предлагает заранее каждой стране-участнице меню из двадцати блюд. У нас уже отобраны блюда и даже внесены в список дополнительные, национальные. Однако вопрос о поваре, о своем поваре, не снят с повестки дня. И вот почему. Произошло это тоже на олимпиаде, в Мексике. Один из спортсменов за несколько дней до выступления потерял аппетит. Кто же, думаете, это был? Это был сам Жаботинский! Не может ничего есть богатырь и все тут. И выручила его... Ни за что бы сами не догадались. Селедка с нашим, правда, уже слегка зачерствевшим ржаным хлебом! На завтра уже Жаботинский с удовольствием уминал по несколько бифштексов мексиканского повара.

Есть у нас в олимпийской команде давняя традиция. Каждый олимпиец-медалист получает торт и высокую трехкилограммовую банку леденцов (наверное, чтобы угощать своих менее удачливых товарищей). Торты, как вы сами понимаете, пекут на месте, а вот банки с леденцами везут из СССР. Это мне рассказывал начальник управления делами Государственного Комитета по физкультуре и спорту А. И. Жигалев.

— Ну и сколько же вы закупаете таких банок, — спросил я его, рассчитывая заодно выяснить, сколько,

ДОЛГО ЛИ ШЬЮТ КОСТЮМ?

В ателье первого класса костюм сошьют за две, за три недели. Можно, утверждает один мой знакомый портной, сшить костюм за два-три часа... А вот олимпийскую форму для наших спортсменов начинают готовить чуть ли не за год. Фирма «Союзспортобеспечение» (название длинновато, может быть, ты, читатель, придумаешь более поэтичное и короткое?) заказывает лучшим модельерам Всесоюзного дома моделей эскизы будущих костюмов советских олимпийцев. Условие одно: у мужчин костюмы должны быть из традиционного синего материала, у женщин — из красного. В Мюнхене, на XX олимпийских играх, наши мужчины, по решению модельеров, не отстанут в элегантности от женщин. На шее у них будет красоваться галстукосынка.

Август месяц, в Москве жара, а в фирме с длинным названием шли не менее жаркие споры... по поводу зимней одежды. Решено: наши поедут в Японию на

1972 год — олимпийский. Наступила горячая пора не только для атлетов, но и для болельщиков — поклонников и знатоков спорта. Для них мы и проводим специальное состязание — олимпийскую викторину. Это личное-командные соревнования. На старт рекомендуем выходить не в одиночку, а в компании друзей по классу, команде, спортивному кружку.

С 776 года до нашей эры на олимпийских играх состязались в силе, ловкости и выносливости греческие юноши. Каждую олимпиаду (четырёхлетие) атлеты разыгрывали венки из оливковых ветвей. Покровителями игр считались боги-олимпийцы. Знатокам географии известно, конечно, что Олимп и Олимпия — не одно и то же. Где расположен город, давший имя

спортивному празднику, и где — священная гора? (1)

Знатоки истории назовут дату, когда олимпийские игры древности проводились последний раз. (2)

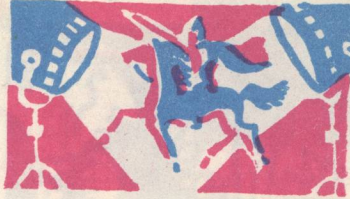
Это даст возможность юным математикам вычислить, сколько раз встречались спортсмены в Олимпии, и заодно напомнить, в какой олимпиаде по древнегреческому летоисчислению мы сейчас живем. (3)

Особенно ценились на олимпийских играх победы в пентатлоне и панкратионе. Триумф на подобных состязаниях сделал знаменитым хорошо известным каждому старшекласснику Пифагора. Вопрос к знатокам языка: что означают эти слова, как их можно перевести? (4)

И заодно другой вопрос — ко

по мнению Альберта Ивановича, будет в нашей команде медалей.

— Не беспокойтесь, — ответил он весело, — берем с запасом!

ЛОШАДИНАЯ ИСТОРИЯ

Яхты, лодки, байдарки, каноэ, велосипеды, винтовки, боеприпасы и другие олимпийские грузы повезут по дорогам Европы тяжелые грузовики. От доставки зависит многое.

В 1968 олимпийский чемпион по выездке И. Кизимов мог и не стать чемпионом. И не из-за недостатка спортивного мастерства.

Наших лошадей перевозила в Мехико голландская авиационная фирма «КЛМ» со специально оборудованными для этой цели самолетами. И вот в полете конь Кизимова взбунтовался. Он привык перелетать, в лучшем случае, невысокие барьеры, а никак уж не океан на высоте десяти тысяч метров. Бунтующий конь на самолете это очень опасно. По инструкции командир самолета мог дать приказ пристрелить животное. Но голландский экипаж проявил мужество — и посадил самолет, доставив Кизимову коня и золотую медаль. На этот раз решено, чтобы не ставить под угрозу жизнь лошадей, — везти их со своими конюхами в поезде. Так оно лучше. Ну, а на всякий случай в Мюнхене выстроен олимпийский лошадиный лазарет с двадцатью денниками.

И еще немного о лошадях. Наши конники отбирают своих лошадей на конных заводах. На один из таких заводов вместе с представителями советского олимпийского комитета выехал и англичанин лорд Килланин, крупный деятель международного олимпийского движения, большой специалист и любитель лошадей. На свете, как известно, очень много лошадиных мастей: вороные, гнедые, саврасые и так далее. Так вот на этом заводе лорд увидел такую красивую лошадь и такого необыкновенного цвета, что долго не мог поверить в ее реальное существование. Вы своими глазами сможете увидеть этого коня в цветном фильме «Руслан и Людмила». Конь выбрал себе не спортивную, а творческую работу.

А СКОЛЬКО ВСЕ-ТАКИ ОЛИМПИЙСКИХ ВИДОВ СПОРТА?

Как ни странно, но точно этого никто не знает. Как так? А вот как. Гандбол, или ручной мяч, — это олимпийский вид спорта? Да. Может кто-нибудь припомнить чемпионов последних олимпийских игр по ручному мячу? Нет. Не было таковых. И стрельбы из лука не было. И дзюдо не было в Мексике. А в Японии, помнится, было. Дело в том, что Международный Олимпийский Комитет каждый раз решал, какие виды спорта из всех признанных олимпийскими оставить в программе, а какие не разыгрывать. В Мюнхене по предложению нашего Олимпийского Комитета будут разыграны

всем любителям спорта. В каких номерах олимпийской программы продолжены традиции пентатлона и панкратиона в наши дни? (5)

В 1896 году в Греции вновь собрались олимпийцы — теперь уже со всего мира. Назовите имя французского педагога, который посвятил свою жизнь возрождению олимпийского движения и был организатором игр в Афинах. (6)

На олимпиаду 1908 года в Лондон впервые отправились представители России. Их было пятеро. Двое — борцы Н. Орлов и О. Петров — завоевали серебряные медали, а один — золотую. Кто из русских спортсменов и в каком виде спорта впервые поднялся на высшую ступеньку олимпийского пьедестала почета? (7)

Пришло время, и на олимпийские игры в Хельсинки выехала первая делегация советских спортсменов. Первый старт — первый большой успех. В каком году это было и какой урожай золотых наград собрала тогда наша команда? (8)

Баталии сильнейших футбольных дружин мира всегда привлекают особое внимание. На каком континенте и в каком году советская сборная совершила круг почета после победы в олимпийском турнире? (9)

В Москве 68 тысяч Ивановых. Однако этого Иванова не спутаешь ни с кем — он трехкратный олимпийский чемпион. Как зовут чемпиона, в каком состязании он не знал себе равных и в каких городах был увенчан лавровыми венками? (10)

медали в двадцати одном виде, то есть во всех видах спорта, признанных олимпийскими. Но и это не последняя цифра. Многие национальные олимпийские комитеты, и наш в том числе, считают, что стрельба стендовая и стрельба траншейная — два разных вида спорта, что борьба вольная и классическая — два вида, что плавание, прыжки в воду и ватерполо три разных вида спорта. Так что в таком случае получается двадцать пять. А если взять впервые разыгрываемый в Мюнхене вид — каноэ с препятствиями, иначе говоря — лодочный слалом, — двадцать шесть. Но каноэ с препятствиями пока отнесли просто к гребле. Спор идет. И пока так никто и не знает: сколько видов спорта включает в себя олимпиада.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ТАЛИСМАН

Так уж принято, что на каждой олимпиаде есть талисман. Вот и готов талисман для Мюнхенских игр. Это Вальди. Пластмассовая или плюшевая такса. У нее голубая голова и на теле полосы, минимум, из трех олимпийских цветов. А всего олимпийских цветов шесть. Кстати, у Вальди есть реальный прототип в жизни. Мать живой таксы Вальди — чемпион ФРГ среди охотничьих собак, а отец — чемпион мира на собаьем конкурсе красоты. Может быть, кто-нибудь из вас хочет сделать такой талисман для наших спортсменов? Присылайте. Мы обязательно передадим их по адресу.

НОВОЕ В МЕДАЛЯХ

Вы, наверное, читали, что были случаи за рубежом, когда золотые олимпийские медали продавались. Нынче это будет сделать сложнее. По крайней мере, если толстосум и ухитрится купить такую медаль, он не сможет выдать ее за собственную. Впервые по самому краю медали будет выгравировано имя победителя.

ВЕСЕЛЫЕ ИГРЫ

Изю всех стран мира приедут на Олимпиаду художественные ансамбли, театры, балет, пантомима, художники-карикатуристы. От нас поедет кукольный театр Образцова.

А в приморском городе Киле, где будут состязаться яхтсмены, состоится парад старинных парусных кораблей. В нем примет участие и наш парусник.

Впервые на олимпиаде будет такая большая культурная и художественная программа. В Мюнхене даже будет создана «Улица развлечений». В кинотеатрах на этой улице будут демонстрироваться короткие фильмы, сделанные режиссерами разных стран, под такими странными названиями: «Концентрация», «Радость», «Отдых». Но, если вдуматься, ничего странного. Перед выступлением спортсмен должен сконцентрироваться, затем радоваться (если, конечно, есть чему), затем — отдыхать.

Вот бы и нам с вами на эту улицу!

Ответы на наши вопросы должны быть краткими и располагаться в той же последовательности и под теми же номерами. Письма с ответами следует отправлять не позднее 1 марта и обязательно с пометкой на конверте «ОЛИМПЕЙСКАЯ ВИКТОРИНА».

Как и во всяком олимпийском состязании, будут определены шесть команд-победительниц, а три призера получают медали — золотую, серебряную и бронзовую.

Два дополнительных вопроса к ученикам школы «Спринт»:

1. Кто и с каким результатом выигрывает на олимпийских играх бег на 100 метров у мужчин?

2. Команда какой страны победит в женском эстафетном беге 4×100 метров?

За безошибочный ответ — награда: книги по легкой атлетике с автографами советских спринтеров-олимпийцев.

ВАЛЬДИ ЖДЕТ ГОСТЕЙ

В нанун восьмого чемпионата мира по футболу наш корреспондент связался по телефону с президентом Международной федерации футбола сэром Стэнли Роузом (см. № 6 „Костра“ за 1966 г.). Мы спрашивали, достаточно ли надежно охраняется почетный приз — золотая богиня Нине. И беспокоились не зря! Буквально на следующий день после нашего звонка злоумышленники похитили статуэтку. Пришлось позвать на помощь терьера Пинкля. Собачка посрамила знаменитых сыщиков Скотланд-Ярда и дала возможность английской королеве вручить Золотую богиню своим соотечественникам — победителям мирового чемпионата.

Теперь нам сообщили, что охрана олимпийских золотых соприц за благоверенно поручена тансе по илчине Вальди. Вальди — хозяйка игр — окрашена в традиционные олимпийские цвета. Танса сторожит 272 награды

из самого благородного металла. Впрочем, поговаривают, что Вальди такая почитательница отличных спортсменов, что согласна уступить все медали до одной тем, кто блеснет на олимпиаде высоким мастерством!

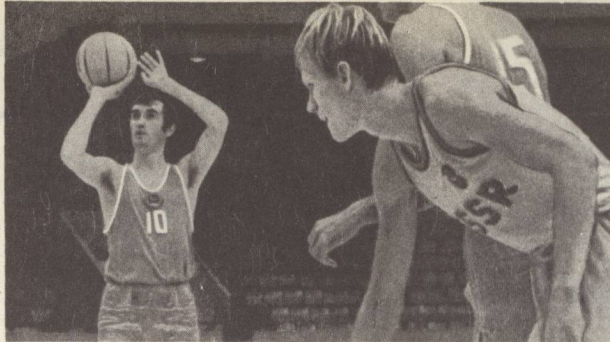

СПОРТСМЕН, КОТОРОГО НУЖНО ЗНАТЬ

СЕРГЕЙ БЕЛОВ

Этот снимок сделан в Ленинграде во время баскетбольного матча сборных Югославии и СССР. Чемпионы мира против десятикратных чемпионов Европы! Великолепен был центровой гостей Крешамир Чосич, гигант, обладающий подвижностью спринтера и меткостью подлинного баскетбольного снэйпера. И когда я выразил вслух восхищение игрой этого большого мастера, мой сосед по ложе прессы возразил:

— Чосич, конечно, очень силен, но Белов — еще сильнее.

И сказал это человек, которого в пристрастности не упрекнешь: Иован Коспер, журналист из Югославии, прибывший на берега Невы вместе со своей сборной.

О том, что москвич Сергей Белов «еще сильнее» не только Чосича, но и всех участников последнего чемпионата мира, единодушно решило авторитетное жюри из представителей различных стран. Белов — своеобразный «номер один» в мировом любительском баскетболе (хотя его постоянный номер — 10).

...До конца встречи спартаковцев Ленинграда со столичной командой ЦСКА оставалось 5 секунд. На очко впереди был «Спартак». Поединок этот, проходивший на нейтральном поле в Тбилиси, решал: кому быть чемпионами СССР 1971 года? Итак, пять секунд, а мяч — у

Белова, получившего передачу неподалеку от своего щита. И этого крошечного времени Сергею хватило, чтобы буквально с финальной сиреной попасть в кольцо.

Точно поразить цель из трудного положения умеют многие игроки. А вот создать благоприятную ситуацию, когда непосвященному со стороны кажется, что никто и не мешает броску — это уже удел большого мастера. И только у больших мастеров такой мягкий, кистевой толчок мяча, летящего в точно заданном направлении.

Со своими 190 сантиметрами в трамвае он кажется таким высоким, а на баскетбольной площадке — совсем низкорослым рядом с центровыми, самый «маленький» из которых — за 2 метра. Но начинается матч, и даже верховые мячи чаще всего перехватывает Сергей.

Всего восемь лет назад появился в свердловском «Уралмаше» новый защитник Сережа Белов, привлекивший внимание тренеров колоссальной работоспособностью. Команда заканчивала трудную, порой изнурительную тренировку, а новичок оставался в зале еще часок-другой. «Отшлифую сегодня бросок с угла», — говорил он товарищам...

Михаил Эстерлис
Фото Владимира Галактионова

ШИРЕ ШАГ!

СОВЕТЫ МАСТЕРА

Для бегуна-спринтера очень важно, чтобы шаг был широким. Побежишь мелкими шажками — непременно отстанешь от соперника.

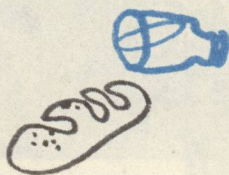
Широкий свободный шаг обычно бывает у хорошо тренированного спортсмена. Для этого надо бегать кроссы и специальными упражнениями развивать мышцы бедра. Еще одно условие — хорошая эластичность связок. Ее можно вырабатывать во время зимних тренировок в зале. Например, очень полезно научиться делать шпагат. Этого можно достичь, если ежедневно выполнять специальный комплекс упражнений. Но разучивать их надо постепенно, иначе можно растянуть связки. Кстати, эластичность связок в не меньшей степени, чем бегунам, необходима гимнастам и футболистам, лыжникам и фехтовальщикам, конькобежцам и пловцам.

Вот простейший комплекс из семи упражнений.

1. Сидя на полу, ноги врозь. Пружинящие наклоны к правой ноге, затем к левой, наклон вперед. Цель — коснуться грудью колена, а при наклоне вперед — пола.
2. То же упражнение сидя, ноги вместе.
3. В положении выпада пружинистыми приседаниями постепенно отводить ногу назад.
4. Стоя боком у опоры, махи ногами вперед и назад, стараясь разгибать колено. Махи сначала низкие, постепенно нога будет подниматься выше. При этом надо следить за осанкой. Стоять прямо, не наклоняться, ноги держать прямыми.
5. Поставить ногу на опору. Пружинящие наклоны.
6. Из положения стоя, ноги вместе, наклоны вперед, не сгибая коленей.
7. Полушпагат — сед на коленке согнутой ноги, находящейся спереди, другая сзади, руки в стороны.

КОТ НА КРЫШЕ

БЫЛЬ

Как-то вечером возвращались мы с друзьями с теннисной площадки ленинградского стадиона «Динамо». Вот и ворота у выхода. По сторонам — две башенки. Возле одной из них на лавке сидела над своим вязанием старушка-дежурная. Увидела нас и спрашивает.

— Ребята, вы, случаем, не из тех, кто железные тарелки бросает?

— Нет, — отвечаем.

Расстроилась старушка. Снова взялась за спицы.

— Я, — говорит, — тогда тех длинных подожду, что мячи в корзинку на столбе забрасывают. Уж они-то всегда мне помогают...

Само собой, остановились мы, спрашиваем, какая нужна помощь и почему надо обязательно ждать метателей диска или баскетболистов?

А бабуся в ответ:

— Тут особая сноровка требуется. А ну-ка, попробуйте...

С этими словами подает она нам какой-то сверток и просит:

— Закиньте его на крышу павильона. Только аккуратно, на-весом. Цельтесь ближе к трубе, тогда он поймает.

Подняли мы головы и видим: сидит на краю кровли кот. Усатый, черный. И уже изготовился к прыжку. Глаза сверкают, хвостом по железу постукивает, спина выгнута.

— Разминается, — говорит дежурная. — Он у нас все по режиму делает. На стадионе-то режим — первое дело...

Кинул один из нас сверток, да промахнулся. И тут нам показалось, что кот презрительно фыркнул и скривил усатую морду. Пока мы все по очереди упражнялись, он демонстративно отошел от края крыши. Но как только последовал удачный бросок, подобно молнии мелькнула в воздухе черная лапа и послышалось одобрителное урчание.

— Реакция, — сказала тут старушка. — Вратарь позабудет!

И она поведала нам историю кота, который никогда не бывал на земле.

Он и родился на этой крыше. Как-то весной его мать и братья свалились оттуда вместе с кучей талого снега. Отряхнулись и отправились куда глаза глядят.

А черный остался. Когда жарко, он в тени трубы прохладается. Зимой у этой же трубы греется. Завтрак, обед и ужин регулярно получает с земли.

Многих спортсменов знает в лицо. Особенно уважает (по известной причине) баскетболистов. Но фамильярности не терпит. Несколько раз пытались его снять с крыши — наотрез отказался. А с одним городошником и вовсе сурово обошелся. Говорят, целую банку йоду на бедного израсходовали в медпункте.

— Динамовский он. Одно слово — воля к победе, — продолжала старушка. — Да и что ему делать внизу? С крыши все как на ладони. Хочешь — футбол смотри, а хочешь — соревнования пожарных. А бывает, что и международный матч какой...

С тех пор много раз забрасывал я на крышу свертки с провизией, молочные пакеты, бутылки с водой, которую кот в жаркий день лакал прямо с железа. Похоже, что динамовский кот не собирается покидать свою «персональную трибуну».

Борис Грищенко

Оформление Юрия Бочкарева

ОТЧЕГО КАРАНДАШИ СТАЛИ РАЗНЫМИ

Мой отец карандаши подарил на праздник мне. Все, конечно, хороши, но различны по длине.

Желтым солнце часто очень я рисую — желтый сточен. Красный — тоже. Красным флаги я рисую на бумаге.

Синим часто крашу воду, чтобы плавать пароходу. А зеленый — чуть побольше: им я крашу лес и поле.

Но коричневый длинней: лишь для крыш хорош да пней.

Самый длинный — черный: им я рисую ночь и дым.

Венда Сьелсеп

2

ЧЕЛОВЕК С ЯКОРЕМ

Буду плавать, когда вырасту, в морях,
Вся одежда моя будет в якорях,
И на мостике я буду стоять,
На фуражке будет якорь сиять.

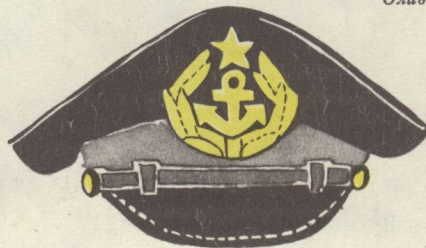
Солнце выглянет из тучки завитой
И решит, что этот якорь — золотой,
А луна, взойдя на темный небосклон,
Будет думать, что серебряный он.

И всплывет из глубины голубой
Кит, посмотрит, покачает головой
И промолвит: «Вообще говоря,
Я и сам не прочь носить якоря».

Шторм ужасный налетит, заревет.
Я на мостик выйду в форме, и вот
Шторм, увидев, как мой якорь блестит,
Вмиг уляжется, почувствовав стыд.

И опять сияет солнце с высоты.
И опять спокойно море. И ты
Сам поймешь теперь, что носят не зря
На фуражках моряки якоря.

Оливия Саар

*Перевел
стихи
Иосиф
Бродский*

Дюжина носков и дюжина башмаков

Вчера вечером Трийну стирала носки. Для папы — три пары, для Таави — две пары, для Теэт — парочку. Всего дюжину носков.

А Таави чистил вчера вечером башмаки. Для бабушки — три пары, для мамы — две пары и для Трийну — парочку. Всего дюжину башмаков.

— Как хорошо, что кошка свои чулочки моет и сушит сама, — сказала Трийну. — А то на веревке не хватило бы места.

— Здорово, что собака чистит свою обувь, — сказал Таави. — Мне ведь пятнистой ваксы взять негде.

Элен Нийт

*Перевел с эстонского Андрэс Яаксоо
Рисунки Эмэ Пикк*

„ПАПА“ БРЯНЦЕВ

А. А. Брянцев, который полвека назад создал Ленинградский Театр юных зрителей, пришел ко мне в морской фуражке. Перехватив мой удивленный взгляд, он улыбнулся.

— До работы в театре, — сказал он, — я был моряком. Это приучило меня к дисциплине, точности, порядку, что весьма полезно и руководителю театра. И еще... в этой фуражке я чувствую себя моложе.

Это было в 1955 году. Я работал над альбомом «Что ни страница — знакомые лица».

— Кого же еще из ленинградцев вы будете рисовать? — спросил Александр Александрович.

Я показал ему список. Он увидел имена бывших своих воспитанников, уже ушедших из ТЮЗа на большие сцены и на экраны кино: Николай Черкасов, Борис Чирков, Леонид Любашевский, Виталий Подицеймако...

— Двух я чуть не прозевал, — сказал Брянцев. — Не помню уже почему, но на приемочном просмотре они мне не понравились. Случилось так, что за ответом оба пришли, когда я торопился на сбор труппы. Отказать, не объяснив почему, я не мог. Пришлось пригласить их на собрание. А после того, как они побывали на собрании, приняли участие в спорах, неудобно было не оставить их в театре. И что же? Оба оказались превосходными актерами. А один даже написал для нашего театра несколько пьес.

ме, а Любашевский сыграл в картине, поставленной по его же сценарию, роль Якова Свердлова.

До этой встречи с Брянцевым, да и после нее, я много раз общался с его знаменитыми воспитанниками. И всегда, когда возникал разговор об Александре Александровиче, они с благодарностью произносили:

— Папа Брянцев.

Иосиф Игин

СОДЕРЖАНИЕ

Наш ТЮЗ	рисунки С. Острова	1
Страна Поэзия	Ю. Воронов	4
Рассказы о Московской битве	С. Алексеева рисунки Н. Лямина	6
Товарищи по „Зарнице“		10
Жаркое лето	повесть Н. Печерского рисунки Т. Капустиной	14
Вася Павлов, сын партизанского отряда	рассказывает А. Миролубов рисунок Т. Ксенофонтова	30
Поговорим о твоём рисунке	беседа художника К. Овчинникова	32
Зеленые страницы	ведет Н. Сладков	34
Я — инспектор манежа	повесть Р. Балановского рисунки Ю. Шабанова	36
Сель! Сель! Сель!	очерк В. Осинского фото Р. Ибрагимова оформление В. Прошкина	44
Кузя	рассказ Э. Офина рисунки А. Алексеева	47
Необъявленная война	комментарий Б. Никольского	50
Вот так штука!	оформление А. Януса	54
Арчебек	шахматы, шашки	55
Морская газета	оформление Р. Попова	56
Олимпийские заботы	репортаж Л. Виноградова оформление Ю. Бочкарева	58
Уголёк	журнал для малышей	62

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтутьев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Порошков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погонин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор

М. С. Беломлиный

Технический редактор

В. И. Мецатунова

Корректор

В. А. Маевская

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37,
телефон 14-57-76

М-36339. Подписано к печати 24|XII 1971 г. Формат 60×90¼.
Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 600 000 экз.

Заказ 1500 Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР. Ленинград, Кронверкская ул., 7.

— Кто же они? — спросил я.
— Теперь их знают, — сказал Брянцев. — Чирков прославился в фильмах о Макси-

**„ПОЛКОВАЯ РАЗВЕДКА,
ИЛИ СТРЕЛЯЙ РЕДКО,
ДА МЕТКО“**

Военно-спортивная игра

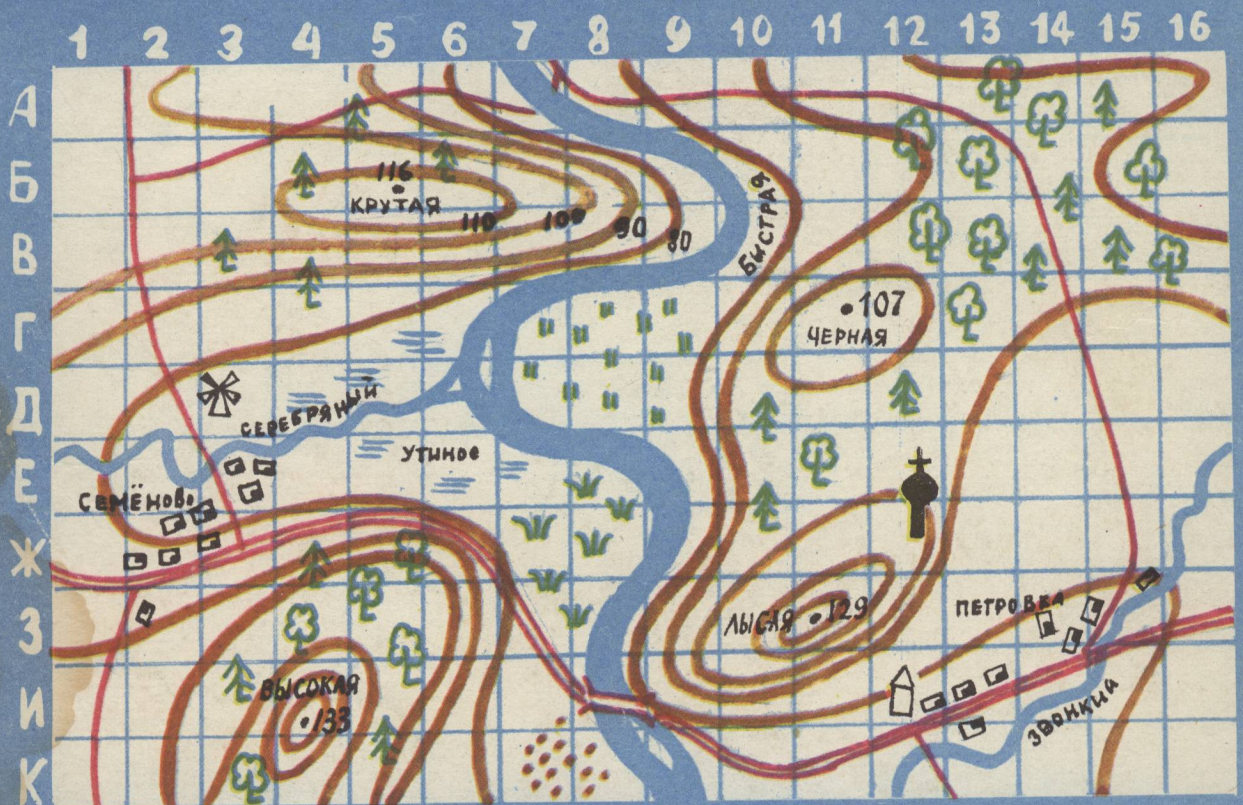
Ребята из квартиры № 64 предлагают вам задолго до летней военно-спортивной игры «Зарница» проверить свои командирские способности в домашней обстановке.

Правилами игра напоминает распространенную игру «Морской бой». Вы разделяетесь на «красных» и «синих». Вам вручается карта местности, где должна происходить военная операция. (Для этого каждой стороне нужно скопировать для себя помещенную здесь карту).

Рубеж обороны проходит по реке. Вы разыгрываете по жребью, кто занимает какой берег, и в строгом секрете от «противника» расставляете каждый на своей стороне объекты обороны. (Их надо перерисовать из журнала на карту карандашом, чтобы можно было после игры стереть). Форму объектов можно изменять, но при этом объект должен занимать столько соприкасающихся хотя бы одной стороной квадратов, сколько указано рядом. Разворачивая свои силы, однако, не забывайте о безопасности мирного населения. Не располагайте, например, аэродрома или ракетной установки в населенном пункте. Словом, действуйте по обстановке.

Затем вы приступаете к разведке, то есть по очереди, сначала «красные», потом «синие», называете номер квадрата на стороне «противника», в котором, по вашему мнению, может находиться какой-нибудь объект противника. Если названный вами квадрат пуст, ваш партнер говорит: «промах». Если же вы угадали и попали в объект, «противник» обязан честно признать попадание. Вы отмечаете на своей карте квадрат с обнаруженным объектом, имея в виду, что обнаружить крупную цель с одного попадания нельзя. Вы должны для полного обнаружения части, склада, аэродрома и т. п. угадать все квадраты, которые они занимают и отметить их примерное расположение. Выигрывает тот, кто первый разведал все 10 объектов «противника».

Со своей стороны ребята из квартиры 64 предлагают вам задачу: кто из вас может расшифровать, что скрывается за значками и цифрами на карте? Тот, кто пришлет наиболее исчерпывающий ответ, будет представлен к благодарности за отличную военно-топографическую подготовку.

	пулемет (1 квадрат)		миномет (1 квадрат)		аэродром (3 квадрата)
	наблюдательный пункт (1 квадрат)		расположение механизированной части (3 квадрата)		склад (2 квадрата)
	орудие (2 квадрата)		ракетная установка (2 квадрата)		расположение стрелковой части (2 квадрата)
	командный пункт (1 квадрат)				